ЕВРОПА:
НОВОЕ СОСЕДСТВО 2008

Материалы международной научной
конференции студентов и аспирантов
17–18 мая 2008 г.
Вильнюс

Европейский гуманитарный университет
вильнюс
2009

УДК 32+34+7+008](4)+940
ББК 66+67+85+71+63.3(4)
Е24

Рекомендовано к изданию:
Академическим советом магистерских, аспирантских и иных программ постдипломного образования ЕГУ
(протокол № 43-01 от 25 февраля 2009 г.);
Академическим советом бакалаврских программ ЕГУ
(протокол № 33-08 от 26 февраля 2009 г.);
Редакционно-издательским советом ЕГУ
(протокол № 9 от 27 февраля 2009 г.)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Европейского Союза, Совета министров Северных стран и Фонда «Евразия»

Е24 **Европа** : новое соседство 2008 : сб. науч. тр. / редкол.: Г.Я. Миненков (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс : ЕГУ, 2009. – 282 с.

ISBN 978-9955-773-27-6.

В сборник включены материалы международной научной конференции студентов и аспирантов «Европа: новое соседство 2008», состоявшейся в Европейском гуманитарном университете в мае 2008 г.

Для преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных специальностей.

УДК 32+34+7+008](4)+940
ББК 66+67+85+71+63.3(4)

ISBN 978-9955-773-27-6

СОДЕРЖАНИЕ

II. Идентичность в многообразных измерениях

III. Право и демократия: вызовы времени

IV. (Не)актуальные проблемы гендерной теории

ПРЕДИСЛОВИЕ

Европейский гуманитарный университет продолжает традицию организации представительных научных конференций студентов и аспирантов. Читатель имеет возможность познакомиться со сборником материалов второй такой конференции, проведенной университетом в ситуации изгнания. В конференции приняло участие около 100 студентов бакалаврских, магистерских и докторских программ из разных стран. Редакционная коллегия провела большую работу с тем, чтобы отобрать для публикации наиболее интересные, оригинальные и перспективные доклады. Надеемся, что у нас это получилось.

Не считаю необходимым как-то подробно комментировать публикуемые материалы и представленные в них идеи и подходы. Читатель сможет сделать это и сам. Хочу обратить внимание только на два, на мой взгляд, центральных момента, очень наглядно характеризующих материалы сборника.

Прежде всего стоит подчеркнуть высокий научный уровень публикуемых докладов. Практически каждый из них представляет собой серьезную заявку на перспективное научное исследование, будь то проблемы истории, права, формирования идентичности или гендерных отношений. Авторы докладов хорошо владеют языками современного социального и гуманитарного знания, привлекают новейшие методологические подходы, удачно связывают их с актуальными проблемами развития региона. Все это свидетельствует о том, что у белорусских социальных и гуманитарных наук есть перспектива выхода из переживаемого ими глубокого кризиса и упадка. Уверен, что достаточно скоро многие имена, с которыми читатель познакомится в данном сборнике, станут хорошо известными в поле белорусской, и не только, науки.

Вторая существенная особенность материалов сборника выражается в том, что авторы докладов плодотворно работают с региональными материалами, концентрируясь на историче-

ских и современных аспектах формирования европейского измерения белорусской идентичности. С одной стороны, представлены интересные материалы, свидетельствующие об изначальной европейской принадлежности Беларуси в контексте региональных преломлений различных измерений европейской цивилизации. С другой стороны, убедительно раскрываются современные возможности конструирования белорусской идентичности как идентичности европейской, скажем, в правовом или гендерном отношениях. Все это есть одно из свидетельств того, что европейская перспектива нашей страны отнюдь не утопична.

Материалы сборника убедительно свидетельствуют о том, что Европейский гуманитарный университет действительно становится серьезным региональным университетом, своими средствами создающим пространство для открытия Беларуси миру и мира – Беларуси. И это означает, что у нашей страны есть перспектива, а именно перспектива стать равноправной частью единого европейского политического, культурного, образовательного пространства.

Григорий Миненков
профессор

I.
БЕЛАРУСЬ – ЛИТВА: ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

Цімафей Авілін
(ЕГУ)

БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІЯ ПАРАЛЕЛІ Ў НАРОДНАЙ АСТРАНІМІІ

Summary: Belarusian – Lithuanian parallels in star names folk-beliefs are presented and discussed. The author presents material collected in the field research expeditions hold in 2005–2008 in the article.

Мэтай працы з'яўляецца выяўленне беларуска-літоўскіх паралеляў у народнай астраніміі і прыцягненне ўвагі патэнцыйных даследчыкаў да гэтай пакуль нераскрытай тэмы. Для дасягнення пастаўленай мэты выкарыстоўваюцца метады кампаратыўнага аналізу. Прыведзены ў артыкуле палявы матэрыял быў сабраны па распрацаваным аўтарам апытальніку мясцовымі настаўнікамі і самім аўтарам у 2005–2008 гг.

У шырокі спектр анамастычных даследаванняў уключаны такі разрад уласных імёнаў, як астронімы. Астронімы – гэта назвы аб'ектаў на зорным небе, якія можна ўбачыць няўзброеным вокам: зоркі, сузор'і, планеты і інш [1, 6]. Да гэтага ж шэрагу можна аднесці і метэоры, асабліва ўлічваючы, што звычайна аб гэтай з'яве інфарманты кажуць: «Зорка паляцела». Вядома, што астронімы з'яўляюцца найбольш старажытнымі і малатрансфармаванымі адзінкамі мовы, у аным шэрагу з гідронімамі і тапонімамі. Астранімічны матэрыял дае каштоўную інфармацыю падчас комплексных даследаванняў этнасу: яго генэзісу, мовы, фальклору і г.д. Але, на жаль, беларуская народная астранімія да гэтага часу з'яўляецца адным з маладаследа-

ваных пытанняў. Цяжкасці абумоўлены як спецыфікай збору астранімічнага матэрыялу, якая не дазваляе дакладна суаднесці астронім з аб'ектам на небе, так і неабходнасцю збіральніку валодаць базавымі астранамічнымі ведамі.

Найбольш папулярнымі аб'ектамі на зорным небе з'яўляюцца зорнае скопішча Плеяды, сузор'е Вялікая Мядзведзіца і тры зоркі ў сузор'і Арыёна (дзэта, эпсілан, дэльта Арыёна, ці так званы *пояс Арыёна*). Гэтыя аб'екты добра вядомыя інфармантам, бо асноўныя моманты іх з'яўлення і размяшчэнне на небе (верхняя і ніжняя кульмінацыі, геліакічны ўсход і захад) былі добрымі арыенцірамі ў прасторы і часе.

Такі агульны касмонім, як *сузор'е*, рэдка фіксуецца ў народных гаворках. Замест гэтага інфарманты выкарыстоўваюць ці агульны касмонім *зорка* (нават для Млечнага Шляху – *Малочна Гвязда*), ці *кучка звёздачак*, *група звёзд*, *купка зорак* і г.д. Параўнайце, напрыклад, літоўскае слова *sietynas* [2, *169*], якое ў даваенныя часы выкарыстоўвалася для пазначэння *сузор'я*. Яго агульная семантыка можа быць – «сукупнасць звязаных паміж сабою частак» [2, *169*], т.б. тая ж, што і ў некаторых выпадках беларускага астроніма *Кучкі*, ці *Купкі* («*кучки, як стог сена*» (Плеяды) – запісана Шарэндай Г.П. ад Надзеі Сяргееўны Куцекі 1948 г.н. у в. Студзёная Гута Гомельскага р-на Гомельскай вобл.). Выкарыстанне касмоніма *зорка* для намінацыі сузор'я даволі распаўсюджана на тэрыторыі Беларусі. Адпаведна падчас палявых даследаванняў неабходна надаваць больш увагі высвятленню адпаведнасці астроніма пэўнай зорцы або сузор'ю. Трэба адзначыць, што астронімы, якія адпавядаюць намінацыі «кропкавых» аб'ектаў на небе (т.б. назвы пэўных зорак: *Мар'я і Дар'я* [20], *Каза*, *Воўчая, Заранка, Вадаліў* і інш.), маглі быць першаснымі пры фармаванні альбо трансфармацыі міфалагічных паданняў і ўяўленняў, у адрозненне ад астронімаў, якія надаваліся аб'ектам на аснове бачнага ўмоўнага контуру сузор'я (напрыклад, *Крыж*, *Граблі*, *Змей*, *Мядзведзіца* і інш.), і тым самым наяўныя легенды і іх персанажы або рэчавая прастора падання маглі быць адпраўным пунктам для фармавання гэтай часткі астранімічнай сістэмы. Верагодна, менавіта такі працэсс развіцця астранімічнай сістэмы мусіў быць на пачатку свайго развіцця: I этап – намінацыя асобных зорак, II – груп зорак. Так, народы, у якіх захавалася традыцыя шаманізму, напрыклад інуіты, маюць большую частку

астронімаў, якія адпавядаюць пэўным зоркам (*Ullaktut – тры чалавекі, якія бягуць (пояс Арыёна), Sikuliaqsiujuittuq – імя забітага чалавека (Працыён), Sivulliik, Kingulliq – імёны герояў легенды (Арктур і Вега*) і інш. [21]). У розных паданнях інуітаў той ці іншы персанаж ішоў на неба і заставаўся там. Падобнае і агульнаеўрапейскае ўяўленне, быццам бы зорка – душа чалавека. Акрамя таго, з вялікай колькасці зорак, якія відаць няўзброеным вокам, прасцей вылучыць найбольш яскравыя і сканцэнтраваць у гэтым «кропкавым» аб'екце нейкі вобраз – вобраз жывёлы, чалавека, істоты і т.п.

Адной з праблем з'яўляецца суаднясенне астроніма і аб'екта на зорным небе. Часам назіраецца кантамінацыя астронімаў і аб'ектаў. Так, пэўны астронім выкарыстоўваецца для намінацыі Вялікай Мядзведзіцы і Плеяд, падобны перанос астроніма назіраецца для пар Малая Мядзведзіца ↔ Плеяды, Плеяды ↔ Арыён, Арыён ↔ Вялікая Мядзведзіца [21], Арыён ↔ Касіяпея. Патлумачыць гэта можна падабенствам форм сузор'яў, недакладнае запазычанне з літаратуры (як гэта назіраецца для Арыён ↔ Касіяпея) і інш.

Як адзначаецца ў працы даследчыка Й. Вайшкунаса [21], на большай часцы заходняй і заходне-паўночнай тэрыторыі Беларусі для намінацыі Плеяд сустракаецца астронім *Сіта* [3] і яго вытворныя: *Сіто*, *Сіцечка* [2, *169*], *Рэшата* [4], *Сіцца* [5] і інш., ці *Малое Сітца* [6] і *Бальшое Сіта* [6] (Гіады і Плеяды? – параўнайце эст. *Uus Soel* (Новае Сіта – Плеяды) і *Vana Soel* (Старое Сіта – Гіады) [7, *267*] – ці Плеяды і частка Дракона + частка Малой Мядзведзіцы?). Вядома, што гэты астронім характэрны для балцкіх і фіна-вугорскіх моваў (параўнайце літ. *Sietas* [2, *169*], эст. *Soel* [8, *6*]), таму яго літоўскае паходжанне на тэрыторыі Беларусі відавочна, бо арэалы іншых «славянскіх» астронімаў пашыраны на паўночным усходзе – Валасыні, Валоскі, на ўсходзе – Валасажары, Вісажары і іх вытворныя, на поўдні – Курачка, Кучкі, Купкі. Дарэчы, астронім *Курачка* [9] сустракаецца і на этнічных землях беларусаў у Польшчы. Асаблівасцю беларуска-літоўскага памежжа з'яўляецца наяўнасць астроніма *Сяўцы* (літ. *Sejukas*) [2, *173*], які не зафіксаваны на іншай тэрыторыі Беларусі.

У якасці намінацыі Вялікай Мядзведзіцы сустракаецца агульнаеўрапейскі астронім *Воз*, але на тэрыторыі Беларусі зафіксаваны і літоўскі аналаг – *Гражуля Колы* (літ. Grįžulio ratas) [2,

174]. Семантычна аднолькавымі з'яўляюцца астронімы *Тры Сястры* (*Прахі, Папрадкі*) [10, *102*] («*Людзі старыя гаварят, вунь гаваріт, тры зорачкі эта Тры Сястры, а дальша паглядзі – там Чатыры Брата*» [20] (пояс + меч Арыёна?)) і літоўскае *Trys seselės verpėjos* (Тры Сястры Прахі) [11] – пояс Арыёна. Уласныя імёны гэтых зорак – «*световая*, *заходня*, *позня*» [12], часам адну з іх называюць *Параскева Мучаніца* [4].

Птушыны шлях (Малочны Шлях)

Характэрным найменнем для Млечнагу Шляху як у беларусаў, так і ў літоўцаў выступае найменне *Птушыная дарога*, ці *Paukščių kelias*, *Paukščių takas*. Гэты астронім сустракаецца на большай частцы тэрыторыі Сярэдняй Еўропы, Балтаскандыі і Волга-Пермскай тэрыторыі [13]. Але па-за гэтым комплексам распаўсюджаных астронімаў сустракаюцца некаторыя дыялектныя назвы і мясцовыя ўяўленні, якія значна адрозніваюцца ад іншых. Так, на беларуска-літоўскім памежжы ў вв. Пелясы, Дубінцы, Помедзь (Воранаўскі раён) быў зафіксаваны астронім *Дарога Відэвута і Брутэна* [14], які, хутчэй за ўсё, з'яўляецца познім запазычаннем з літаратуры. Нагадаем, што, як вядома, Відэвут і Брутэн з'яўляюцца нацыянальнымі героямі Прусіі, братамі (магчыма, блізнюкамі). Згодна з крыніцамі XVI ст. Відэвут (Widewuto, Widowuto, Witowudi) і Брутэн (Bruteno, Brudeno) прыбылі ў Прусію па моры да вусця Віслы. Пазней Відэвут стаў «каралём», а Брутэн заснаваў культавы цэнтр Ромава (Romowe) і стаў першым вярхоўным святаром [15]. У в. Ячонка Стаўбцоўскага р-на Мінскай вобл. Самохінай А.П. было запісана наступнае паданне, якое напэўна з'яўляецца больш познім пераасэнсаваннем «кніжнага» астроніма *Малочная Дарога*: «*Маладая дзяўчына-сірата несла малако сваім сястрычкам і братам, якое зарабіла ў людзей, і разліла яго. Так з'явіўся Малочны Шлях, а яе слёзы – зоркі гэтага шляху*».

Заранка (Венера)

Як беларусы, так і літоўскамоўнае насельніцтва Беларусі для намінацыі Венеры-ранішняй выкарыстоўваюць астронім *Зара*, *Заранка* – літ. *Zara*, *Zaratnyčia*, а Венеры-вячэрняй – *Вячорка*, *Вечарніца* – літ. *Vakarine*. Але большую цікавасць вы-

зывае адзначаны Й. Вайшкунасам астронім *Ведзмерагіна* (літ. ragana – вядзьмарка), гэтае слова ў народзе таксама разумееца як баба-яга ці самка-мядзведзя [2, *177*] (параўнайце Венера – *Мядзведзіца* (в. Лыкава Магілёўскага р-на Магілёўскай вобл., в. Більцавічы Вілейскага р-на Мінскай вобл.)). Падобны астронім быў зафіксаваны і ў цэнтральнай Беларусі – *Ведзьма* («*А бальшая зорка, ета называецца Ведзьма, бальшая зорка, каторая адна... Ена сама перва загараецца на небі, сама раньшэ, першая яна загараецца і гарыць аднае такая, адна яркая... А вот зорку ету, дык гаворать "ужо зара ўзышла, нада іці работаць, што-небудзь дзелаць – малаціць, калаціць, хоць што"...*») [16]. Сувязь Заранкі з нечым вядзьмарскім, «нячыстым» выяўляецца і ў адпаведным астроніме *Дзянніца*, семантыка якога, па-першае, – зорка, якая апошняя знікае на небе з узыходам Сонца, а па-другое – гэта нешта д'яблава, калясніца, на якой з'язджаюць і хаваюцца нячыстыя сілы, якія рабілі свае чорныя справы ўначы [17].

Кут, хут (літ. kutas)

На тэрыторыі Беларусі яскравы метэор называюць *хут* або *кут* [18, *170*]. На беларуска-літоўскім памежжы таксама зафіксаваны астронім *kutas (kut-as)* («*Калі яшчэ працавала ў маёнтку, то бывала жнем рож, то кожны вечар бачыла kuta (aitvara), які ляцеў. Высока ляцеў. Падобны на мятлу, якая палае, канец вузкі*» (пераклад)) [19]. Хут сумяшчае міфалагічныя формы дамавіка і вогненнага змея. У літоўскай міфалогіі падобныя функцыі і рысы мае айтварас, а вобраз беларускага дамавіка блізкі літоўскаму каўкасу. Даследчык літоўскай міфалогіі Юліюс Грэймас лічыць, што першапачаткова няроўныя па рангу і розныя па характары два міфалагічныя персанажы з часам, пад уплывам хрысціянскай рэлігіі, перамяшалі свае рысы. Акрамя таго, новая рэлігія дадала свае асаблівасці, так айтварас набыў рысы хрысціянскага чорта. Гэтыя высновы можна перанесці і на беларускага цмока. Сёння ўяўленні пра цмока і дамавіка, у кантэксце з'явы метэора, моцна перамяшаліся, таму абодва сталі падобнымі. Напрыклад, у некаторых паданнях цмок ператвараецца ў барадатага чалавека, г.зн. у дамавіка. Такім чынам, метэор уяўляў сабою вогненнага змея, з аднаго боку, і нейкі дух памерлага – з іншага. Часам гэтая з'ява была роднасная агеньчыкам, якія можна ўбачыць у лесе там, дзе

схаваныя скарбы. Блізкімі па сваіх функцыянальных асаблівасцях у індуісцкай міфалогіі выступае *bhut*, *bhuta* (санскр.) – дух (добры ці злы), прывід. Bhut'ы мігцяць агеньчыкамі над магіламі, хаваюцца ў дрэвах, ажыўляюць нябожчыкаў, лятаюць у паветры, пужаючы людзей. Лічылася, што bhut'ам становіцца чалавек, які памёр ненатуральнай смерцю, так званы заложаны нябожчык, напрыклад самагубца, тапелец, павешаны, апойца і да т.п. Вядома, што ў беларусаў з'ява метэора была звязаная з падзеннем душы нехрышчонага дзіцяці, смерцю чалавека, вяртаннем на зямлю нябожчыка, які чакае прабачэння – з аднаго боку, і падзеннем змея – з іншага.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Рут М.Э. Русская народная астронимия и ее связи с астронимией других народов СССР: автореф. дис. … канд. филолог. наук. Томск, 1975.
2. Вайшкунас Й. Народная астронимия белорусско-литовского пограничья. М., 2004.
3. Запісана ад Віцько Людмілы Іларыёнаўны. Запісаў Авілін Ц.В. у в. Слабада Стаўбцоўскага р-на Мінскай вобл.
4. Запісана ад Краўчанкі Ганны Паўлаўны 1927 г.н. Запісала Шарэнда Г.П. у в. Студзёная Гута Гомельскага р-на.
5. Запісана ад Вярчук (Трапашкі) Марыі Сяргееўны 1918 г.н. Запісаў Авілін Ц.В. у в. Дукора Пухавіцкага р-на Мінскай вобл.
6. Запісана ад Мазоўкі Софьі Васільеўны 1927 г.н., родам з в. Турэц Чэрвеньскага р-на Мінскай вобл. Запісаў Авілін Ц.В. у в. Дукора Пухавіцкага р-на Мінскай вобл.
7. Пустыльник И. Астрономическое наследие древних эстов и его отражение в фольклоре и искусстве // Астрономия древних обществ. М., 2002.
8. Kuperjanov A. Estonian sky – constellations and starlore // Poster contribution to the Balkan Astronomical Meeting in the Rozhen NAO. 2005.
9. Запісана ад Грыка Халіна 1936 г.н., родам з в. Вейкі Беластоцкага ваяводства, Польшча. Запісаў Авілін Ц.В. у в. Грудэк Беластоцкага ваяводства.
10. Авілін Ц.В. Беларускія назвы Арыёна і некаторых іншых сузор'яў // *Роднае слова*. 2005. № 6.
11. Lithuanian Ethnoastronomy (J. Vaiskunas) http://ausis.gf.vu.lt/eka/eastr/stars3.html
12. ПЭА – Палескі электронны архіў.

13. Берёзкин Ю.Е. Мифы глубокой древности // *Природа*. 2005. № 4.
14. Запісаў Фясенка І.І. у вв. Пелясы, Дубінцы, Помедзь Воранаўскага р-на Гарадзенскай вобл.
15. http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111123.htm
16. Запісана ад Чуліцкай Соф'і Аляксандраўны 1928 г.н., родам з в. Варлань Докшыцкага р-на Віцебскай вобл. Запісаў Авілін Ц.В. у в. Дукора Пухавіцкага р-на Мінскай вобл.
17. Запісала Самохіна А.П. у вв. Ячонка, Мікалаеўшчына і Жычалкі Стаўбцоўскага р-на Мінскай вобл.
18. Легенды і паданні. Склад. М.Я. Грынблат, А.І. Гурскі. Мінск, 2005.
19. *Lietuvių* tautosakos rankraščiai – LTR 42329/535/. Запісалі студэнты Вільнюскага універсітэта ў Gerveciai у 1970 г.
20. Запісана ад Бялічонка Івана Мікалаевіча 1934 г.н. Запісаў Авілін Ц.В. у в. Сарачы Любаньскага р-на Мінскай вобл.
21. MacDonald John. The Arctic Sky – Inuit Astronomy, Star Lore, and Legend. http://www.onthinice.ca/teachers/inuit_const/inuit_const_real_life.htm

Натальля Куц
(ЕГУ)

ЛЮБЧА ЯК РЭЗЫДЭНЦЫЯ БІРЖАНСКІХ РАДЗІВІЛАЎ

Summary: The study of the history of Lyubcha allows to affirm that this small town near Navahradak was one of the residence of the Biržai-Dubingiai Radziwiłł family in XVII century. Krzysztof II Radziwiłł and his son finished the building of Lyucha castle, involving builders from the northwest Europe. As a result Lyubcha castle has some traits typical for German and Dutch architecture, for example, particularly, some elements of timber framing. But defensive role of Lyubcha castle was not so considerable. Lyubcha became a residence of Radziwiłł family due to its symbolical, cultural and religious significance. In Lyubcha was found a printing house around which the first circle of men of letters in GDL has formed. In the first half of XVII Lyubcha became also a center of Reformation book publishing. But the most important fact that allows to consider Lyubcha as a residence of the Biržai-Dubingiai Radziwiłł family, is that a Radziwill treasury was kept in the Lyubcha castle including family relics, objects of art and exotic thing, as well as a rich library and juridical archives.

Радзівілы Біржанскай лініі, князі на Біржах і Дубінках, валодалі да XVII ст. гарадамі, буйнымі мястэчкамі і маёнткамі ВКЛ, пераважна на тэрыторыі сёньняшняй Беларусі і Літвы. Найбольшае значэньне ў гэтых уладаньнях мелі рэзыдэнцыі – рэпрэзэнтацыйныя сядзібы, якія былі адначасова месцам схараненьня і канцэнтрацыі ўлады магнатаў. Рэзыдэнцыі меліся служыць азнакай прэстыжу роду, абуджаючы зьдзіўленьне і захапленьне сваім

зьнешнім выглядам, і сумяшчаць абарончыя, адміністрацыйныя і наўпрост жылыя функцыі.

Адной з такіх рэзыдэнцый быў Любчанскі замак, што ў 1607 г. перайшоў у валоданьне да прадстаўніка роду Біржанскіх Радзівілаў – Крыштофа Радзівіла (1585–1640), які атрымаў яго ў падарунак ад жонкі Ганны Кішкі [30].

На пачатку XVII ст. Любча мела статус мястэчка, дзякуючы атрыманаму ў 1590 г. на прашэньне Яна Кішкі магдэбурскага права [1], але значных эканамічных посьпехаў у разьвіцьці яно не дасягнула – і ўсё ж зрабілася адным зь найлепшых маёнткаў Кішкаў, дзякуючы пабудове арыянскага збору і мураванага замку. Любчанскі замак, завяршэньне першага этапу будаўніцтва якога датуецца найверагодней 1581 г., стаўся адной зь першых прыватных пабудоваў такога размаху ў ВКЛ [23, *11–12*], для яго будаўнічы матэрыял «немалым коштам і з далечыні» прывозілі [2, *11*].

Паводле тыпу забудовы Любчанскі замак мае быць аднесены да ліку вясковых рэзыдэнцый Радзівілаў [6, *246*]. Але дасьледаваньне гісторыі разьвіцьця Любчанскага замку, а таксама рэлігійнага і культурнага жыцьця мястэчка Любчы ў сьвятле дзейнасьці Крыштофа і Багуслава Радзівілаў дазваляе сьцьвердзіць, што Любча ў XVII ст. зьяўлялася адной з галоўных рэзыдэнцый Біржанскіх Радзівілаў, прынамсі культурным і рэлігійным цэнтрам іх уладаньняў.

Зрабіць такую выснову дазваляюць прааналізаваныя архіўныя дакумэнты Нацыянальнага гістарычнага архіву Беларусі (НГАБ), Літоўскага дзяржаўнага гістарычнага архіву (ЛДГА), Варшаўскага архіву Радзівілаў, а таксама аддзелу рукапісаў Бібліятэкі Акадэміі навук Літвы. Гэтыя разнастайныя па сваім характары крыніцы можна аб'яднаць у некалькі груп: інвэнтары Любчы й Любчанскага замку, прывілеі, дакумэнты аб гаспадарчым разьвіцьці Любчы ў XVII–XVIII стст., а таксама дакумэнты, датычныя гісторыі пратэстанцкай парафіі ў Любчы. Яшчэ адну вялікую катэгорыю вывучаных крыніц склалі матэрыялы, надрукаваныя ў «Археаграфічным зборніку дакумэнтаў, што датычылі гісторыі Паўночна-Заходняга краю», у «Мэтрыцы ВКЛ», выдадзенай Беларускім і Літоўскім Інстытутамі гісторыі, у выданьнях «Расейскай гістарычнай бібліятэкі» і навуковых артыкулах беларускіх і польскіх навукоўцаў. Гэта судовыя справы, прыват-

нае ліставаньне князёў Радзівілаў, апісаньне (такса) і ардынацыя мястэчка Любча, інвэнтарныя апісаньні. Дамінантныя моманты гісторыі Любчы – дзейнасьць Любчанскай друкарні, гісторыя пратэстанцкай парафіі ў Любчы, характар кунсткамэры і «скарбца Радзівілаў» – сталі часткай агульных працаў, прысьвечаных разнастайным пытаньням культурнага жыцьця ВКЛ і Рэчы Паспалітай, альбо прадметам асобных публікацый.

Крыштоф Радзівіл атрымаў у 1607 г. мястэчка Любча ў ня надта прыглядным стане: замак быў часткова разбураны ў 1601 г. войскамі Астроскага, само мястэчка амаль не разьвівалася ў эканамічным пляне, пункты першага Магдэбурскага прывілею былі забытыя альбо не выконваліся [5, *441–442*]. Нягледзячы на тое, што галоўная рэзыдэнцыя Біржанскіх Радзівілаў – Біржанскі замак – патрабавала яшчэ пільнай увагі і значных фінансавых укладаньняў, бо працягвалася яе дабудова і абсталяваньне, Крыштоф Радзівіл распачаў у Любчы маштабнае будаўніцтва.

Біржанскія Радзівілы мелі трывалыя сувязі зь нямецкім дваром і заходняй Эўропай, таму для будаўніцтва часта запрашалі нямецкіх і нідэрляндзкіх майстроў [17, *267*]. Дзякуючы іх удзелу культурны ляндшафт Любчы набыў некаторыя рысы, характэрныя для архітэктурнага краявіду Паўночна-Заходняй Эўропы. Гэтак, у Любчы паўсталі пабудовы ў характэрнай на той час для нямецкіх, а затым галяндзкіх і паўночна-польскіх земляў тэхніцы – «прускі мур», альбо фахвэрк. У гэтай тэхніцы была выкананая прыбудова да кутняй вежы, верхняя частка муру паміж брамнай і кутняй вежай, гаспадарчыя пабудовы на замчышчы, а таксама званіца кальвінскага збору. Само мястэчка атрымала дадатковы комплекс умацаваньняў – абарончыя брамы й вежы, пабудаваныя ў стылі фахвэрк і дзе-нідзе злучаныя парканам.

Што да Любчанскага замку, то верхнія ярусы яго вежаў, а на Брамнай вежы яшчэ і ніжні, упрыгожыла зграфіта – прадрапаныя на тынкоўцы чорна-белыя малюнкі і ўзоры, якія аддалена нагадваюць зграфіта на Гарадзенскім замку. Параднасьць замкаваму комплексу надавалі гадзіньнікі на Брамнай вежы й ветранікі зь белай бляхі. У выніку замкавы комплекс набыў незвычайную каляровую гаму: патынкаваныя ў сьветлы колер вежы спалучаліся з чорнымі ўзорамі зграфіта і таксама чорнымі драўлянымі крыжамі фахвэрка [3].

Зьнешне новая рэзыдэнцыя Біржанскіх Радзівілаў атрымалася мала падобнай на папярэднія – напрыклад, Біржанскі замак быў збудаваны першапачаткова як замак італьянскага тыпу, – што было абумоўлена тым, што ў асноўных сваіх рысах замкавы комплекс у Любчы быў закладзены яшчэ за Кішкамі. Але ў тым, што датычыць зьнешняй і ўнутранай аздобы, можна прасачыць пераемнасьць узораў і прыкладаў майстэрства тых майстроў, якія працавалі на іншых сядзібах Радзівілаў, бо пры ўмове належнай ацэнкі іх працы яны вандравалі ад адной рэзыдэнцыі да другой. Гэтак, у Любчанскім замку матывы ўнутранага ўбранства перагукаліся з узорамі аздобы віленскай рэзыдэнцыі Біржанскіх Радзівілаў: у Любчанскім замку ў 1630 г. працаваў маляр Фэрдынанд, які дагэтуль ствараў эмблематычныя фігуры для аздабленьня Віленскага палацу [16, *85*].

Але асаблівую значнасьць Любчанскаму замку надавалі не архітэктурныя прыўнясеньні і працы запрошаных майстроў, а разьмешчаныя ў яго памяшканьнях сымбалічныя для кожнага магнацкага роду скарбы: архівы юрыдычных дакумэнтаў, непасрэдна скарбніца Радзівілаў і кабінэт мастацтваў і дзівосаў (кунсткамэра). За Крыштофам Радзівілам з Дубінкаў у Любчу былі перавезеныя прывілеі і помнікі права.

У Любчанскім замку доўгі час захоўваўся гэтак званы «скарбец горны» роду Радзівілаў – унікальная Радзівілаўская скарбніца, вядомая з апісаньня 1633 г., складзенага для Крыштофа II Радзівіла. У яе склад уваходзілі творы мастацтва, каштоўныя прадметы і родавыя памяткі Радзівілаў. Напрыклад, у калекцыі халоднай зброі, якая налічвала больш за 900 адзінак, захоўваліся шаблі Івана Жахлівага, Барыса Гадунова і турэцкага султана Асмана II, шаблі – падарункі Стэфана Баторага, фамільныя рэліквіі – шаблі Крыштофа Перуна і Мікалая Чорнага, трафеі з войнаў – напрыклад, пад Хоцімам, а таксама адзнакі вайсковай улады: булавы і бунчукі, турэцкія штандары [24, *104–123*].

Частка Радзівілаўскай скарбніцы стала асновай унікальнага пратамузэю – кабінэту дзівосаў і мастацтваў – Любчанскай кунсткамэры, якая захоўвалася ў Любчанскім замку і толькі на пачатку вайны 1655 г. была часткова вывезеная Багуславам Радзівілам [18, *44*]. Дасьледчыкі параўноўваюць Любчанскую кунсткамэру са зборамі баварскіх князёў і кунсткамэрай Фрыдрыха Аранскага. У кунсткамэры захоўваўся збор карцінаў і скульптураў, як

замежных (напрыклад, вядомага нямецкага мастака Лукаша Кранаха), так і мясцовых творцаў, нумізматычныя і археалягічныя калекцыі [21, *92*]. У падборы мастацкіх палотнаў досыць выразна выявіліся палітычныя настроі князёў Радзівілаў: сярод іншых, тут былі партрэты швэдзкага манарха Густава II, ворага Кароны Польскай і хаўрусьніка Радзівілаў [28, *246*]. Важнай рысай кунсткамэры Радзівілаў, як і заходнеэўрапейскіх кунсткамэр эпохі Рэнэсансу, была прысутнасьць экзатычных рэчаў – прадметаў побыту, мастацтва й розных рэлігійных культаў краін Азіі, Афрыкі й Амэрыкі, якія везьліся з галяндзкіх партоў: індыйскія бажкі, адзеньне індзейцаў, вырабы з слановай косткі, кітайскі посуд. Рэдкія экзатычныя рэчы спалучаліся ў кунсткамэры з мастацкімі творамі і прадметамі, якія выклікалі ўва ўладальнікаў калекцыі сэнтымэнтальныя пачуцьці як памяткі пра продкаў і мінулыя вычыны (пасьмяротныя маскі продкаў; харугвы, здабытыя ў баях; карціны на гістарычную тэматыку; капялюш князя Крыштофа, прастрэлены ў баі пад Смаленскам). Калекцыя была вонкава бессыстэмная, але разам з тым дазваляла цікавае прачытаньне сямейнай хронікі Біржанскіх Радзівілаў: выявы антычных герояў і рымскіх імпэратараў перамяжаліся партрэтамі эўрапейскіх манархаў, і на гэтым тле Радзівілы паўставалі як роўныя зь імі, як магутны род, за якім стаіць тысячагадовая гісторыя панаваньня. Гістарычны наратыў, які ствараўся ўласьнікамі любчанскай кунсткамэры, зь сёньняшняга гледзішча меў выразны міталягічна-знакавы характар, але рэпрэзэнтаваўся ўласьнікамі як праўдзівы, і таму мітычная птушка фэнікс уваходзіла ў калекцыю нароўні з археалягічнымі і прыродазнаўчымі здабыткамі.

Апроч кунсткамэры, у Любчанскім замку нейкі час захоўвалася адна з найбагацейшых на той час бібліятэк – кнігазбор Крыштофа Радзівіла. Пра яе памер сьведчыць той факт, што для перавозкі яе ў 1630 г. спатрэбілася больш за сорак вазоў [6, *309*]. Што да характару, то апроч уласных ці атрыманых у спадчыну сямейных набыткаў, частку Радзівілаўскай бібліятэкі складалі кнігазборы, набытыя ў пратэстанцкіх сьвятароў, напрыклад пастара Касьцецкага [27, *95*] (1622–1623), а таксама сьвецкія кнігазборы, найбуйнейшым зь якіх была бібліятэка Салямона Рысінскага [6, *341*].

Увага да кніг у асяродзьдзі любчанскіх Радзівілаў была невыпадковай. Неўзабаве па атрыманьні Любчы Крыштоф Радзівіл адчыніў пры зборы, які быў пабудаваны Янам Кішкам як арыянскі,

а пасьля пераасьвечаны як кальвінскі, друкарню [4], плянаваў таксама пабудаваць паперню [13]. У Любчанскай друкарні пад кіраўніцтвам Пётры Бластуса Кміта, яго сына Яна і Яна Ланге выдавалася духоўная і сьвецкая літаратура, навуковыя і навучальныя выданьні па гісторыі, геаграфіі, хіміі, астралёгіі, вэтэрынарыі, мэдыцыне. Сярод іх трэці на Беларусі нотны зборнік (Любчанскі канцыянал, 1618, 1621), першы мэдычны дапаможнік («Хатнія лекі, сабраныя з размаітых аўтараў», 1616), першы зборнік мясцовага фальклёру з тлумачэньнямі на латыні і з прыведзенымі паралелямі зь нямецкай і італьянскай моваў («Польскія прыказкі» Салямона Рысінскага).

На некалькі дзесяцігодзьдзяў Любча ператварылася ў кнігавыдавецкі й мысьлярскі цэнтар пратэстанцкага руху, абышоўшы па сваёй значнасьці Вільню, дзе ў выніку Контрарэфармацыі пазыцыі пратэстантаў вельмі аслаблі [11, *144*]. Спрычынілася дзейнасьць друкарні й да разьвіцьця літаратуры й культуры эпохі Рэнэсансу. Сярод выдадзеных твораў значнае, і нават пераважнае месца займала сьвецкая літаратура, і ў гэтым сэнсе Любчанская друкарня аспрэчвала манаполію Кракава [22, *99*]. Дзякуючы мэцэнацтву Біржанскіх Радзівілаў, пры двары Радзівілаў сфармавалася кола паэтаў і літаратараў, якія ахвотна супрацоўнічалі зь Любчанскай друкарняй. Вось жа, у Любчы выдаваліся творы мяшчанскай літаратуры аўтарства Адама Ўладыславіюша, папулярныя біблійныя гісторыі ў перакազе Самюэля Доўгірда, прысьвячэньні й эпітафіі вядомым асобам аўтарства як вядомых паэтаў, напрыклад Рысінскага, так і пачаткоўцаў – вучняў Слуцкай гімназіі, «Апафегматы» ў перакладзе Беняша Буднага, дапоўненыя ім творамі Бакача. А 1621 г., дата выданьня ў Любчы сумеснай эпітафіі на сьмерць Януша Радзівіла, лічыцца праўдзівым пачаткам літарацкіх асяродкаў ня толькі пры двары Біржанскіх Радзівілаў, але і ў ВКЛ. Сярод Любчанскіх аўтараў былі Даніэль Набароўскі, Андрэас Лохіўса Скотус, Ян Рыбінскі і Беняш Будны, Салямон Рысінскі, Адам Уладыславіюш, Самюэль Доўгірд і інш. [10, *91*].

Любчанская друкарня праіснавала да 1655 г. Яна была зачыненая ў зьвязку з Крывавым Патопам: на пачатку восені 1655 г. Любча была захоплена казакамі [29, *79*]. Але доўгі час памятка пра яе заставалася ня толькі ў выдадзеных кнігах, але і ў самой Любчы. Каля кальвінскага збору, які Біржанскія Радзівілы

падтрымлівалі на працягу двух стагодзьдзяў, на могілках былі пахаваныя першы Любчанскі друкар – Пётра Бластус Кміта – і першы беларус, які назваўся беларусам, – Салямон Рысінскі, якому Крыштоф Радзівіл загадаў паставіць высокі мураваны слуп з мармуровай шыльдай, а здолу насыпаць курган [8, *189*]. Салямон Рысінскі стаўся адной з знакавых постацяў для Любчы і Біржанскіх Радзівілаў. Ён быў ня толькі прыдворным паэтам і даверанай асобай Крыштофа II Радзівіла, але й выхавацелем яго сына Януша, адным з арганізатараў Слуцкай гімназіі.

Біржанскія Радзівілы, якія валодалі Любчай, былі кальвіністамі, але рэлігійна талерантнымі: яны падтрымлівалі ў сваіх уладаньнях арыянаў і праваслаўных. Гэтак, у друкарні ў Любчы выходзілі выданьні як каталіцкія, так і пратэстанцкія – кальвінісцкія й лютэранскія, а заснавальнік друкарні Кміт Пётра Блястус паходзіў з арыянскага асяродзьдзя [11, *131*]. Уладальнікі Любчы таксама заахвочвалі рэлігійную талеранцыю. Другая жонка Януша Радзівіла, кальвініста па веравызнаньні, – Марыя Валошка, пляменьніца Кіеўскага праваслаўнага мітрапаліта Пётры Магілы й гаспадарыня земляў малдаўскіх, – у 1652 г. фундавала ў Любчы праваслаўную царкву [25, *97*], а ў сьнежні 1654 г., падчас Патопу, дала прытулак у кальвінісцкай Любчы праваслаўным манашкам зь Менску, дапамогшы ім набыць дом у мястэчку і знайсьці працу як вышывальніцам [19, *126*]. Сам Януш Радзівіл, кальвініст, пакінуў у тэстамэнце наказ захоўваць у яго маёнтках «манастыры й цэрквы рэлігіі старарускай» [7, *86*].

Прынцып талеранцыі быў парушаны толькі ў XVIII ст., калі Любча, як і іншыя маёнткі Радзівілаў біржанскай лініі, па сьмерці Людвікі Караліны Радзівіл (1695), апошняй прадстаўніцы магутнага кальвінскага роду, перайшла ў спадчыну нямецкіх князёў Нойбургаў. У 1715 г. у Любчы зьявіўся першы з часоў Радзівілаў каталіцкі храм – касьцёл і місійная станцыя езуітаў [9]. Да гэтага часу, напрыклад, Януш Радзівіл забараняў езуітам адчыняць іх місіі ў сваіх маёнтках, мяркуючы, што гэта можа прывесьці да рэлігійных канфліктаў. Такі канфлікт выбухнуў у Любчы ў 1730 г., калі быў наўмысна спалены пратэстанцкі збор. «Праўдзівая рэліцыя пра спаленьне любецкага збору...» [14], напісаная мястэчковым пастарам Якубам Рэнчынскім 21 жніўня 1730 г., сьведчыць пра тое, што падчас пажару, калі пярун трапіў у гаспадарчыя пабудовы езуітаў, а пасьля перакінуўся на будынкі пратэстантаў

і пагражаў збору, людзі зь езуіцкага двара ня толькі не дапамаглі ратаваць забудовы эвангелікаў, а перашкаджалі пратэстантам і месьцічам, якія да іх далучаліся. Збор згарэў, але на гэтым рэлігійнае супрацьстаяньне езуітаў і пратэстантаў ня скончылася. У 1731 г. ксяндзы з Наваградку і Сенна ўварваліся да Яна Воўк-Ланеўскага, у сядзібе якога адбываліся пратэстанцкія набажэнствы ў Любчы, вынесьлі ўсе рэчы з імправізаванай капліцы і спалілі іх на беразе Нёману. Але, нягледзячы на ціск каталікоў і шматлікія судовыя разьбіральніцтвы, пратэстанцкія пастары працягвалі служыць набажэнствы ў Любчы яшчэ да 1769 г. – у ацалелай плябані [12, *354–356*].

Біржанскія Радзівілы значна паспрыялі эканамічнаму разьвіцьцю самога мястэчка Любча: у 1644 г. сын Крыштофа – Януш Радзівіл атрымаў для Любчы новы прывілей на магдэбурскае права, а ў 1647 г. выдаў «Ардынацыю» з указаньнямі адносна арганізацыі мескага жыцьця [5, *436*].

Але амаль праз дзесяцігодзьдзе значэньне, якое надавалі Любчы Крыштоф, яго сыны і ўнукі, абярнулася на шкоду мястэчка: з асабістай непрыязі да Багуслава Радзівіла дарагабускі стараста Залескі прывёў у Любчу зь Міра ў 1660 г. маскоўскія войскі й жыхары мястэчка пачалі цярпець прыгнёт, як у «эгіпецкай няволі» [26, *117*]. Войскі занялі замак і ўчынілі там вялікі гвалт, абражаючы гонар Багуслава Радзівіла. Яшчэ перад Патопам з замку былі вывезеныя скарбы Радзівілаў, у тым ліку часткова і кунсткамэра. Пасьля вайны Багуслаў Радзівіл спрабаваў аднавіць былую рэзыдэнцыю, распачаўшы рамонт замку, але не пасьпеў яго завяршыць. У 1695 г. род Біржанскіх Радзівілаў згас са сьмерцю Людвікі Караліны Радзівіл, а разам з гэтым згасла і значэньне Любчы і Любчанскага замку. Шмат якія крыніцы, у тым ліку Геаграфічны слоўнік Каралеўства Польскага, падаюць, што пасьля наездаў казакаў мястэчка не аднавілася з руінаў, як і замак, які нібыта быў цалкам зьнішчаны [20, *393*]. Гэтыя няслушныя зьвесткі, якія супярэчаць даным інвэнтароў другой паловы XVII ст., сталіся прычынай недастатковай увагі да Любчы з боку гісторыкаў культуры і дасьледчыкаў архітэктуры, перакананых, у прыватнасьці, што Любчанскі замак больш не існуе. Тым часам, у канцы XVII ст. у мястэчку існаваў і замак, прынамсі галоўныя яго вежы, і драўляны пратэстанцкі збор, на ўтрыманьне якога завяшчала грошы Катарына Глебавічаўна Радзівіл (1674) [7, *217*], а пасьля ўносіла сродкі

Людвіка Караліна Радзівіл – дачка Багуслава – і Нойбургскія князі (да 1738) [15].

Прыведзеныя факты сьведчаць пра асаблівае значэньне Любчы ў сыстэме Радзівілаўскіх маёнткаў, асабліва ў першай палове XVII ст., калі ў Любчы існавала друкарня і літаратурны асяродак пры ёй, а таксама перахоўвалася каштоўная частка скарбаў і кунсткамэра Біржанскіх Радзівілаў. Гэта дазваляе сьцьвердзіць, што Любчанскі замак на той час быў адной з галоўных рызыдэнцый Біржанскіх Радзівілаў. Пры гэтым замак у Любчы выконваў ня столькі абарончую і жыльлёвую функцыю, колькі рэпрэзэнтатыўную, выступаючы сымбалем магнацкага роду, месцам канцэнтрацыі яго ўлады і сымбалічнага капіталу, спосабам перадачы памяці пра сябе. Больш за тое, у XVII ст. Любча выступала як буйны цэнтар культуры Рэфармацыі, якую ў значнай ступені падтрымлівалі Біржанскія Радзівілы, і як значны асяродак кніжнай і мастацкай культуры. І толькі Трынаццацігадовая вайна перашкодзіла Любчы захаваць сваё значэньне.

Сьпіс выкарыстаных крыніцаў

1. AGAD, dz. XXIII, tek 84, pl. 1.
2. AGAD, dz. XXIII, tek. VI, pl. I nr 8.
3. AGAD, dz. XXV, nr. 2102.
4. AGAD, dz. XXV, nr. 2105.
5. Alexandrowicz S. Ordynacja miasteczka Lubcza nad Niemnem z 1647 roku. Rocznik Białostocki, t. III. Białystok, 1962.
6. Augustyniak U. Dwor i klientela Krzysztofa II Radziwiłła. Warszawa, 2001.
7. Augustyniak U. Testamenty ewangelików reformowanych w Wielkim Księstwie Litewskim. Warszawa, 1992.
8. Biblioteka warszawska, t. 1. Warszawa, 1864.
9. Encyclopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564–1995. Kraków, 1996.
10. Gajdka K. Środowisko literackie Radziwiłłow birzańskich w pierwszej połowie XVII w. Obrazy literackie, biografie, świadectwa historyczne. Lublin, 2003.
11. Kawecka-Gryczowa. Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku, z. 5, 1959.
12. Kriegseisen W. Likwidacja świątyni ewangelickiej w Lubeczu. Kulturu sankirtos. Vilnius, 2000.
13. Laucevicius E. Papierius Lieutvoje XV—XVIII a. Vilnius, 1967.
14. LMAB 418, 7.

15. LMAB, F 40, 246, 20.
16. Paliušyte A. Kontakty Krzysztofa Radziwiłła (1585–1640) z malarzami Radziwiłłowie. Obrazy literackie, biografie, świadectwa historyczne. Lublin, 2003.
17. Paliušyte A. Artysci i rzemieslnicy na dworze Krzysztofa II Radziwilla (1585–1640) // *Przegląd Historyczny*, Warszawa, 2000, t. XCI, z. 2.
18. Paliušytė A. 1647 m. Liubčios kunstkameros inventories. Menotyra, 1996, № 2.
19. Polski Slownik Biograficzny, t. 20, z. 3, PAN, 1987, s. 126.
20. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. 5. Warszawa, 1884.
21. Sulerzyska T. Galerie obrazow i „Gabinety sztuki" Radziwiłłow w XVII w., „Biuletyn Historii Sztuki" R. XXIII, 1961, nr 2.
22. Topolska M. Czytelnik i ksiazka w Wielkim Ksiestwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku. Ossolineum, 1984.
23. Zawadzki J. Siedziby Kiszków i Radziwiłłów na Białorusi w XVI–XVIII wieku. Warszawa, 2002.
24. Życiński S. Bezdrzewcowa broń biała i oznaki władу wojskowej w inwentarzu skarbca Radziwiłłowskiego w Lubczu z 1633 roku. Archeion, t. LXXVI. Warszawa, 1983.
25. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 14. Вильна, 1904.
26. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 7. Вильна, 1870.
27. Іванова Л. Бібліятэкі пратэстанцкіх збораў у Вялікім Княстве Літоўскім // *Спадчына*. 2003. № 1.
28. Катлярчук А. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў. Менск, 2002.
29. Материалы русско-польских переговоров. Великое княжество Литовское и Россия во время польского потопа (1655–1656). М.: Наука, 1994.
30. НГАБ, ф. 147, воп. 2, ад. зах. 178, арк. 114.

Андрэй Шулаеў
(ЕГУ)

ВЕКСІЛАЛАГІЧНАЯ СПАДЧЫНА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА, РУСКАГА І ЖАМОЙЦКАГА ЯК КРЫНІЦА ДАСЛЕДАВАННЯ БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ ДАЧЫНЕННЯЎ

Summary: The article deals with the problem of vexilologic heritage of Grand Duchy Lithuanian as the source for understanding belarusian-lithuanian intercultural processes in the historic perspective. Author gives an introduction, that telling about essence of vexilological discipline and its research object. Then it is proposed for consideration special publications on the theme with its short analysis. For desiding the research problem author choses comparative analysis of the vexilologic objects of 16th century with analogous by its territory from 20th century, he reconstructs historic flags based on the authentic sources and makes analysis, by this way author comes to conclusion about succession of vexilologic traditions between Grand Duchy Lithuanian and Belarusian National Republic; author marks the question about presence or absence of similar succession between Grand Duchu Lithuanian and Lietuvos Republic.

У артыкуле разглядаецца вексілалагічная спадчына, то бок корпус гэтак званых вексілалагічных абʼектаў. Вексілалогія – спецыяльная гістарычная навуковая дысцыпліна, якая ставіць за мэту вывучэнне і аналіз сцягоў, а таксама абʼектаў, блізкіх да іх па функцыях: транспарантаў, сігнаў (геральдычная або іншая скульптурная кампазіцыя на шасце з функцыямі сцяга), вымпелаў і інш., – выяваў вексілалагічных абʼектаў на прадметах мастацтва,

комплексу ўяўленняў датычна сцягоў або спадарожных ім рэчаў, комплексу рытуалаў і традыцыяў, непасрэдна звязаных са сцягамі.

На сённяшні дзень існуе неабходнасць асэнсавання значэння беларускай вексілалогіі як крыніцы для мікрагісторыі і розных гуманітарных дысцыплінаў (філасофія, культуралогія, рэлігіязнаўства, паліталогія і г.д.). Апроч таго, існуе праблема недастатковай вывучанасці беларускай вексілалагічнай спадчыны ўвогуле, што само па сабе нараджае міфы аб яе ўяўнай беднасці або нават аб адсутнасці. Першапрычынай тут, на думку аўтара, сталася як малая колькасць выяўленых і ўведзеных у навуковы ўжытак вексілалагічных аб’ектаў, гэтак і малая колькасць спецыяльных навуковых вузкадысцыплінарных і міждысцыплінарных даследаванняў, прысвечаных вексілалагічнай спадчыне. Цяжка сказаць, чаму такая запатрабаваная і важная для дзяржаўнага станаўлення гістарычная дысцыпліна была амаль абыдзеная ўвагай даследчыкаў да самага апошняга часу. Магчыма, што вырашальную ролю адыграла адсутнасць на беларускіх землях нацыянальнай гістарычнай школы, а адначасова – погляд з боку афіцыйнай савецкай гістарычнай школы на беларускую сцягавую спадчыну як на патэнцыйна небяспечную з прычыны няўпісанасці апошняй у прынятую ў савецкай гістарыяграфіі афіцыйную канцэпцыю гісторыі са стэрэатыпамі аб адсутнасці самастойнай дзяржаўнасці на тутэйшых землях раней за ХХ ст. Між тым, менавіта вексілалагічная дысцыпліна ўлучна з падобнымі да яе адыгрывае адну з галоўных роляў пры станаўленні нацыянальнай ідэнтычнасці, разглядаючы як навуковы аб’ект адзін з галоўных сімвалаў дзяржаўнасці – сцяг. Такі аб’ект пры ўмове яго сур’ёзнага ўзважанага гістарычнага аналізу можа даць трывалы грунт для нацыянальнага станаўлення і развіцця.

Дзеля даследавання праблематыкі беларускай вексілалогіі аўтарам былі прааналізаваныя існыя на сучасны момант даследчыя працы па гэтай праблематыцы, праведзены аналіз іх спецыфікі і скіраванасці. Сярод навуковых даследаванняў неабходна найперш выдзеліць артыкул Цітова А. *Сцяг, прапар, харугва...* (Беларуская мінуўшчына. 1994. № 2), у якім разглядаецца ў агульных рысах храналогія развіцця вексілалогіі беларускіх земляў, з падзелам яе на перыяды: паганскі (дахрысціянскі), хрысціянскі (з этапамі: старажытны, вялікакняжацкі, этап по-

зняй Рэчы Паспалітай, этап Расійскай імперыі), савецкі і сучасны. Пры апісанні перыядаў і этапаў спадар Цітоў узважана выкладае агульныя тэндэнцыі галіны навукі, але, напэўна з абмежаванасці па аб'ёме, падае досыць мала прыкладаў.

Кніга Басава А. Н., Куркова І. М. *Флагі Беларусі ўчора і сёння* (Мн.: Полымя, 1994) прапануе для разгляду досыць вялікі корпус вексілалагічных помнікаў і складаецца з уступнай часткі, якая дае ўводзіны да канцэпцыяў сусветнага развіцця сцягоў, асобны раздзел прысвечаны гісторыі беларускай вексілалагічнай спадчыны, трэці раздзел прысвечаны сучаснаму (на момант напісання кнігі) стану беларускай вексілалогіі. Гэтая праца – адна з найбольш поўных кніг аб беларускай вексілалогіі, хоць большая частка прапанаваных аб'ектаў датычыць замежжа альбо прывязаная да XX ст., папярэднія ж стагоддзі апісаныя і прааналізаваныя параўнальна менш (падаецца толькі тры выявы сцягоў, ранейшыя за XX ст.), у кнізе падаюцца таксама шматлікія апісанні вексілалагічных помнікаў.

Кніга Цітова А. *Наш сімвал – Пагоня. Шлях праз стагоддзі* (Мн.: Полымя, 1992) разглядае ў гістарычнай перспектыве герб «Пагоня», а таксама, шырэй, аналізуе гэткія спецыяльныя навуковыя дысцыпліны, як геральдыка, сфрагістыка і вексілалогія, у прывязцы да гістарычнага развіцця герба.

Артыкул Насевіча В. *Гэты сцяг пачынаўся так* (Чырвоная Змена. 1995. № 42, 20 красавіка) прысвечаны гістарычным караням Дзяржаўнага сцяга Беларускай Народнай Рэспублікі, а таксама Рэспублікі Беларусь як яе нашчадка, і практычна не аналізуе перыяды, ранейшыя за XIX ст.

Разглядаючы вышэйпералічаныя работы, можна казаць пра вузкую праблемнасць спецыфікі іх даследавання: прысвячэнне пэўнаму гістарычнаму перыяду, пэўнай вузкай праблеме або разгляд розных гістарычных перыядаў без прывязкі да пэўных прыкладаў, пэўнай спецыфікі. Толькі ў рабоце Басава і Куркова прысутнічае імкненне рэпрэзентаваць больш-менш шырокую палітру выяваў вексілалагічных помнікаў беларускіх земляў, але і ў гэтай працы немагчыма не адзначыць яўную скіраванасць даследавання ў бок XX ст.

Паралельна з аналізам навуковых прац і артыкулаў, прысвечаных вексілалогіі, аўтар разглядзеў і прааналізаваў аўтэнтычныя выявы захаваных вексілалагічных помнікаў, а таксама захаваныя

апісанні гістарычных сцягоў. На грунце аналізу фактлагічнага матэрыялу былі зробленыя графічныя рэканструкцыі некаторых незахаваных палотнішчаў, якія былі параўнаныя з захаванымі альбо з іншымі рэканструкцыямі. У выніку стаўся магчымым комплексны аналіз вексілалагічнай спадчыны земляў сучаснай Рэспублікі Беларусь у гістарычнай перспектыве. Ён дазваляе вызначыць найбольш перспектыўныя, «вузлавыя» тэмы даследаванняў, прыводзіць да высновы аб неабходнасці вывучэння корпусу вексілалагічных аб'ектаў розных гістарычных перыядаў улучна з параўнаннем розных перыядаў.

Дзеля больш грунтоўнага разгляду праблематыкі быў абраны перыяд уваходжання беларускіх земляў у склад Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага, дакладней, перыяд адміністрацыйнай і адпаведнай да яе вексілалагічнай рэформаў вялікага князя літоўскага і караля польскага Жыгімонта III Аўгуста. Прычым гэтая спадчына параўноўвалася з вексілалагічнымі аб'ектамі пачатку XX ст. пры палітычным афармленні Беларускай Народнай Рэспублікі. Гіпотэзай даследавання з'яўляецца сцвярджэнне, што вексілалагічная спадчына фармавалася праз пераймання адпаведных традыцыяў Вялікага княства Літоўскага. Такое параўнанне падаецца цікавым найперш з прычыны пэўнай існай пераемнасці паміж гэтымі двума аддаленымі па часе перыядамі, а таксама праз важнасць аналізу такой пераемнасці для разумення і асэнсавання перыяду фармавання беларускай дзяржаўнасці ў гістарычнай перспектыве.

Другой патэнцыйна цікавай праблемай з'яўляецца параўнанне вексілалагічнай спадчыны Вялікага княства Літоўскага з адпаведнай спадчынай розных краінаў-нашчадкаў (Рэспубліка Беларусь, Літоўская Рэспубліка, Украіна і іншыя краіны рэгіёну) дзеля высвятлення спецыфікі гісторыка-культурных узаемадачыненняў паміж імі. Можна меркаваць, што вексілалагічная спадчына Вялікага княства Літоўскага пераймалася рознымі краінаміі-нашчадкамі ў аднолькавай ступені (на прыкладзе Беларускай Народнай Рэспублікі і Літоўскай Рэспублікі).

Праверка гіпотэзаў будзе адбывацца праз параўнаўчы аналіз вексілалагічных аб'ектаў сярэдзіны – другой паловы XVI ст. з аналагічнымі па тэрытарыяльнай прыкмеце аб'ектамі пачатку XX ст., дзеля гэтага выкарыстаны аўтэнтычныя тэксты, а таксама захаваныя выявы вексілалагічных аб'ектаў, на іх грунце зробле-

ныя рэканструкцыі або прамалёўкі кампазіцыі і каляроўкі сцягавых палотнішчаў:

А) захаваныя да нашага часу аўтэнтычныя выявы харугваў *Гарадзенскага павета:*

Chorągiew grodzieńska (http://muzeumwp.pl/, скачана 03.06.2008 г. у 23.20);

Троцкага павета:

Trakai history museum. Virtual panoramas / Lithuania in panoramas. Trakų istorijos muziejus: UAB «Modernių elektroninių technologijų komunikacijos». ISBN 9955-9767-1-3 (на кампакт-дыску);

Vilnius Jono Kazimiero Vilcinskio leidiniuose. Lietuvos nacionalinio muziejaus biblioteka-6. Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus, 2000. C. 143: Flag of the Trakai voivode district. 17th cent. Chromolitograph. Lith. by H. Moulin. Paris, J. Lemercier's printing house;

Слонімскага павета:

Вялікае княства Літоўскае. Энцыкл.: у 2 т. Т. 1: А–К. Мн.: «Беларуская энцыклапедыя», 2005. С. 53: Харугвы паветаў ВКЛ: Троцкага, Гарадзенскага, Слонімскага. Канец 16 – пач. 17 ст. (апошняя рапаравана ў 1747);

Герасімовіч З., Арлоў У. Краіна Беларусь. Ілюстраваная гісторыя. Slovakia: Martin, 2003. С. 120: Харугва Слонімскага павета. XVI–XVIII стст.;

Б) сучасная рэканструкцыя харугвы Віленскага ваяводства

(Беларускі гістарычны часопіс. 2006. № 6 (83), чэрвень. Вокладка, с. 4: Харугва Віленскага ваяводства. Сучасная рэканструкцыя);

В) пісьмовыя апісанні харугваў:

Гваньіні А. Хроніка Еўрапейскай Сарматыі. Лацін. (Alexandri Gvagnini. Veronensis Sarmatiae Evropeae Description, Quae Regnvm Poloniae, Litvaniam, Samogitiam, Rvssiam, Massoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam, et Mosckoviam, Tartariarqum partem complecticvr. MDLXXXL). 1-е выд.: 1578; 2-е выд.: 1581; Пол. выд.: 1611 (Gwagnin A. Kronika Sarmacyey Europskiey. Krakow, 1611);

Басаў А.Н., Куркоў І.М. Флагі Беларусі ўчора і сёння / Пер. А.Н. Найдовіч. Мн., 1994. С. 16;

Цітоў А. Наш сімвал – Пагоня. Шлях праз стагоддзі. Мн., 1992. С. 26–28;

Вялікае княства Літоўскае. Энцыкл.: у 2 т. Т. 1: А–К. С. 409; Т. 2: К–Я. С. 288. Мн.: «Беларуская энцыклапедыя», 2005–2006.

Натурнае апісанне выяваў

Да нашага часу захаваліся толькі тры аўтэнтычныя павятовыя харугвы з перыяду сярэдзіны – другой паловы XVI ст. Таксама маецца выява сучаснай рэканструкцыі ваяводскай харугвы. Але гэтага факталагічнага матэрыялу ўлучна з апісаннямі дастаткова для правядзення параўнаўчага і тыпалагічнага аналізаў пры складанні рэканструкцыі.

1. Харугва Гарадзенскага павета Гарадзенскага ваяводства (пасля 1565 г.). Палотнішча прастакутнае па форме з адным рогам. У левай частцы палотнішча змешчаны бараковы шчыт з гербам «Пагоня» і надпісам вакол шчыта па-лацінску: «SIGISMUNDUS III DEI GRATJA REX POLONIAE MAGNUS DUX LITVANIAE»; у правай частцы – васьміпялёсткавая разета з надпісам у сярэдзіне па-польску: «GRODZIENSKA». Палотнішча абшытае шырокай акантоўкай.

<u>Колеры:</u> акантоўка – залатая са срэбнымі і блакітнымі дэталямі, разета з пялёсткамі – чырвоныя, шчыт – залаты, надпісы – залатыя, «Пагоня» – чырвона-блакітна-срэбная, конь «Пагоні» – чорны.

2. Харугва Трокскага павета Гарадзенскага ваяводства (пасля 1565 г.). Палотнішча прастакутнае па форме. У левай частцы палотнішча змешчаны бараковы шчыт з гербам «Пагоня» і надпісам вакол шчыта па-лацінску: «SIGISMUNDUS III DEI GRATJA REX POLONIAE MAGNUS DUX LITVANIAE»; у правай частцы – васьміпялёсткавая разета з надпісам у сярэдзіне па-польску: «TROCKA». Палотнішча абшытае акантоўкай з тонкай паласатай стужкі, акантоўка часткова перасякае разету.

<u>Колеры:</u> палотнішча – блакітнае, шчыт – чырвоны, акантоўка – чорна-белая, разета – жоўтая, надпісы – жоўтыя, пялёсткі разеты – карычневыя, колеры «Пагоні» – чорны, белы, бежавы, шэры, шэра-зялёны.

3. Харугва Слонімскага павета Навагрудскага ваяводства (кан. XVII – сяр. XVIII ст.). Палотнішча прастакутнае па форме з адным рогам. У левай частцы палотнішча змешчаны бараковы шчыт з гербам «Пагоня» і надпісам вакол шчыта па-

лацінску: «SIGISMUNDUS III DEI GRATIA REX POLONIAE MAGNUS DUX LITVANIAE»; у правай частцы – васьміпялёсткавая разета з надпісам у сярэдзіне па-польску: «SLONIMSKA». На рагу маецца васьміпялёсткавая разетка з надпісам па-польску: «REPAROWANA 1747». Палотнішча абшытае шырокай акантоўкай.

Колеры: палотнішча – чырвонае, акантоўка, разета, разетка, шчыт – зялёныя, надпісы – жоўтыя, колеры «Пагоні» – белы, жоўты, чырвоны, чорны.

4. Харугва Віленскага ваяводства (сучасная рэканструкцыя). Палотнішча прастакутнае па форме з дзвюма «касіцамі» (рагамі). У левай частцы палотнішча змешчаны бараковы шчыт з гербам «Пагоня» і надпісам вакол шчыта па-лацінску: «SIGISMUNDUS III DEI GRATIA REX POLONIAE MAGNUS DUX LITVANIAE»; у правай частцы – надпіс па-польску: «WILENSKA». Палотнішча абшытае акантоўкай. Адваротны бок адлюстроўвае галоўны з тою розніцай, што заміж герба «Пагоня» там маецца герб «Калюмны».

Колеры: палотнішча – чырвонае, акантоўка, надпісы – жоўтыя, шчыт на галоўным баку – белы, на адваротным – чырвоны, колеры «Пагоні» – белы, жоўты, сіні, карычневы, «Калюмнаў» – чырвоны, жоўты.

Пры рэканструкцыі сцягавай палітры Вялікага княства Літоўскага на перыяд з 1565 па 1569 г. у выніку параўнаўчага аналізу прынятае:

– колер палотнішча прымаецца паводле апісанняў;
– колер шчыта прымаецца паводле апісанняў;
– колер акантоўкі прымаецца аднолькавым да колеру шчыта;
– колеры надпісаў прымаюцца жоўтыя;

У выніку праведзенага даследавання колеры ваяводстваў ВКЛ і БНР (паводле аўтэнтычнай выявы пачатку XX ст. [6]) выглядаюць наступным чынам:

1. Ваяводствы ВКЛ:

Віленскае ваяводства – чырвоная харугва з гербам «Пагоня» на белай тарчы;

Менскае – гваздзіковая (чырвоная) з белай тарчай;

Наваградскае – чырвоная з зялёнай тарчай;

Трокскае – блакітная з чырвонай тарчай з залатой акантоўкай (Гарадзенская павятовая харугва, аднак, мае залаты шчыт);

Полацкае – ружовая з белай тарчай;

Віцебскае – зялёная з белай тарчай;

Амсціслаўскае – памаранчавая з чырвонай тарчай;

Берасцейскае – блакітная з чырвонай тарчай

(Кіеўскае, Валынскае, Браслаўскае, Падляскае ў гэтай працы разглядацца ня будуць).

2. Ваяводствы БНР:

Віленскае ваяводства – чырвоная харугва з гербам «Пагоня» срэбнага (белага) колеру;

Менскае – залатая з белай «Пагоняй» у чырвоным коле;

Наваградскае – чырвоная з белай «Пагоняй» і чорным анёлам (дададзены ў XVIII ст.);

Трокскае – чырвоная з белай «Пагоняй»;

Полацкае – белая з «Пагоняй» (белы колер замяніў ружовы ў XVIII ст.);

Віцебскае – зялёная з белай «Пагоняй», якая мае чырвоны элемент;

Амсціслаўскае – жоўтая з белай «Пагоняй» (жоўты колер замяніў памаранчавы ў XVIII ст.);

Берасцейскае – чырвоная з блакітнай «Пагоняй»;

Смаленскае – белы шчыт з чорнай паласой на чырвоным полі (гэтае ваяводства ў рэформе Жыгімонта Аўгуста не ўдзельнічала, бо на той момант было захопленае, але цалкам паўтарае герб ваяводства ў XVIII ст.).

Прапаную параўнанне сцягавых палотнішчаў Віцебскага і Берасцейскага ваяводстваў:

1) харугва Віцебскага ваяводства часоў ВКЛ змяшчае герб «Пагоня» на срэбным шчыце ў зялёным полі (колер герба невядомы). Сцяг гэтага ж ваяводства БНР змяшчае той самы герб без шчыта на зялёным полі, але праз адсутнасць шчыта срэбны колер набывае сама «Пагоня»;

2) харугва Берасцейскага ваяводства ВКЛ змяшчае «Пагоню» на чырвоным шчыце ў блакітным полі. Сцяг гэтага ж ваяводства БНР атрымлівае чырвонае поле, але адначасова блакітны колер атрымлівае сам герб.

Відавочна, што палотнішчы пераймаюць кампазіцыю і каляроўку сцягоў XVI ст., аналагічныя прыведзеным вышэй падабенствы прасочваюцца на ўсіх палотнішчах пачатку XX ст. гэтай групы, спадкуючы вексілалагічную традыцыю ВКЛ.

Пры параўнанні вексілалагічных традыцыяў пачатку XX ст. у Беларусі і Літоўскай Рэспубліцы атрымалася знайсці досыць вялікі корпус вайсковых і дзяржаўных штандароў, але пакуль не выяўлена сцягоў для тэрытарыяльнага падзелу [7]. Такім чынам, вынікі праведзенага параўнаўчага аналізу нельга прымаць поўнасцю (гэтае праблемнае поле патрабуе дадатковага пацвярджэння). Тым не менш можна сцвярджаць, што Літоўская Рэспубліка практычна не пераняла вексілалагічных традыцыяў, выкарыстоўваючы, аднак, геральдычную і гістарычную спадчыну ВКЛ. Для ілюстрацыі тут падаецца кароткае апісанне штандара 4-га палка пяхоты Літоўскай Рэспублікі імя Караля Літвы Міндаўга: палотнішча прастакутнае зялёнае, у цэнтры змешчаны шчыт з выявай Караля, вакол шчыта маецца дэвіз: «Спадару, дапамажы нам абараніць волю і гонар Айчыны», па дыяганальных кутах вышытыя лічбы «4», дно (цэнтральнае поле палотнішча) абведзенае акантоўкай, вакол якой па дыяганальных кутах вышытыя чатыры гербы гарадоў, угары змешчаны шчыт з геральдычным шасціканцовым крыжом, здолу – шчыт з датай заснавання палка.

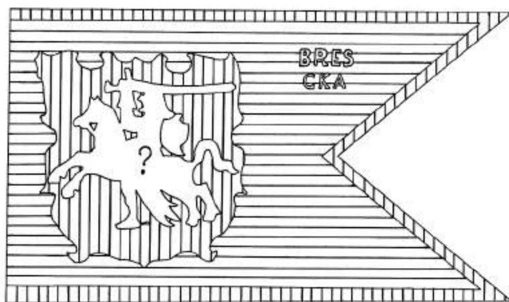
Вынікі праведзеных даследаванняў ілюструюць сутнасць культурных уплываў перыяду ВКЛ на традыцыю пачатку XX ст., іх неаднароднасць, а пры ўмове правядзення больш шырокіх даследаванняў дапамогуць раскрыць іх пэўную ўзаемазалежнасць і трансмежавы характар.

Спіс выкарыстаных крыніц

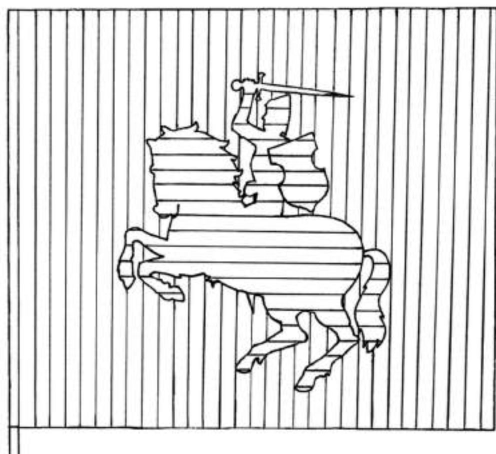
1. Гваньіні А. Хроніка Еўрапейскай Сарматыі. Лацін. (Alexandri Gvagnini. Veronensis Sarmatiae Evropeae Description, Quae Regnvm Poloniae, Litvaniam, Samogitiam, Rvssiam, Massoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam, et Mosckoviam, Tartariarqum partem complecticvr. MDLXXXL). 1-е выд.: 1578; 2-е выд.: 1581; Пол. выд.: 1611 (Gwagnin A. Kronika Sarmacyey Europskiey. Krakow, 1611).
2. Басаў А.Н., Куркоў І.М. Флагі Беларусі ўчора і сёння / Пер. А.Н. Найдовіч. Мн.: Полымя, 1994.
3. Цітоў А. Наш сімвал – Пагоня. Шлях праз стагоддзі. Мн.: Полымя, 1992.
4. Вялікае княства Літоўскае. Энцыкл.: у 2 т. Т. 1: А–К; Т. 2: К–Я. Мн.: «Беларуская энцыклапедыя», 2005–2006.
5. Герасімовіч З., Арлоў У. Краіна Беларусь. Ілюстраваная гісторыя. Slovakia: Martin, 2003.

6. Rutkiewicz J., Kulikow W. Wojsko litewskie 1918–1940. Litewskie formacje zbrojne 1940–1953. Warszawa: Barwa I broń, 2002.

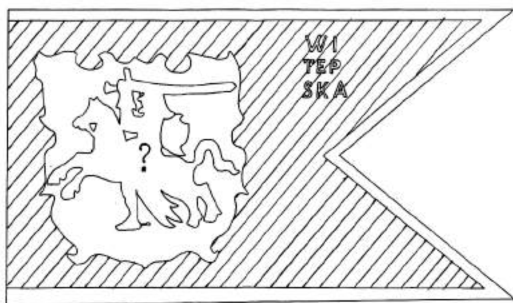
Ілюстрацыі да артыкулу



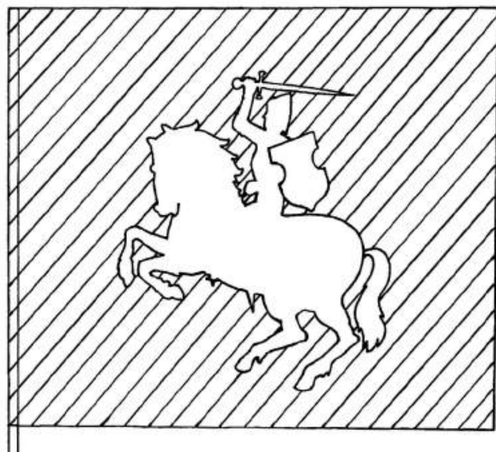
Мал. 1. Харугва Берасцейскага ваяводства (16 ст.)



Мал. 2. Харугва Берасцейскага ваяводства (20 ст.)



Мал. 3. Харугва Віцебскага ваяводства (16 ст.)



Мал. 4. Харугва Віцебскага ваяводства (20 ст.)

– зялёны колер

– чырвоны колер

– блакітны колер

– срэбны колер

? – невядомы колер

Галіна Флікоп
(ЕГУ)

ІКОНАГРАФІЧНЫЯ МАТЭРЫЯЛЫ ВКЛ XVI–XVIII СТАГОДДЗЯЎ – ЗАХАВАЛЬНІКІ ЗВЕСТАК ПРА НАРОДНУЮ КУЛЬТУРУ БЕЛАРУСАЎ

Summary: Engravings and icons created in the Grand Duchy of Lithuania in 16–18 centuries are reviewed in this article not as the works of art, but as the historical source of information about the folk culture of Belarusians in that time. The iconographic materials are analyzed, which reflect the household objects and instruments of labour, rural clothing and dwellings. There are displayed the regional features of the traditional culture elements on engravings and icons, which depend on place of work creation.

Асноўныя этнаграфічныя даследаванні на тэрыторыі Беларусі пачаліся ў другой палове XIX ст., пасля падаўлення паўстання. Мэта гэтых даследаванняў заключалася ў тым, каб на падставе атрыманых матэрыялаў абгрунтаваць прычыны ўключэння пэўных земляў у склад Расійскай імперыі. Натуральна, задачамі, пастаўленымі перад этнографамі, з’яўлялася выяўленне падабенстваў, і нават тоеснасці, у традыцыйнай культуры і побыце паміж рускім і беларускім народамі. Як адзначыў пачынальнік беларускага мастацтвазнаўства Мікола Шчакаціхін, «...аб выяўленні тыповых для Беларусі элементаў не было, зразумела, і гутаркі, і ўвесь аналіз форм старадаўняй культуры нашай краіны зводзіўся выключна да спроб давесці яе адзінства з

старадаўняй культурай Кіеўскай і Маскоўскай Русі...» [9, *3–4*]. Аднак, нягледзячы на ідэалагічны падмурак, гэтыя даследаванні – важная крыніца ведаў па народнай культуры XIX ст. З гэтага часу вывучэнне традыцый і побыту заняло самастойную нішу ў навуцы і працягваецца па сённяшні дзень.

Разам з тым атрымаць звесткі пра народную культуру ранейшага часу досыць складана. Безумоўна, пэўнае ўяўленне могуць даць знойдзеныя пры археалагічных даследаваннях прадметы побыту, прылады працы, элементы вопраткі. Аднак далёка не ўсе матэрыялы могуць доўга захоўвацца ў зямлі, пакуль іх выявяць пры раскопах. Так, напрыклад, тканіны натуральнага паходжання (льняныя, ваўняныя) дайшлі да нашых дзён толькі невялікімі фрагментамі, што ў большасці выпадкаў не дае магчымасці ўявіць, як выглядала пашытая з іх вопратка.

Як адзначаюць даследчыкі беларускага касцюма, «...адсутнасць археалагічных рэчавых матэрыялаў па ўсіх рэгіёнах Беларусі зрабіла неабходным звяртанне да выяўленчых крыніц, якія ўключаюць мініяцюры летапісаў, ілюстрацыі рэлігійных літаратурных помнікаў, мясцовы іканапіс» [1, *6*]. Такім чынам, зварот да іконаграфічных крыніц прадыктаваны адсутнасцю або абмежаванасцю неабходных матэрыялаў. Гэта датычыць розных гістарычных перыядаў. Аднак найбольш складанасцяў існуе ў даследаванні больш ранніх часоў. З узнікненнем і развіццём рукапіснай, а пасля друкаванай кнігі павялічылася колькасць не толькі літаратурных згадак пра народную культуру, а таксама і іконаграфічных матэрыялаў: мініяцюр, гравюр, змешчаных для ілюстравання тэксту.

Што датычыць XVI–XVIII стст., то ў гэты час на землях Вялікага княства Літоўскага ўзнікае і развіваецца друкаваная кніга, а разам з ёй – і мастацтва гравюры [7, *8*]. Таксама на гэты перыяд прыпадае фармаванне своеасаблівай іканапіснай школы, у якой увасобіліся адмысловыя нацыянальныя рысы [2]. Такім чынам, для апошніх трох стагоддзяў існавання Вялікага княства Літоўскага характэрна істотнае развіццё выяўленчага мастацтва на гэтых землях, а разам з тым – відавочнае павелічэнне колькасці твораў, якія даюць візуальнае ўяўленне пра асаблівасці тагачаснай культуры і побыту. Прычынай гэтаму было тое, што на гравюрах і абразах мастакі XVI–XVIII стст. перадавалі рэлігійныя сюжэты праз тыя вобразы, якія былі ім блізкія і зразумелыя. У выніку на іконаграфічных

крыніцах занатаваны звесткі пра тагачасную вопратку, прадметы побыту і прылады працы, выгляд хат і гаспадарчых пабудоў, а таксама сельскагаспадарчыя заняткі, прымеркаваныя да земляробчага календара. Даследчык беларускага мастацтва Лазука Б.А. адносна выяўленчай культуры XVII ст. адзначыў: «Абразы атрымалі выгляд жанравых апавяданняў, у іх узрасла роля рэальнага асяроддзя, этнаграфічных дэталей» [4, *206*].

Шчыльная ўзаемасувязь гравюры і абраза з народным мастацтвам мела вынікам тое, што аўтары адлюстроўвалі ў сваіх творах зразумелыя і знаёмыя ім і гледачам жыццёвыя сюжэты і прадметы побыту. Што датычыць друкаванай графікі, то асабліва выразна гэтая з'ява прасочваецца ў ілюстрацыях да праваслаўных і уніяцкіх выданняў, у адрозненне ад каталіцкіх і пратэстанцкіх, якія збольшага развіваліся ў рэчышчы і пад уплывам заходнееўрапейскага мастацтва [6]. У пэўнай ступені тое ж назіраецца і ў іканапісе.

Што датычыць вывучэння народных строяў XVI–XVIII стст., то тут можна падкрэсліць думку даследчыц беларускага адзення Бялявінай В.М. і Ракавай Л.В.: «Важным матэрыялам для даследавання касцюма гэтага перыяду паслужылі таксама старажытныя гравюры, фрэскавы і станковы жывапіс, уключаючы мясцовы іканапіс, нататкі падарожнікаў, дыпламатаў» [1, *7*].

Уяўленне пра тагачасныя жаночыя ручніковыя галаўныя ўборы даюць гравюры Скарыны да яго выданняў. Мікола Шчакаціхін, аналізуючы гравюру «Пераход праз Ярдан» з кнігі Ісуса Навіна 1518 г., пісаў: «Цікавыя таксама жаночыя галовы на заднім плане ў галаўных уборах, якія крыху нагадваюць вядомыя "намёткі". Тыпы твараў ва ўсіх фігурах... выразна славянскія...» [8, *21*]. Даследчыкамі неаднаразова адзначалася, што на жанчынах з гравюр (не толькі скарынінскіх) апрануты наміткі. Безумоўна, мастакі гэты элемент вопраткі бачылі на жанчынах сваёй мясцовасці.

Багаты матэрыял па народнай культуры адзначанага перыяду даюць гравюры з выданняў брацкай Магілёўскай друкарні. «У магілёўскіх выданнях бадай упершыню строга кананізаваныя рэлігійныя сюжэты яўна трактаваны як жанравыя сцэнкі з народнага жыцця» [5, *40*]. І хоць у друкарні працавала некалькі мастакоў, усіх іх аб'ядноўвае агульная манера стылізацыі рэлігійных сюжэтаў: уздзеянне народнай культуры выявілася

ў наіўна-рэалістычным светаўспрыманні, якое характэрна для брацкіх ілюстрацый.

Як зазначыла даследчыца гравюр магілёўскай друкарні Алена Пікулік, арыентацыя на традыцыі народнага мастацтва праяўлялася не толькі апасродкавана праз манеру выканання гравюр, але і непасрэдна ў адлюстраванні на гравюрах элементаў народнай культуры [5]. Уяўленне пра мужчынскую тагачасную вопратку даюць гравюры «Абразанне» («Трэфалагіён», 1748), «Палажэнне ў труну» («Малітваслоў», 1735), гравюры Ф. Ангілейкі і В. Вашчанкі «Пакланенне пастухоў» («Ірмалой», 1700; «Актоіх», 1730), дзе персанажы ілюстрацый апрануты ў даўгаполыя кашулі, падперазаныя поясам. Як адзначыла даследчыца, мастакі з вялікай дакладнасцю паказваюць усе дэталі крою, адкладныя каўняры, гузікі, характэрныя галаўныя ўборы гэтага рэгіёна (Падняпроўе) – лямцавыя магеркі [5, *42*].

На гравюры «Нараджэнне Хрыстова» з куцеінскага «Трэфалагіёна» (1647) цікавымі для нашага разгляду з'яўляюцца некалькі дэталяў. Немаўля спавіта паяском – крайкай. На пастухах характэрныя беларускія кашулі, падперазаныя поясам. На галаве аднаго з пастухоў мужчынскі галаўны ўбор – брыль.

Як адзначаюць даследчыцы беларускага касцюма В.М. Бялявіна і Л.В. Ракава, надзейнай крыніцай інфармацыі па старажытным народным строі служыць іканапіс, які гарманічна спалучаў кананічнасць, нязменнасць іканаграфічнай схемы з цікавасцю да рэальнага чалавека, яго пачуццяў і знешняга аблічча, у тым ліку і традыцыйнага адзення: «Увядзенне ў абраз рэалій звыклага адзення рабіла рэлігійны сюжэт зразумелым і блізкім народным масам» [1, *71*].

На абразе «Пакланенне вешчуноў», напісаным у сярэдзіне XVII ст. на Магілёўшчыне мясцовым майстрам, адзін з персанажаў паказаны ў даўгаполай тэракотава-карычневай катанцы, падперазанай шырокім цёмна-зялёным поясам, а цераз плячо перакінута скураная сумка-шабета – тыповы атрыбут строю селяніна сталага і састарэлага ўзросту [1, *71*].

Акрамя адзення на тагачасных творах выяўленчага мастацтва знайшлі адлюстраванне прадметы побыту, якія з'яўляюцца неад'емнай часткай народнай культуры.

Важным элементам штодзённага жыцця і абрадавай дзейнасці з'яўляецца ручнік. Дакладна невядома, калі ён узнік у трады-

цыйнай культуры беларусаў. Даследчыца беларускага ручніка Вольга Лабачэўская адзначала, што на графічным аўтапартрэце Францішка Скарыны (1517–1519) можна ўбачыць засланы багата арнаментаваным ручнікам стол, што сведчыць пра выкарыстанне ўжо ў тыя часы гэтага элемента народнай культуры [3]. Натуральна, прыведзены прыклад досыць спрэчны: па названым дрэварыце цяжка меркаваць, ручнік там ці абрус. Аднак найбольш дакладна пра выкарыстанне ручніка ў абрадах сведчаць абразы XVII–XVIII стст. з сюжэтамі нараджэння.

Падобны кавалак тканіны прысутнічае ў працы мастака Пятра Яўсеевіча з Галынца «Нараджэнне Маці Боскай» (1649): дзве дзяўчыны абгортваюць ім толькі што народжанае немаўля. Гэты эпізод сведчыць пра незаменную ролю ручніка ў радзінным абрадзе. Тое ж мы бачым і на абразе «Нараджэнне Маці Божай» невядомага столінскага майстра (да 1700 г.). Але тут ужо можна з дакладнасцю казаць не толькі пра наяўнасць ручніка, але і яго арнаментацыю, кампазіцыйнае і колеравае вырашэнне, якое вельмі стасуецца з ручнікамі Піншчыны XX ст., што сведчыць пра пераемнасць правілаў арнаментыкі і каларыту [3].

Прадметы побыту таксама выразна відаць і на гравюрах. Так, на першым плане гравюры «Пакуты Хрыста» («Актоіх», 1730) паказаны сплецены з лазы беларускі кошык. Немаўля на гравюры В. Вашчанкі «Пакланенне пастухоў» («Актоіх», 1730) спавітае так, што яскрава можна ўбачыць вузкі тканы паясок – крайку [5].

Дрэварыт з куцеінскага «Трэфалагіёна» «Нараджэнне Хрыста» дае ўяўленне пра жытло: біблійны сюжэт разгортваецца на фоне драўлянай хаты, пакрытай гонтай (пласкімі выцягнутымі драўлянымі дошчачкамі) – тыповым для таго часу матэрыялам.

Верагодна, што для пісання аднайменнага абраза 1746 г. латыгаўскі майстар карыстаўся ў якасці пратографу вышэйназванай гравюрай, размясціўшы кампазіцыю люстэркава. Пра гэта пісаў Шчакаціхін у матэрыялах за 1925 г. Цікавым з'яўляецца выкарыстанне этнаграфічных элементаў у гравюры і абразе. Як ужо зазначалася вышэй, страха хаты, паказанай на гравюры, пакрыта гонтай. Што датычыцца хаты на абразе, дык «...структура страхі... аналагічная саламяным страхам сялянскіх хат і гаспадарчых пабудоў» [2, *97*]. Верагодна, кожны з мастакоў маляваў тое, што бачыў у сваёй мясцовасці. Цікава, што ў гэтым выпадку ажыццяўлялася не проста перайманне кампазіцыі з гра-

вюры (што было вельмі распаўсюджана ў той час), але таксама і ўвядзенне «аўтарскіх» дэталяў і элементаў.

Гэтая ж гравюра, верагодна, выкарыстоўвалася шарашоўскімі майстрамі пры пісанні абраза «Нараджэнне Хрыстова» для шарашоўскага іканастаса. Варта зазначыць, што іконаграфічныя сувязі гэтага абраза з куцеінскім дрэварытам з'яўляюцца больш відавочнымі, чым сувязі паміж гэтай гравюрай і латыгаўскім абразом, пра якія піша Шчакаціхін. Пры гэтым неабходна падкрэсліць, што ў шарашоўскім абразе страха таксама, як і на дрэварыце, пакрыта гонтай [2].

Такім чынам, гравюры і абразы XVI–XVIII стст. захавалі да нашага часу унікальныя звесткі пра традыцыйную культуру нашых продкаў, з'яўляюцца важным іконаграфічным матэрыялам, дзе занатаваны звесткі пра тагачасную вопратку, прылады працы, заняткі, побыт і абрады жыхароў розных гісторыка-этнаграфічных рэгіёнаў. Акрамя таго, дзякуючы сваёй дакументальнай значнасці з'яўляюцца дадатковай, а часам – адзінай крыніцай разнастайных культуралагічных, мастацтвазнаўчых, гістарычных, этнаграфічных і іншых даследаванняў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Бялявіна В.М. Мужчынскі касцюм на Беларусі. Мінск, 2007.
2. Іканапіс Беларусі XV–XVIII стагоддзяў / Аўтар тэксту і складальнік Н.Ф. Высоцкая. Мінск, 2001.
3. Лабачэўская В. Повязь часоў – беларускі ручнік. Мінск, 2002.
4. Лазука Б.А. Гісторыя беларускага мастацтва. У 2 т. Т. 1. Першабытны лад – 17 стагоддзе. Мінск, 2007.
5. Пікулік А.М. Мастацтва магілёўскіх старадрукаў. Мінск, 2002.
6. Шматаў В.Ф. Мастацтва беларускіх старадрукаў (XVI–XVIII стст.) Мінск, 2000.
7. Шматаў В.Ф. Сярэдневяковае мастацтва кнігі і выданні Францыска Скарыны // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2006. № 5. С. 43–49.
8. Шчакаціхін М. Гравюры і кніжныя аздобы ў выданьнях Францішка Скарыны. Мінск, 1926.
9. Шчакаціхін М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. Т. 1. Мінск, 1928.

Галіна Флікоп
(ЕГУ)

ВІЛЕНСКАЯ ШКОЛА ГРАВЮРЫ І ЯЕ ЎПЛЫЎ НА РАЗВІЦЦЁ САКРАЛЬНАГА МАСТАЦТВА БЕЛАРУСІ XVI–XVIII стагоддзяў

Summary: The article reviews as a single art phenomenon the problem of formation and existence of the Vilnia engraving school in 16–18 centuries. There is touched upon a subject of scientific use of the term "the Vilnia engraving school". There are analyzed the main works of this school, there are displayed their influence on art process on the Belarusian lands during the mentioned period and the formation of the distinctive art schools. There are cited the examples of engraving reception in sacral paintings and in works of arts and crafts in 16–18 centuries.

Віленская школа гравюры – мастацкая школа ў графіцы XVI–XVII стст. Яна пачала складвацца ў Вільні ў 1520 г. і развівалася ва ўзаемасувязі з тагачасным заходнееўрапейскім, расійскім і ўкраінскім мастацтвам, а таксама пад уплывам славянскіх традыцый рукапіснай мініяцюры. Галоўную ролю ў яе развіцці адыгралі віленскія выданні Скарыны, друкарні Мамонічаў, Віленскай акадэмічнай друкарні, друкарні Святадухавага брацтва (якая выдавала кнігі то ў Вільні, то ў Еўі) і іншых, якія дзейнічалі ў гэты час у Вільні. Увогуле тэрмін «Віленская школа гравюры» ў навуковы ўжытак увёў Стасаў У.В., абагульняючы такім чынам гравёрнае мастацтва выданняў розных віленскіх друкарняў [3, *418*].

Безумоўна, сам панятак з'яўляецца досыць спрэчным: ці можна казаць пра наяўнасць пэўнай мастацкай школы толькі на падставе геаграфічнага вызначэння, пакідаючы па-за ўвагай

стылістычныя, тэхнічныя, жанравыя, мастацка-вобразныя асаблівасці гравюр. Тым не менш у мастацтвазнаўчай літаратуры гэты тэрмін досыць трывала ўкараніўся і шырока выкарыстоўваецца для характарыстыкі ілюстрацый кніг, выдадзеных рознымі віленскімі друкарнямі ў XVI–XVII стст.

Натуральна, што падмуркам школы прынята лічыць віленскія выданні Скарыны 1520-х гг. Пасля паўстагоддзевага перапынку выдавецкая дзейнасць у Вільні ўзнавілася. У пачатку 1570-х гг. заснавана друкарня Зарэцкіх (другая пасля Скарынавай), у сярэдзіне 1570-х гг. на сродкі купцоў Мамонічаў заснаваў друкарню П. Мсціславец, з 1586 г. дзейнічала друкарня Віленскай акадэміі езуітаў (па 1805 г.), з 1590-х гг. – брацкая Святадухаўская друкарня і інш. [8, *131*].

Безумоўна, выданні друкарняў былі вельмі рознымі па змесце і характары аздаблення, што, у першую чаргу, было прадыктавана канфесійнымі асаблівасцямі. Калі для праваслаўных і уніяцкіх выданняў быў уласцівы дрэварыт (аднак не без выключэнняў), дык у каталіцкіх пачынаючы з XVII ст. дамінуе гравюра на медзі. Акрамя таго, кнігі ў залежнасці ад канфесіі, якая іх выдавала, адрозніваліся стылістыкай ілюстрацый: праваслаўныя і уніяцкія былі больш набліжаны да славянскіх традыцый рукапіснай мініяцюры і народнага лубка. Прычым назіралася тоеснасць з украінскімі кніжнымі ілюстрацыямі. Каталіцкія – развіваліся ў шчыльнай узаемасувязі з заходнееўрапейскім мастацтвам. Аднак асаблівасці мясцовых мастацкіх традыцый, якія паўплывалі на гравюру ўвогуле (незалежна ад зместу і прыналежнасці кнігі), у пэўнай ступені аб'ядналі «творы чорнага мастацтва» розных віленскіх выданняў.

Варта яшчэ раз падкрэсліць, што найбольш значнымі друкарнямі, якія дзейнічалі ў Вільні ў XVI–XVII стст., з'яўляліся: заснаваная Скарынам у 20-х гг. XVI ст., друкарня Мамонічаў (гравюры да яе выданняў, выкананыя П. Мсціслаўцам, сталі першаўзорамі для шматлікіх твораў, паўплывалі на стылістыку кніжных ілюстрацый іншых выданняў, заклалі стылістычна-вобразны падмурак віленскай школы [6]), друкарня пры Святадухавым брацтве (найбольш паслядоўна працягвала мастацкія традыцыі, закладзеныя Мсціслаўцам, што дазваляе казаць пра пераемнасць мастацкіх традыцый у межах гэтай школы), Віленская акадэмічная друкарня, заснаваная езуітамі (культыва-

вала стыль барока і тэхніку медзярыту пры стварэнні гравюр). Паводле кніжнай культуры і стылістычных асаблівасцяў ілюстрацый выданні акадэмічнай друкарні стаяць асабняком, аднак, як было адзначана вышэй, Стасаў аб'яднаў усе віленскія друкарні адным паняткам.

Асабліва моцны ўплыў на развіццё гравюрнага мастацтва гэтага перыяду аказалі дрэварыты Пятра Мсціслаўца да «Евангелля Напрастольнага», выдадзенага ў 1575 г. у друкарні Мамонічаў (іл. 1, 2). Выявы евангелістаў неаднаразова выкарыстоўваліся ў якасці ўзораў не толькі гравёрамі (у віленскіх выданнях 1596, 1600, 1623 гг.), што сведчыць пра перайманне мастацкіх традыцый, але таксама іканапісцамі, разьбярамі. Дрэварыты Мсціслаўца, па сутнасці, сталіся мастацка-вобразным падмуркам для фармавання нацыянальнай гравюрнай школы, у якой спалучыліся рысы заходнееўрапейскага мастацтва і рукапісных мініяцюр, перапрацаваныя на мясцовай культурнай глебе [9]. Даследчык старадрукаў Шматаў В.Ф. заўважыў адносна гравюры Мсціслаўца «Лука», што гэты твор паводле кампазіцыі і стылю набліжаецца да змешчаных у Нюрнбергскай Бібліі (1524) твораў аднаго з вучняў А. Дзюрэра Эрхарда Шона. «Такім чынам, Мсціславец, як і Скарына (а можа нават пад ягоным уплывам), напачатку вывучаў нямецкі дрэварыт. Але пастава "Лукі" з кнігай у руках перад пюпітрам сведчыць і пра веданне Мсціслаўцам мініяцюры рукапісаў (аналагічную трактоўку евангелістаў бачым ужо ў Аршанскім Евангеллі XII–XIII стст.)» [8, *66*]. Гэтыя звесткі гавораць на карысць таго, што творы Пятра Мсціслаўца спалучылі ў сабе традыцыі і заходнееўрапейскай гравюры, і славянскіх рукапісаў. Акрамя таго, даследчык звярнуў увагу на выкарыстанне ў дрэварытах дэкаратыўнай раслiннай арнаментыкі, якая нагадвае славутую беларускую ажурную разьбу [10, *66*].

Ілюстрацыі да двух Евангелляў 1600-х гг. (іл. 3, 4) і «Часаслова» 1617 г., выдадзеных у друкарні Мамонічаў, ствараліся пад відавочным уплывам твораў Мсціслаўца. Аўтар пераняў кампазіцыйнае вырашэнне гравюр, трактоўку фігур, пэўныя дэкаратыўныя элементы і г.д. [8, *66*]. Новы ілюстратар, магчыма, імкнуўся захаваць стыль папярэдніка, каб аблічча выданняў сведчыла пра прыналежнасць іх да адной друкарні. Трэба адзначыць, што мастакі іншых віленскіх друкарняў зацікавіліся высокамастацкімі і тэхнічна дасканалымі дрэварытамі Мсціслаўца.

Першай фігурнай гравюрай у выданнях Святадухавай друкарні з'яўляецца цар Давыд у «Псаломніцы» (1595) (іл. 5), створаны пад уплывам аднайменнай гравюры да «Псалтыра» (1576, друкарня Мамонічаў). «Ідучы за Мсціслаўцам, ён (мастак) цалкам захаваў кампазіцыйную схему яго твора, позу Давыда, дэталі фону. Але прапорцыі псалмаспевака крыху зменены: характэрная для Мсціслаўца маньерысцкая выцягнутасць тут саступіла месца большай прысадзістасці фігуры» [8, *77*]. Варта адзначыць, што пад уплывам творчасці названага мастака створаны і некаторыя іншыя дрэварыты Святадухавай друкарні: выявы чатырох евангелістаў да «Новага Запавету» 1596 г., алегарычны вобраз Граматыкі да «Граматыкі славянскай» (іл. 6) 1596 г. Лаўрэнція Зізанія і інш. Даследчыкі адзначаюць: як і ў «Давыдзе» з «Псаломніцы», у тыпажах евангелістаў заўважаецца імкненне да персаналізацыі вобразаў, што крыху папярэднічала так званаму «сялянскаму барока», росквіт якога прыпадае на сярэдзіну XVII ст. [8, *77*].

Адначасова з узнікненнем гравюры пачалі з'яўляцца творы іншых відаў сакральнага мастацтва, іканаграфічным матэрыялам для якіх паслужылі шырока распаўсюджаныя дрэварыты і медзярыты. Тое, што гравюры выкарыстоўваліся як узоры для абразоў і фрэсак, неаднаразова зазначалася мастацтвазнаўцамі. Аднак гэтыя звесткі сустракаюцца менавіта ў даследчыкаў іканапісу і манументальнага жывапісу [2]. Аўтары ж манаграфій і артыкулаў, прысвечаных вывучэнню і даследаванню гравюр, пра гэта амаль нічога не гавораць. А між тым віленская гравюрная школа аказала значны ўплыў на развіццё розных відаў сакральнага мастацтва таго часу.

Прааналізаваўшы публікацыі даследчыцы старажытнага мастацтва і сакральнага жывапісу Н.Ф. Высоцкай, можна зрабіць выснову, што мастацтвазнаўцу сувязь паміж гравюрамі і абразамі цікавіць як магчымасць высвятлення даты стварэння жывапіснага твора. І гэта натуральна. Большасць абразоў гэтага часу не падпісаны, у адрозненне ад кніг, дзе змяшчаліся гравюры (яны звычайна мелі выходныя звесткі з пазначанымі годам і месцам выдання, што дазваляла вызначыць і час стварэння гравюр). Высвятленне таго, якой іканаграфічнай крыніцай карыстаўся мастак, дае магчымасць устанавіць прыблізны час напісання жывапіснага твора.

Прыкладам выкарыстання віленскай гравюры ў якасці пратографа для жывапіснага твора з'яўляюцца дрэварыт і абраз «Троіца». Варта адзначыць, што сама кампазіцыйная схема была запазычана з аднайменнай іконы Рублёва (XV ст.). Дзякуючы копіям і рэпрадукцыйнай гравюры яна пашырылася ў XVI–XVII стст. на тэрыторыі Украіны, а таксама трапіла ў Вільню, дзе і была выкарыстана гравёрам пры аздабленні аднаго з выданняў 1628 г. Менавіта гэтым дрэварытам і скарыстаўся іканапісец, ствараючы аднайменны абраз у другой чвэрці XVIII ст. Цікава, што ў гэтым выпадку гравюры з'яўляюцца пасярэднікамі паміж іканапіснымі творамі (абраз А. Рублёва – копіі і рэпрадукцыйныя гравюры – гравюры Віленскіх і ўкраінскіх выданняў – абразы беларускай школы) [5, *75*].

Гравюрай «Хрыстос Усядзержац» з кнігі «Размовы Макарыя Егіпецкага», выдадзенай у Вільні ў 1627 г., карыстаўся невядомы мастак пры пісанні аднайменнага абраза ў першай палове XVII ст. Як зазначыла Высоцкая Н.Ф., «іканапісцам былі дапушчаны памылкі ў скрыжаванні німба, якія адсутнічалі ў гравюры» [5, *16*].

Цікавым з'яўляецца выкарыстанне графічных пратографаў мастакамі дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва, якія стваралі творы сакральнага зместу. Такіх прыкладаў можна прывесці не шмат, бо тэматыкі, жанры і кампазіцыі прыкладных твораў шмат у чым абумоўлены матэрыялам. Натуральна, што выкарыстанне гравюр было магчымым і мэтазгодным у тых выпадках, калі мастакі маглі выконваць кампазіцыі на плоскасці.

Вядомымі дрэварытамі Пятра Мсціслаўца з Віленскага Евангелля 1575 г. карыстаўся разьбяр, працуючы над царскай брамай (апошняя чвэрць XVI ст.). Сувязь паміж гравюрамі і выявамі брамы відавочная (іл. 7). «Запазычыўшы з гэтых гравюр асобныя элементы, фігуры, майстар па-свойму вырашыў кампазіцыю клеймаў. Ён надаў вялікую ўвагу архітэктурнаму фону з гатычнымі вежамі, чарапічнымі дахамі, купалам царквы і да мінімуму звёў выяўленне сімвалаў евангелістаў, дзе-нідзе пададзеных з тонкім гумарам» [2, *58*]. Агульнасць назіраецца не толькі ў дэкоры, арнаментыцы, а і ў самім кампазіцыйным вырашэнні [7, *33*]. Гэтыя ж гравюры, верагодна, у якасці ўзору выкарыстоўваў урэцкі залатар, які выконваў аправу Евангелля (сярэдзіна XVII ст.) [4, *51*]. Безумоўна, выявы моцна спрошчаны і больш прыстасаваны пад

тэхніку выканання – гравюроўку па метале (іл. 8). Аднак агульнасць кампазіцыі, архітэктурныя элементы, абліччы евангелістаў нагадваюць вядомыя дрэварыты (іл. 9–12).

Прыведзеныя прыклады сведчаць пра зварот іканапісцаў і мастакоў ДПМ да графічных пратографаў як іканаграфічных дапаможнікаў. Аднак варта яшчэ раз падкрэсліць, што звесткі пра выкарыстанне гравюры, якія сустракаюцца ў даследчыкаў сакральнага мастацтва, вельмі сціплыя. Спецыяльных даследаванняў у гэтай галіне не праводзілася. У выніку адсутнічаюць навуковыя матэрыялы па пытаннях узаемасувязі гравюры і абраза ці іншага сакральнага твора. Зварот жа некаторых мастацтвазнаўцаў да гравюры прадыктаваны, як ужо адзначалася вышэй, тым, што выяўленне ўзаемасувязяў паміж творамі дае магчымасць больш дакладнага датавання.

Віленская школа гравюры, якая фармавалася на сумежжы стыляў захаду і ўсходу, стала своеасаблівай культурнай і мастацкай з'явай. Яна істотна паўплывала на сакральнае мастацтва Беларусі і ўвогуле ўсходнеславянскіх земляў у XVI–XVIII стст. (прыкладам з'яўляюцца вядомыя дрэварыты Пятра Мсціслаўца, якія выкарыстоўваліся расійскімі іканапісцамі для стварэння вялікіх іконных выяў евангелістаў, цара Давыда [8, *68*]), якое развівалася пад пэўным уплывам гравюры, што спрыяла станаўленню і развіццю мастацкіх школ, фармаванню своеасаблівых адметных мастацкіх рысаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Высоцкая Н.Ф. Царская брама // *Мастацтва Беларусі*. 1984. № 8.
2. Высоцкая Н.Ф. Искусство Беларуси XII–XVIII вв. Минск, 2004.
3. Вялікае княства Літоўскае: Энцыкл. У 2 т. Т. 1: А–К / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; Маст. З.Э. Герасімовіч. Мінск, 2005.
4. Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва Беларусі XII–XVIII стагоддзяў / Аўтар тэксту і складальнік Н.Ф. Высоцкая. Мінск, 1984.
5. Іканапіс Беларусі XV–XVIII стагоддзяў / Аўтар тэксту і складальнік Н.Ф. Высоцкая. Мінск, 2001.
6. Мастацтва беларускіх старадрукаў: выданні Пятра Мсціслаўца. Камплект паштовак – 29 шт. / Складальнік і аўтар тэксту Г.У. Кірэева. Мінск, 2002.
7. Пластыка Беларусі XII–XVIII стагоддзяў / Аўтар тэксту і складальнік Н.Ф. Высоцкая. Мінск, 1983.

8. Шматаў В. Мастацтва беларускіх старадрукаў (XVI–XVIII стст.) Мінск, 2000.
9. Шматаў В.Ф. Гравёрная школа Пятра Мсціслаўца // *Мастацтва Беларусі*. 1984. № 1.
10. Шматаў В.Ф. Ілюстрацыя да «Евангелля напрастольнага». Евангеліст Марк // *Мастацтва Беларусі*. 1990. № 1.

Іл. 1. Пётр Мсціславец. Евангеліст Іаан. «Евангелле» 1575 г. Вільня, друкарня Мамонічаў

Іл. 2. Пётр Мсціславец. Евангеліст Мацей. «Евангелле» 1575 г. Вільня, друкарня Мамонічаў

Іл. 3. Евангеліст Іаан.
«Новы Запавет» 1623 г. Вільня,
друкарня Мамонічаў

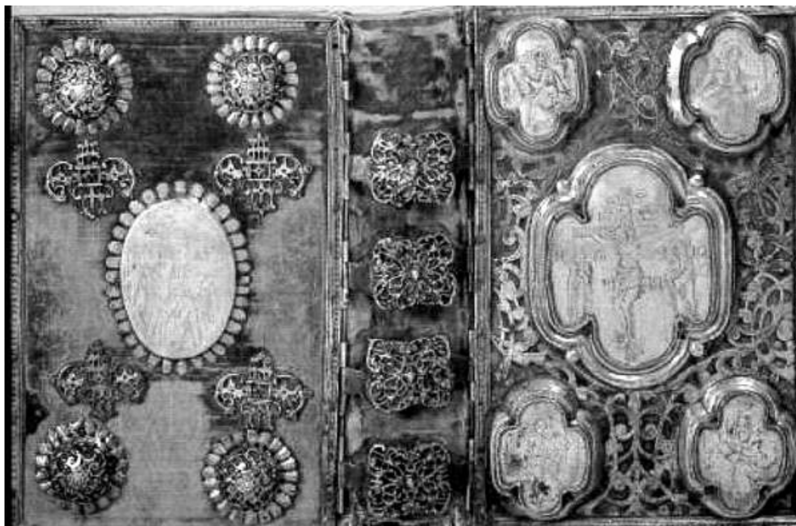
Іл. 4. Евангеліст Лука.
«Новы Запавет» 1623 г. Вільня,
друкарня Мамонічаў

ДѢДА ПРОРОКА Й

Іл. 5. Разгорт Псаломніцы. 1595. Вільня, друкарня Святадухавага брацтва

Іл. 6. Выява «Граматыкі». Граматыка славянская Л. Зізанія. 1596. Вільня, друкарня Святадухавага брацтва

Іл. 7. Царская брама. Апошняя чвэрць XVI ст. Брэстчына



Іл. 8. Абклад Евангелля. Урэцкі залатар. Сяр. XVII ст. Міншчына

Іл. 9, 10, 11, 12. Выявы евангелістаў.
Фрагменты абклада. Урэцкі залатар. Сяр. XVII ст. Міншчына

Марыя Ламінская
(ЕГУ)

«НАША НІВА» 1906–1915 гг. І «НАША НІВА» 1920 г.: АДЗІН ПРАЕКТ ЦІ РОЗНЫЯ ВЫДАННІ?

Summary: Main question of this work is: whether is «Nasha Niva» (1920) conceptual continuation of «Nasha Niva» (1905–1915) or it was completely the independent project? The comparison of these newspapers was used to answer the question, namely: a main of newspapers, a role in a public life of two editions, the characteristic of structure of edition and the authors composition of the newspapers, the theme of publications. The analysis and detailed consideration bring author to the conclusion that «Nasha Niva» (1920) is a continuation and further development of the «Nasha Niva» (1906–1915).

Агульнавядомае тое значэнне, якое мела дзейнасць «Нашай Нівы» для нацыянальна-культурнага адраджэння пачатку ХХ ст. Яна стала сапраўдным цэнтрам беларускага руху і фактычна адыгрывала ролю палітычнай партыі. «Нашай Ніве» 1906–1915 гг. прысвечаны шматлікія навуковыя працы. На жаль, па-за ўвагай даследчыкаў аказалася другая «Наша Ніва», якая пачала выходзіць увосень 1920 г. таксама ў Вільні. Сярод яе выдаўцоў – знаёмыя імёны Антона Луцкевіча і Вацлава Ластоўскага. Што гэта было? Спроба адраджэння «Нашай Нівы» (прынамсі канцэптуальнага) ці новы самастойны нацыянальна-культурны праект, аўтары якога толькі паспрабавалі выкарыстаць «нашаніўскі» брэнд? Дзеля адказу на гэтае пытанне паспрабую параўнаць абвешчаныя мэты выдання гэтых дзвюх «НашыхНіваў», склад

рэдакцый і аўтарскага корпусу газетаў і, нарэшце, іх месца ў грамадска-палітычным жыцці.

«Першая беларуская газэта з рысункамі» (такі падзагаловак мела «Наша Ніва» 1906–1915 гг.) была грамадска-палітычнай, навукова-папулярнай газетай, што выдавалася на беларускай мове «грамадзянкай» і лацінкай штотыднёва ў Вільні. З 1912 г. яна выдавалася толькі «грамадзянкай». Першы нумар «Нашай Нівы» выйшаў 10 лістапада 1906 г. Апошні – 7 жніўня 1915 г. Галоўнымі заснавальнікамі выдання былі Алаіза Пашкевіч і браты Луцкевічы. Першым рэдактарам-выдаўцом быў Зыгмунт Вольскі. Але ў выніку ідэйных разыходжанняў у поглядах з братамі Луцкевічамі ён пакінуў месца рэдактара. Рэдагаваць газету стаў Аляксандр Уласаў. Трэцім афіцыйным рэдактарам «Нашай Нівы» быў Іван Луцэвіч (Янка Купала).

Ужо ў першым нумары газета пазначыла напрамак сваёй дзейнасці: «Цямната нашага народу – найбольшы вораг яго. З цямнаты пайшла бяда ды нядоля народная, і пакуль будзе панаваць гэта цямната – народ жыць будзе так, як жыў да гэталь, марнець так, як раней марнеў. Дзеля таго шырыць навуку меж цёмных людзей – вось першая мэта "Нашай Нівы"»[5, *1*].

І газета мэтанакіравана імкнулася да гэтай мэты. Гэта найперш праявілася ў тэматыцы нашаніўскіх публікацый. Большасць тэмаў у «Нашай Ніве» былі прысвечаны культурна-асветніцкай тэматыцы (праблема адсутнасці беларускай школы, роля беларускай мовы ў грамадскім жыцці, развіццё літаратуры), а таксама сацыяльна-эканамічнай і палітычнай (змаганне з «заходнерусізмам», праблемы канфесійнагу падзелу беларусаў, змены ў палітычным жыцці, сельская гаспадарка, ваенныя падзеі) ды інш.

У выданні 1906–1915 гг. друкавалася шмат маладых і таленавітых пісьменнікаў. Тут змяшчалі свае вершы і артыкулы Якуб Колас, Янка Купала, Максім Багдановіч, Зміцер Жылуновіч, Язэп Драздовіч, Сяргей Палуян, Змітрок Бядуля, Лявон Гмырак, Антон Лявіцкі (пад псеўданімам – Ядвігін Ш.) ды інш.

Акрамя таго, «Наша Ніва» гэтага перыяду мела вялікую колькасць карэспандэнтаў, якія дасылалі ёй свае артыкулы з розных куткоў Беларусі і з-за яе межаў. Іх аўтарамі былі сяляне, настаўнікі, рабочыя. Выданне імкнулася да цеснага кантакту з чытачамі.

«Наша Ніва» 1906–1915 гг. – гэта цэнтр беларускага нацыянальнага жыцця. Яна выхоўвала нацыянальную свядомасць беларусаў, прапагандавала адзінства беларусаў незалежна ад іх веравызнання, патрабавала ўвядзення беларускай мовы ў школу, на яе старонках выпрацоўвалася нацыянальная ідэалогія.

Першы нумар другой «Нашай Нівы» выйшаў 28 кастрычніка 1920 г. Пад назвай была прыпіска: «Закладзена ў 1906 г.». Праіснаваўшы 2 месяцы, газета была забаронена польскай вайсковай цэнзурай. Апошні яе нумар быў выдадзены 20 снежня 1920 г. Усяго выйшла 9 нумароў.

Аналагічна з 1906 г. «Наша Ніва» ў сваім першым нумары абвяшчала сваёй мэтай інфармаванне насельніцтва адносна становішча Беларусі і працяг дзейнасці на карысць яе ўсебаковага адраджэння.

Рэдактарам і выдаўцом газеты з трэцяга нумару стаў У. Знамяроўскі (першыя тры нумары рэдагаваліся і выдаваліся рэдакцыйнай калегіяй). Ён меў у Вільні прыватнае выдавецтва, дзе друкаваліся падручнікі, слоўнікі, перакладная і арыгінальная літаратура (усяго выйшла каля 20 назваў). Гэта, у прыватнасці, «Беларускі каляндар на 1920 г.», «Дзед Завала» Ядвігіна Ш. (2-е выданне), «Расейска-беларускі слоўнік» М. і Г. Гарэцкіх (2-е выданне) і інш. У 1928 г. У. Знамяроўскі быў прыцягнуты польскімі ўладамі да судовай адказнасці за выпуск «Беларускага дэкламатара» [7].

Сярод калектыву аўтараў звяртае на сябе ўвагу постаць Антона Луцкевіча, актыўнага дзеяча першай «Нашай Нівы». Выкарыстоўваючы свой стары псеўданім «Антон Навіна», ён напісаў «Трэці падзел Беларусі», «На дзяды», «Гісторыя Беларускай літаратуры» ды інш. Працягваў супрацоўніцтва з газетай таксама і Вацлаў Ластоўскі (псеўданім «Іван Мялешка»): «Жыццё вучыць», «Самі сабе», «Кудой ісці?», «Палітычныя разважанні». Іх артыкулы адразу прыцягвалі да сябе ўвагу...

Максім Гарэцкі, пачынаючы з № 1 «Нашай Нівы» 1920 г., друкаваў апавяданне «Прысяга». Новай постаццю была Наталля Арсеннева. Цікава заўважыць, што менавіта Максім Гарэцкі заўважыў і падтрымаў яе талент як паэткі. Магчыма, гэтым і тлумачыцца шматлікасць яе твораў на старонках «Нашай Нівы» («Мой родны край», «Восень», «На матыў “Хаўтурнага Марша”» ды інш.). У гэтых творах выразна гучала нацыянальна-

патрыятычная тэма. Яшчэ адным з новых аўтараў быў Канстанцін Стаповіч, больш вядомы як Казімір Сваяк.

У цэнтры ўвагі «Нашай Нівы» 1920 г. – лёс беларускай дзяржаўнасці. Яна ўздымала пытанні палітычнай будучыні Беларусі, яе неад'емнага права на суверэнітэт. Акупацыя Беларусі польскімі войскамі, яе «разрыў на кавалкі» суседнімі дзяржавамі – вось што найбольш хвалявала «нашаніўцаў» (артыкулы «Трэці падзел Беларусі», «Кудой ісці?», «Самі сабе», «Яшчэ аб дзяліцьбе Беларусі», «Справа аб Вільно», «Палітычныя разважанні» ды інш.).

«Трэці падзел Беларусі», як ужо згадвалася, напісаны Антонам Луцкевічам. Гаворка ідзе пра гвалт над беларускім народам, пра раздзел яго зямлі паміж Савецкай Расіяй і Польшчай. Першым падзелам аўтар лічыў Берасцейскі мір, «калі Нямеччына і Савецкая Расія пабілі яе (Беларусь) на тры часткі». Другім – падзел, зроблены ў Маскве 12 ліпеня 1920 г., калі Савецкая Расія «аддала» Літоўскай дзяржаве беларускія паветы Віленскі, Ашмянскі, Лідскі, Гарадзенскі, а таксама беларускія часткі Трокскага і Свянцянскага, Віленскага і Дзісенскага паветаў. Паводле А. Луцкевіча, трэці падзел, зроблены 12 кастрычніка 1920 г., для беларусаў самы страшны: «Польшча і Савецкая Расія згодліва прызнаюць незалежнасць Беларусі, а ўслед за гэтым прызнаннем, не дапускаючы (яе) прадстаўнікоў... на міравыя перагаворы, прадстаўнікі Польшчы і Расіі дзеляць гэтую ж Беларусь паміж сабой. Ясна адно: незалежная Беларусь... на гэныя падзелы свае згоды не давала. Аб гэным яе ніхто не пытаўся!» [2, *1*].

«Самі сабе» І. Мялешкі таксама заслугоўваюць увагі. Гэты артыкул – пошук шляхоў да незалежнасці сваёй краіны. «Першай нашай думкай павінна быць: стацца сільнымі», – піша Вацлаў Ластоўскі. Стацца сільнымі не ў фізічным плане, а ў свядомым. «Раней ці пазней пажар агорне ўсю многамільённую беларускую масу, і свядомы сваёй сілы беларускі народ сам сабе здабудзе і волю, і незалежнасць, і шчаснае жыццё на роднай зямлі» [4, *1*]. У іншым артыкуле («Палітычныя разважанні») «Іван Мялешка» прапанаваў знайсці моцнага саюзніка: «Мы павінны здабыць сабе магутных саюзнікаў, якія маглі бы памагчы нам стануць на ногі так, як з замежнай падмогай станула на ногі і Польшча, і Літва, і Украіна, і іншыя... Мы ж хочам, каб Беларусь нікаму не служыла, каб яна была сама сабе гаспадыняй, а калі б і злу-

чылася з адным з суседзяў, дык каб гэнае злучэнне было зроблена па прынцыпу "роўныя з роўнымі, вольныя з вольнымі", каб мы не аказаліся служакамі чужынцаў. Але дзеля гэтага патрэбна адно: трэба, каб нацыянальная свядомасць нашага народу была гэткай сільнай, што яе не здолелі бы забіць чужынцы; бо калі мы ня зможам зрабіць Беларусь беларускай, то маскалі будуць заўсёды старацца зрабіць яе маскоўскай, палякі – польскай, літвіны – літоўскай як па культуры і духу, так і па языку» [3, *1*]. З гэтых слоў яскрава відаць адна з мэт, якую ставіла перад сабой «Наша Ніва» 1920 г., а менавіта вызваленне Беларусі з-пад прыгнёту Расіі і Польшчы шляхам развіцця нацыянальнай свядомасці.

Шмат увагі надавалася «паходу» С. Булак-Булаховіча і Слуцкаму паўстанню. Тэмы вайны, мабілізацыі, рэквізіцыяў, гвалту над беларускім селянінам не раз гучалі на старонках «Нашай Нівы». Напрыклад, «У сялян забіраюць усё, што ёсць: збожжа, корм для жывёлы і саму жывёлу, у тым ліку нават калі гэта жывёла апошняя. Збожжа забіраюць усё, нават не пакідаючы на насенне, не гаворачы пра пражыццё. Вось і застаецца селянін без ані чога, і як яму жыць далей, ён павінен вырашаць сам» [1, *1–2*]. Газета прапанавала наступныя крокі: «1) абсалютная забарона рэквізіцыяў без платы; 2) выплата на месцы гатоўкай за ўсё рэквізаванае дабро, рахуючы паводле рынкавых цэн; 3) устанаўленне норм, каторыя пакідалі бы сялянам збожжа, патрэбнае на насенне і на пражыццё да новага ўраджаю; 4) пакіданне сялянам патрэбнай для гаспадаркі жывёлы і корму для яе; 5) унармаванне конскае павіннасці, устанаўленне павёрстнае платы на месцы гатоўкай; 6) раўнамерная раскладка ўсіх рэквізіцыйных цяжараў паміж вёскамі і дварамі, асабліва ж у адносінах да конскай павіннасці» [1, *1–2*].

Тэма школы і адукацыі займала менш значнае месца ў гэтай газеце, у адрозненне ад «Нашай Нівы» 1906–1915 гг. Магчыма, гэта звязана з існаваннем больш важнай праблемы ў Беларусі – праблемы палітычнай будучыні.

Таксама як і ў «Нашай Ніве» 1906 г., існавалі свае рубрыкі: «З усяе Беларусі», «За граніцай», «Хроніка». Відавочна тое, што гэтае выданне не мела такой шырокай сеткі карэспандэнтаў, як у перыяд 1906–1915 гг.

Параўнальны аналіз двух выданняў дазваляе сцвярджаць, што абедзве газеты мелі адну галоўную мэту, а менавіта адраджэнне Беларусі. Але «Наша Ніва» 1906–1915 гг. звязвала яго пераважна з нацыянальна-культурнымі справамі, у той час як яе пераемніца больш увагі надавала палітычнай незалежнасці. У 1920 г. сярод аўтараў газеты сустракаюцца старыя знаёмыя, актыўныя супрацоўнікі першай «Нашай Нівы». Можна сцвярджаць, што «Наша Ніва» 1920 г. была канцэптуальным працягам першай «Нашай Нівы». Нават прыпіска «Закладзена ў 1906 г.» пад назвай газеты 1920 г. указвае бясспрэчную сувязь гэтых выданняў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Аб вайсковых рэквізіцыях // *Наша Ніва*. 1920. 1 лістапада. С. 1–2.
2. Навіна Антон. Трэці падзел Беларусі // *Наша Ніва*. 1920. 28 кастрычніка. С. 1.
3. Мялешка І. Палітычныя разважанні // *Наша Ніва*. 1920. 12 лістапада. С. 1.
4. Мялешка І. Самі сабе // *Наша Ніва*. 1920. 13 снежня. С. 1.
5. Наша Ніва. 1906. 10 лістапада. С. 1.
6. Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002). Мн.: "Энцыклапедыкс", 2003.
7. Маракоў Л. Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы,
8. грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі. 1794–1991. Т. 1. Знамяроўскі Уладзіслаў. http://www.marakou.by/by/davedniki/represavanyya-litaratary/tom-i?id=19490

Наталля Мяшкова
(ЕГУ)

ПРАБЛЕМА УНІІ Ў ПУБЛІЦЫСТЫЦЫ КАЗІМІРА СВАЯКА («КРЫНІЦА»/«БЕЛАРУСКАЯ КРЫНІЦА» (1919–1925))

Постаць беларускага каталіцкага святара, паэта, драматурга, публіцыста, аднаго з яркіх дзеячаў беларускага нацыянальнага адраджэння Канстанціна Стаповіча (1890–1926), больш вядомага пад псеўданімам «Казімір Сваяк», дагэтуль застаецца, так бы мовіць, у цені. І калі паэзія яго больш-менш вядомая, то публіцыстычная творчасць К. Сваяка застаецца практычна недаследаванай. На жаль, бо яна таксама выразна дэманструе ўласцівую аўтару філасофскую ўсеабдымнасць у спасціжэнні быцця. Калі ж кіравацца ў бок звужэння праблематыкі, то гэтая галоўная рыса будзе выяўляцца яшчэ больш яскрава. Гэта, напрыклад, тычыцца праблемы уніі на Беларусі, якой К. Сваяк прысвяціў артыкулы ў газеце «Крыніца» (пазней «Беларуская крыніца»). У іх яскрава відаць надзвычай глыбокае разуменне аўтарам усяго беларускага, прычым у самых розных формах яго існавання.

Але напачатку колькі словаў пра газету «Крыніца». У II Рэчы Паспалітай у міжваенны час адной з самых уплывовых беларускіх партый была Беларуская хрысціянская дэмакратыя. Хрысціянскія дэмакраты патрабавалі роўнасці беларусаў у Польшчы. У шырокім сэнсе іх галоўным патрабаваннем з'яўлялася незалежнасць беларускага народа ў яго этнаграфічных землях [1].

Яшчэ ў 1917 г. у Петраградзе пачала выходзіць штотыднёвая газета хрысціянскай дэмакратыі «Крыніца». У 1918 г. рэдакцыя пераехала ў Менск, але ўжо ў наступным годзе выданне працягвала выходзіць у Вільні (1919–1937, 1939–1940). Якраз віленскі перыяд быў не толькі самым працяглым, але і самым плённым [1]. Гэта нядзіўна, бо тагачасная Вільня была цэнтрам хрысціянска-дэмакратычнага руху.

Газета «Крыніца» адыграла велізарную ролю ў фармаванні беларускай нацыянальнай свядомасці сярод каталікоў і прадстаўнікоў іншых канфесій. На яе старонках асвятлялася не толькі эканамічнае, сацыяльна-палітычнае становішча беларускіх земляў у складзе Рэчы Паспалітай, але друкаваліся артыкулы, у якіх аўтары выступалі за ўжыванне беларускай мовы ў касцёлах, прапагандавалі ідэю адраджэння царкоўнай уніі і г.д.

Польскім уладам падобная прапаганда не падабалася, і перыядычна нумары «Крыніцы» канфіскоўваліся, а ксяндзы, якія стаялі за беларушчыну, перасьледаваліся. Увогуле ў сярэдзіне 1920-х гг. віленскі архібіскуп забараніў каталікам чытаць беларускую «Крыніцу», а духавенству – казаць казанні па-беларуску і быць сябрамі БХД [2, *95*]. Неўзабаве газета была забаронена ўладамі, але пасля нядоўгага перапынку выданне «Крыніцы» было адноўлена пад новай назвай «Беларуская крыніца» (1925).

У 1916 г. за сваю «празмерную» беларушчыну Казімір Сваяк быў накіраваны каталіцкімі ўладамі на Беласточчыну вікарыем у касцёл у Карыціне. Тут у яго не было аднадумцаў. Адзінота, тальнае непаразуменне, нагляд за кожным крокам падрывалі яго здароўе ўсё больш і больш. Ён амаль кожную зіму быў вымушаны праводзіць у Закапанэ. Аднак Казімір Сваяк не пакідаў сваіх ідэалаў і ўпарта крочыў па абраным аднойчы і назаўжды шляху. І сведчаннем таму – яго публікацыі ў каталіцкім выданні «Крыніца».

Малодшы брат Кастуся Стаповіча Бярнард у сваіх успамінах прыгадвае такі выпадак. У ліпені 1919 г. пасля вяртання з Закапанэ Кастусь па дарозе ў родныя Клюшчаны наведаў свайго сябра-калегу Язэпа Германовіча, пробашча ў Лапеніцы пад Ваўкавыскам. Бярнард Стаповіч піша: «Кастусь, будучы безупынным змагаром за ўвядзенне беларускай мовы ў касцёле, выкарыстаў сваю прысутнасць у Лапеніцы, каб выступіць на амбоне з казаннямі ў беларускай мове. 27 ліпеня 1919 г. Кастусь

першы раз гаворыць у лапеніцкім касцёле беларускую навуку. [...] Выклікала яна вялікае зацікаўленне, не толькі сярод каталікоў, але і сярод праваслаўных жыхароў парафіі» [3].

Аднак у наступную нядзелю беларуская імша ў Лапеніцкім касцёле некаторых ужо абурыла. А далей лёгкая хваля незадавальнення ператварылася ў «дзевяты вал» абурэння. Спачатку прыйшло пісьмо ад дэкана, каторы безапеляцыйна забараніў казанні ў касцёле па-беларуску, а 17 жніўня на з'ездзе ў дэкана ксяндзы прынялі пратэст супраць выкарыстання беларускай мовы ў касцёле. І ўвогуле «пробашчу ў Лапеніцы, ксяндзу Я. Германовічу, аб'яўляецца байкот з боку ўсяго дэканату» [3].

Падобныя выпадкі штурхалі Канстанціна Стаповіча да далейшых дзеянняў. Замест таго, каб апусціць рукі і забыцца на гэтую праяву надзвычайнай варожасці да ўсяго беларускага, ён выступіў з гнеўным палемічным артыкулам «Пратэстанты ў Ваўкавыску», які быў надрукаваны ў 3-м нумары «Крыніцы» ад 7 верасня 1919 г. «Кранеш балота, то і чэрці будуць», – пісаў К. Сваяк з нагоды гэтага выпадку. З'явіліся незадаволеныя «бабы» і аж да Вільні даляцелі са сваім пратэстам супраць «простай» мовы ў касцёле. «Я таксама вырабіў бы пратэст, вось хоць бы гэткі, – аўтар яшчэ не пагражае, але рашучасць ягоная павінна прымусіць яго апанентаў задумацца: – Беларус пратэстуе супраць путаньня спраў веры з палітыкай. [...] Ён, стаўшы на основе самабытнасьці сваёй культуры, дамагаецца і дамагацца будзе спаўненьня прыроднага свайго права адносна да ўжываньня беларускае мовы ў касьцёлах».

Ключавое слова ў гэтым артыкуле – «пратэст», і ў канцы ён проста ператвараецца ў пагрозу: «Але вучыцеся, людцы! [...] Хоць мы і маім права роўнае да мовы роднай у рэлігійных адносінах, то аднак да спаўненьня гэтаго права ня дойдзем так лёгка, бо і тут... права ўступіць мусіць прад сілай». То, магчыма, лепш зрабіць так, як у іншых месцах, дзе «людзі ня вельмі прасілі, але свайго самі бралі».

І яшчэ адзін матыў з'яўляецца ў гэтым артыкуле, які неўзабаве стане адной з галоўных тэмаў публіцыстычнай творчасці Казіміра Сваяка, – гэта тэма царкоўнай уніі ў Беларусі. Чытаем: «Пашлі, Божэ, нам такіх людзей, каторыя патрафілі б ізноў злучыць беларусаў у аднэй веры, у двох абрадах: славянскім і лацінскім».

Адам Станкевіч у кнізе «Казімер Сваяк: Нарысы аб ягонай ідэолёгіі» так пісаў пра творцу: «Усё жыцьцё і творства… Казімера Сваяка – гэта адно безупыннае, поўнае мукі і болю, імкненьне злучыць у разумную і гарманійную цэласьць расьцярушаныя беларускія думкі, замазаць усе шчэліны – падзелы ў душы беларускай, разьясьніць няяснае, паказаць народу тое, што яму найбольш ёсьць шкоднае і найбольш карыснае,ператапіць агнём думкі і любові ўвесь беларускі хворы арганізм, пакрыжаваны чужацкімі ўплывамі, – у нешта адналітнае, скрышыць путы няволі духа народу, з нутра беларускага выкрасіць сапраўды народнае, народнае ўласнае і прыроднае жыцьцё і даць яму вольны бег у разьвіцьці ягоным згодна з прыродным законам жыцьця, асьвечанага нябесным блескам хрысьціянства» [5, *11*].

На маю думку, галоўнай тут ёсць думка пра імкненне да цэласнасці, да паяднання і аб’яднання, якое насамрэч пранізвае ўсе публіцыстычныя (і не толькі) творы Казіміра Сваяка. І ў тым, што тычыцца рэлігійнага духоўнага жыцця, гэтае імкненне выявілася ў прыхільнасці і прапагандзе ідэяў уніяцкай царквы ў Беларусі. «…Сваяк… лёгка дагледзіў вялікі асноўны недахоп у жыцьці духовым народу. Хрысьціянства – гэта адзіная аснова культуры і агулам праўдзівага жыцьця народу – людзкімі прыземнымі імкненьнямі ў Беларусі разьдзелена на дзьве варожыя часткі, – піша Адам Станкевіч і дадае: – Думкай ідэолёгічной, лечучай гэтую асноўную беларускую хваробу і трагедыю народную, паводле Сваяка, ёсьць рэлігійная унія, аб’яднаньне каталіцтва і праваслаўя ўваднэй веры…» [5, *28*].

Пачынаючы з 1596 г., калі была заключаная царкоўная унія ў Берасці, стаўленне да яе не было адназначным. У уніі былі прыхільнікі і былі тыя, хто супраць яе. Тым не менш пасля скасавання уніі ў 1839 г. перыядычна ўзнікалі ідэі «рэанімаваць» гэтую інстытуцыю. Яскравы прыклад – прыхільнасць да ідэяў уніі Беларускай хрысціянскай дэмакратыі ў 20-я гг. мінулага стагоддзя як магчымасці нацыянальнага адраджэння і аб’яднання.

Гэтая тэма была адной з галоўных на старонках газеты «Крыніца». Асабліва паказальны 1921 г., калі практычна ў кожным нумары газеты пад рубрыкай «Куток аб Уніі» з’яўляліся палемічныя артыкулы на гэтую тэму. І Казімір Сваяк быў адным з самых цікавых аўтараў гэтай рубрыкі.

Ужо ў 2-м нумары з'явіўся яго артыкул «Унія – адна вера ў розных абрадах». Яшчэ раней, уздымаючы гэтую тэму ў сваіх артыкулах, Сваяк дакладна акрэсліў праблему як геаграфічна, так і духоўна. Здаўна хрысціянства падзеленае паміж двума культурнымі ўплывамі: паміж заходнім, ці рымска-лацінскім, і ўсходнім, ці грэка-візантыйскім. І ў сілу гістарычнага лёсу Беларусь знаходзіцца на мяжы гэтых абодвух уплываў, і «ў абапольным змаганьні два гэтых кірункі раз'едналі наш народ пад узглядам рэлігійным, пасеялі сваркі». Тым не менш сродак супрацiву чужынскім варожым уплывам быў знойдзены: «Русін лучыць (у рэлігійным сьветаглядзе) стройны абрад усходні з глыбейшым догматам Захаду. Ён змагаецца за Еднасьць». Беларусь знаходзіцца ў цэнтры Еўропы, і таму менавіта яна стала асновай гэтага змагання, найбольш выдатным фактам якога, на думку К. Сваяка, стала унія 1596 г.

«Русіны» для Сваяка – гэта беларусы і ўкраінцы, і ў ніякім разе не рускія. На пачатку 1920-х гг. былі пэўныя спробы распрацоўкі асобнага ад грэка-каталіцкага так званага візантыйска-славянскага абраду, ці ўсходнекаталіцкага праекта унійнай працы ў Расіі [4, *432*]. На гэтыя захады каталіцкі беларускі святар Казімір Сваяк рэагаваў так: «...Ідэю Уніі разьвівалі Русіны, а не Расейцы, і таму там яна не можэць запусьціць глыбока караня. [...] Гісторыя вучыць нас глядзець на Унію зусім іншым вокам, чым нашы суседзі: прымушае нас падзяляць яе як нацыянальную веру Русінаў. У справе гэтай, як і ў іншых, – суседзі нам толькі заміналі» (Крыніца. 1921. № 4, 23.01).

Увогуле ў адносінах да «суседзяў» Сваяк займаў досыць жорсткую пазіцыю. Так, уніяцкая царква была тым інстытутам, які спрыяў захаванню нацыянальнай еднасці беларусаў, але «...пыха польскага шляхоцтва, з аднаго боку, а маскальскі цэнтралізм – з другога спынілі яго рэлігійнае, а пачасьці і нацыянальнае разьвіцьцё. Сталася вялікая бяда. Творчасьць мысьлі рэлігійнай беларусаў затрымалася на доўгі час», – падкрэсліваў святар. Далейшы пафас Казіміра Сваяка мог быць вельмі натхняльным, калі б нам не перашкаджаў наш сучасны досвед: «...Думкі вышэйшыя мацней лучаць людзей, як кандалы пераможцы. [...] Праз Русінаў пала шляхоцкая Польшча, праз Русінаў развалілася царская Расея. На тым развале аджыла і Беларусь да новага жыцьця».

Але пазіцыя аўтара відавочная: перамагае моцны духам, таму адраджэнне Беларусі можа адбыцца толькі праз адраджэнне уніі, бо «Думка аднэй Бацькаўшчыны Беларусі спалучае народ целам. Унія злучае душу народу».

«Чалавек – істота грамадская і рэлігійная», – піша Казімір Сваяк (Крыніца. 1921. № 4, 23.01). І менавіта вера «ёсьць той магутнай сілай, што найтайнейшымі і наймацнейшымі вузламі зьвязвае грамадзянства ў адно цэлае». А сілай, якая абʼяднае беларусаў, павінна стаць Уніяцкая царква.

Для паяднання нацыі ёсць яшчэ адзін сродак – мова. Пакуль у народа адабраная і гэтая магчымасць: у касцёлах і цэрквах пануе чужая мова, і таму беларускі народ не творыць, «толькі бяздушна паўтарае, бо тварыць можна толькі ў мове, каторай дзіця шчабечыць на каленях сваёй маці» (Крыніца. 1921. № 3, 16.01). І тут можа быць яшчэ адна карысць ад уніі (К. Сваяк так і называе гэты свой артыкул – «Карысьць ад Уніі»). Яна дапаможа вярнуць беларускую мову ў набажэнства, і тады зʼявіцца «новае мастацтва рэлігійнай мысьлі», і «Беларусь тады выявіць свой адметны здаровы містыцызм, творачы ў славянскім абрадзе рэлігію волі і чыну для дабра чалавека…» Дарэчы, праз многія артыкулы К. Сваяка праходзіць ясна сфармуляваная думка – трэба дамагацца беларускай мовы ў касцёлах і цэрквах, каб спынілася работа па разʼяднанні беларусаў.

Такім чынам, Казімір Сваяк бачыў унію той магутнай сілай, якая б магла абʼяднаць расцярушаны народ Беларусі, і тым падмуркам, на якім паўстане сапраўдная беларуская дзяржаўнасць: «Мы павінны з усіх сіл ісьці на сустрэч народнаму адраджэньню душы Беларуса, як каталіка, так і праваслаўнаго, засеіць зярно абʼеднаньня рэлігійнаго, зярно Уніі Царквы і Касьцёла, Уніі трывалкай, як трывалка самая беларуская народнасьць» (Крыніца. 1920. № 7, 21.03). У газеце «Беларускі звон» (1921. № 16, 14.10.) пад рубрыкай «Вольная трыбуна» ў праграмным артыкуле «Царква ці касьцёл» аўтар абвяшчаў: «Я гавару аб Беларускім Уніянізьме, каторы знае адну веру ў розных формах і каторы мае сваю гісторыю, поўную навукі для сучаснага пакаленьня. Беларуская Унія мае быць чыстым Хрысьціянствам. […] Наш народ створыць еднасьць Русінаў Усходу і Захаду. Ён – абы ніхто».

Пэўным падсумаваннем усіх вышэйзгаданых асаблівасцей публіцыстычных выступленняў Канстанціна Стаповіча можна

лічыць адзін з яго апошніх артыкулаў «Творчымі сьлядамі (Культурны нарыс)», надрукаваны ў 34-м нумары «Крыніцы» за 1925 г. (9.08.1925). Акрэсліваючы тэму свайго нарыса, аўтар адразу размяжоўвае паняткі. Так, пад *культурай* ён разумее «ўвесь набытак разумнай людзкой працы. Прычым набытак, каторы служыць жыцьцю раскошнаму, ня ўключаю да паняцьця *культура*, – абымае яго шырэйшае слова *цывілізацыя*». Адсюль мэтай культуры з'яўляецца ўдасканальванне чалавека, тое, што адпавядае яго ўнутранаму духоўнаму свету, а цывілізацыя – гэта тое, што «*звонку*». Такім чынам, нягледзячы на тое, што цывілізацыя быццам бы і ахоплівае шырэйшае кола з'яваў, але культура знаходзіцца ў іншым пpасторавым вымярэнні – «вышэйшым». Таксама тут да месца градацыя «фізічнае/матэрыяльнае» – «духоўнае».

Кожная нацыя за час свайго гістарычнага існавання дасягае пэўнай ступені культурнага і цывілізацыйнага развіцця, і зразумела, што не ва ўсіх яна будзе аднолькавай, бо «ёсць народы маладыя і старыя, больш і менш здольныя». На думку Сваяка, вымяраецца ўзровень культурнага развіцця згодна з наступнай формулай: «Той народ больш культурны, каторы больш мае людзей, занятых творчым трудом, той меней, каторы мае больш гультаёў, хаця б і ўважаўся больш цывілізаваным». Цікава, у чый агарод у гэтым выпадку кідае камень аўтар?.. І выснова тут напрошваецца сама сабой: так, беларусы «менш цывілізаваны тэхнічна» і не маюць «выгодаў-дабрабыту», але ж «культурны» ён не менш за іншых, хоць гэтыя іншыя з гэтым пагадзіцца ніяк не хочуць.

У сувязі з гэтымі «іншымі» зноў паўстала праблема існавання Беларусі на мяжы «культурных павеваў» Захаду і Усходу. Казімір Сваяк прапанаваў вельмі арыгінальную і досыць нечаканую назву краіны, «палажонай *на ўзбярэжжы* двух вялізарных культурных сіл», – «дзеля гэтага яе палажэньня называць можна нашу Бацькаўшчыну: *Берагіня*». Магчыма, тут ён да сэнсу «ўзбярэжжа» дадае і іншы семантычны ўзровень слова «берагіня», славянскія карані якога азначаюць «захаванне», гэткі талісман-абярэг. Тады на Беларусь-Берагіню ўскладаецца місія «зберагаць» чысціню чалавечага духу, якая датрывала на гэтых землях у аўтэнтычнасці сваёй і пакуль не змаглася з-за чужынскіх уплываў.

І тут, зразумела, нельга абмінуць увагай унікальную рэлігійную сітуацыю, якая склалася ў Беларусі, бо, па-першае, рэлігія побач з

філасофіяй і мастацтвам надала культуры выразны характар. А падругое, яна фарміравала «індывідуальную душу народу». Душа ж беларускага народу спазнала ўплывы Захаду і Усходу, польскія і расійскія, але здолела захаваць сваю адметнасць і сапраўднасць. І не толькі насуперак гэтым суседскім, часта нядобразычлівым, замахам, але і «дзякуючы наплыву мысьлі рэлігійнай з Усходу і Захаду, на Беларусі не адразу сфармавалася душа народная аднаклітнага сьветапагляду. Знаходзіцца яна і дагэтуль на дарозе зглыбленьня і аб'яднаньня (Уніонізму). Атэістычная душа (цяпер) Усходняй Беларусі творыць сваю сынтэзу ў сыстэме сацыяльнай філёзофіі, даведзенай да культу; больш містычная душа Беларусі Заходняй клоніцца да рэлігійнай Уніі».

Зноў Казімір Сваяк вяртаецца да ідэі унійнага аб'яднання беларусаў. А асновай гэтага паяднання мусіць быць сялянства, бо ў змаганні за сваю самабытнасць «правалілася *шляхта,* якая пераходзіла з абраду ў абрад», «вырадзілася мяшчанская думка», і «толькі ў сялянскай масе нейкім дзіўным спосабам *перахавалася ідэя*». І гэтая «арыгінальнасьць» рэлігійнага складу душы беларуса робіць становішча краіны лепшым у параўнанні з іншымі. Сваяк не тлумачыць, у чым менавіта заключаецца гэтая перавага, але можна меркаваць, што такое становішча ўтрымлівае магутны патэнцыял для кансалідацыі ўсіх беларускіх сілаў і развіцця беларускай дзяржаўнасці на гэтым агульным маналітным падмурку. І максімальную важнасць яна набывае ў сучаснасці аўтара, калі актуальным стаў заклік «Незалежная Беларусь», што базуецца на палітычна-сацыяльных чынніках. Але душы веруючых адгукнуліся «на голас "Рэлігійнага Аб'яднання" форм розных культаў нашай зямелькі: аб'яднаньне грэцкіх беларусаў з лацінскімі ў аднэй рэлігійнай сынтэзе: адна вера – розныя яе ўяўленьні. Факт значэньня вялізнага, тым большага, што ня пойме яго палітычна завідны сусед, каторы нават мае нейкі жах перад гэткай ідэяй...»

Гэта быў апошні публіцыстычны артыкул Канстанціна Стаповіча, надрукаваны пры яго жыцці. Зімой 1925 г. ён зноў у Закапанэ. Яму станавілася ўсё горш. Адчуваў непазбежнае і прасіў брата Альбіна забраць яго. Нарэшце ксёндз Адам Станкевіч вясной 1926 г. прывёз Казіміра Сваяка ў Вільню, дзе 6 мая Канстанцін Стаповіч адышоў ад нас. Чалавек, які ахвяраваў

жыццё сваёй радзіме, свайму народу, Богу, не пакінуўшы сабе зусім нічога...

Мы ж можам канстатаваць, што так і не адбылося адраджэння уніі ў Беларусі, гэтак жа як і дагэтуль не дайшлі беларусы да разумення сваёй цэласнасці і еднасці. Магчыма, мы ў чарговы раз не скарысталіся з яшчэ аднаго шанцу, дараванага нам лёсам і нябёсамі...

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Каранеўская В. Bielaruskaja krynica // *Наша вера*. 1999. № 2 (8). http://media.catholic.by/nv/n8art14.htm
2. Міраловіч Я. Найноўшая гісторыя Беларусі. СПб., 2003.
3. Стаповіч Б. З успамінаў пра Казіміра Сваяка // *Полымя*. 1990. № 2.
4. Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006.
5. Kazimier Swajak: Narysy ab jahonaj ideolohii. U 5-yja ugodki smierci. Wilnia, 1931 hod.

Марыя Шашытайшвілі
(ЕГУ)

ПРАФЕСАР ПЁТР БУЗУК (1891–1938) У ГІСТАРЫЧНАЙ ЛІТАРАТУРЫ І СЯМЕЙНЫХ УСПАМІНАХ

Summary: The article is about the doctor of philological science, the founder of linguistic geography, the author of the first dialect atlas in USSR, the first director of the Institute of Linguistic of the Belarusian Academy of Science, about Piotr Apanasavich Buzuk. Through his life there are described events in the end of the 20 cent. in Belarus: destruction of intelligentsia, non-recognition, bias and repressions of Belarusian elite.

Толькі ў 90-я гг. XX ст. стала магчымым сказаць праўду пра сталінскія рэпрэсіі 30–50-х гг., якія пакінулі жахлівы след у беларускай гісторыі. Адной з галоўных ахвяраў камуністычных катаў стала беларуская інтэлігенцыя. Сярод загінуўшых быў і мой прадзед беларускі мовазнавец-славіст і літаратуразнаўца прафесар Пётр Апанасавіч Бузук. Ягонай постаці ў беларускай гістарыяграфіі фактычна прысвечана толькі адна праца (Рамановіч Я., Юрэвіч А. П.А. Бузук. Мінск, 1969), у якой досыць асцярожна распавядалася пра ягоны трагічны лёс. Паспрабую падаць біяграфію прадзеда з выкарыстаннем сямейных успамінаў і паданняў.

У нашай сям'і да гэтай пары з болем гавораць пра лёс Пятра Апанасавіча. Гэты чалавек з'яўляецца гонарам не толькі нашай сям'і, але і ўсёй Беларусі, бо шмат зрабіў для развіцця яе навукі

і культуры. Пётр Бузук – адзін з першых дактароў філалагічных навук у СССР, заснавальнік беларускай лінгвістычнай геаграфіі, аўтар першага ў СССР дыялектычнага атласа (1928), першы дырэктар Інстытута мовазнаўства Акадэміі навук Беларусі (1931).

Ён нарадзіўся ў Бесарабіі ў 1891 г. у сям'і народнага настаўніка. Па роду бацькі ён малдаванін, а па роду маці – украінец і серб. Пётр Бузук скончыў гісторыка-філалагічны факультэт Адэскага універсітэта. Пасля заканчэння (1916) яго пакінулі на кафедры славянскай філалогіі. Адначасова выкладаў расейскую мову ў прыватных гімназіях Адэсы. У тым жа 1916 г. у «Русском филологическом вестнике» была апублікавана яго першая навуковая праца «Историко-культурные взаимоотношения румын и южных славян».

У 1924 г., калі ва Украіне ўвялі навуковыя ступені, прадзед абараніў доктарскую дысертацыю, надрукаваўшы сваю працу на старажытнабалгарскай мове. А ў Маскве ў гэты час выйшла з друку яго кніга «Основные вопросы языкознания».

У канцы 1925 г. рэктар Беларускага дзяржаўнага універсітэта Уладзімір Пічэта запрасіў П.А. Бузука на працу ў БДУ. З гэтага часу лёс Пятра Апанасавіча быў спалучаны з лёсам Беларусі. А ў наступным годзе ён пачаў працаваць таксама ў Інстытуце беларускай культуры, які пазней быў пераўтвораны ў Акадэмію навук БССР.

У 1926 г. Пётр Бузук сустрэў Ганну Рыгораўну Тарасік, маю прабабулю, якой тады было 16 год. У хуткім часе яны ўзялі шлюб. Мая прабабуля нарадзіла трох дачок і сына. Да самага арышту яны былі разам. Сям'я пасялілася ў цэнтры Менска, у вялікім чырвоным цагляным доме, які і зараз стаіць на скрыжаванні вуліц Валадарскага і Кірава. У гэтым доме жыла менская інтэлігенцыя, прафесура. З многімі прадзед сябраваў. Гэта былі найлепшыя гады яго жыцця.

Пётр Апанасавіч шмат працаваў як навуковец. Бывала, што заседжваўся над тэкстамі да глыбокай ночы, але, як бы ён ні стамляўся, расказвала бабуля, вечарамі апранаўся і ішоў гуляць з дзецьмі ў парк Прафінтэрна (цяпер парк імя Горкага). Ён часта размаўляў з дзецьмі на нямецкай, італьянскай ды іншых мовах (ведаў каля 20 моў). Маючы цудоўны голас, ён любіў спяваць дзецям арыі з опер Вердзі па-італьянску, чытаў ім творы нямецкіх паэтаў, спяваў «Калыханку» Моцарта. Паводле бабулі,

Пётр Апанасавіч расказваў сваім дзецям, што ў юнацтве доўгі час вагаўся, кім стаць – артыстам ці вучоным. Навука перамагла, але ўсё жыццё ён захапляўся музыкай і літаратурай. У Доме вучоных, які перад вайной знаходзіўся на вул. Камуністычнай, ён арганізоўваў вечары мастацкай самадзейнасці, сам спяваў італьянскія арыі. На вечарыны прыходзілі навукоўцы з сем'ямі, артысты, пісьменнікі.

Прадзед быў вельмі цікавы і гаваркі чалавек. Сярод яго сяброў былі Янка Купала, Кузьма Чорны, прафесары М. Пятосін, С. Мелкіх. Ён і сам пісаў аповесці, вершы, апавяданні. Адзін са сваіх вершаў «Новаму богу» прысвяціў Янку Купалу. Творы падпісваў псеўданімам «Росіч». Акрамя гэтага П.А. Бузук рабіў пераклады з украінскай мовы. Яго вершы друкаваліся ў часопісах «Маладняк», «Полымя». З некаторымі «маладнякоўцамі» ён сябраваў. Бабуля ўспаміныла, што ў доме апроч пісьменнікаў часта бывалі сябры: акторы Барыс Платонаў, Ірына Ждановіч, Лілія Александроўская.

Пётр Апанасавіч паспяваў пісаць вершы і навуковыя артыкулы, праводзіць заняткі ў педінстытуце (ён чытаў лекцыі на рускай, украінскай, беларускай мовах і ідышы). Яго артыкулы публікаваліся ў Заграбе і Празе. Менавіта яму належыць ідэя лінгвагеаграфічнага вывучэння беларускай мовы. Ён стаў заснавальнікам беларускай лінгвагеаграфіі. Мой прадзед задумаў і распрацаваў Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, які павінен быў складацца з дзвюх частак, прысвечаных усходняй і заходняй Беларусі. Ён асабіста ўдзельнічаў у экспедыцыях, вывучаў дыялекты, даследаваў гаворкі. Потым гэтыя матэрыялы апрацоўваліся, каб стаць асновай для вялікай працы «Спробы лінгвістычнай геаграфіі Беларусі». Адначасова ён распрацоўваў пытанні гісторыі праславянскай мовы, даследаваў гісторыю асаблівасцяў беларускай мовы. Пяру Пятра Бузука належыць больш за 55 апублікаваных кніг і артыкулаў.

Беларусь стала яго другой радзімай. Ён палюбіў гэтую зямлю і яе мову. Быў упэўнены, што народ павінен развіваць культуру і навуку на роднай мове. У 1926 г. у Менску на міжнароднай канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу ён зрабіў даклад «Становішча беларускай мовы сярод іншых славянскіх моў», дзе даказваў самабытнасць і самастойнасць беларускай мовы.

У самым пачатку 1930-х гг. у газетах пачалі з'яўляцца артыкулы, у якіх асуджаліся навуковыя даследаванні ў галіне беларускай

літаратуры і мовазнаўства. Многія вучоныя абвінавачваліся ў «нацыянальным дэмакратызме». Асабліва пацярпела беларуская інтэлігенцыя. Яшчэ ў снежні 1929 г. са складу членаў Беларускай Акадэміі навук быў выключаны мовазнаўца М.М. Дурнаво, а ў пачатку 1930 г. – украінскі гісторык Яворскі. У кастрычніку 1929 г. з пасады віцэ-прэзідэнта быў зняты акадэмік С.М. Некрашэвіч і з пасады сакратара – акадэмік В.У. Ластоўскі. Пад крытыку трапіў і першы прэзідэнт Беларускай Акадэміі навук гісторык У.М. Ігнатоўскі. У студзені 1931 г. У.М. Ігнатоўскага і З.Ф. Жылуновіча выключылі з Кампартыі Беларусі. 6 снежня 1930 г. Саўнаркам БССР пастанавіў выключыць са складу Беларускай Акадэміі навук М.І. Гарэцкага, В.У. Ластоўскага, І.Ю. Лёсіка, У.І. Пічэту, пазбавіўшы іх звання акадэмікаў.

У 1931 г. прадзед быў першы раз арыштаваны. Яго абвінавацілі ў «нацдэмаўшчыне». Праз некалькі месяцаў вызвалілі, але Пётр Бузук гэта вельмі цяжка перажываў. Вярнуўшыся дадому пасля арышту, ён abліў сябе бензінам і падпаліў. Яго ледзь выратавалі. З пасады дырэктара Інстытута мовазнаўства яго знялі, а ў лютым 1934 г. ізноў арыштавалі. Бабулі Кацярыне Пятроўне было тады 6 гадоў, але яна добра памятае гэты арышт. Яна расказвала, што прачнулася ноччу ад яркага святла. У кватэры было шмат людзей, рэчы раскіданы...

У красавіку 1934 г. прадзеда выслалі ў Волагду на 3 гады. Кватэру ў яго сям'і адабралі, і мая прабабуля з дзецьмі засталіся на вуліцы. У хуткім часе сям'я выехала ў Волагду за бацькам, дзе ён жыў на вольным пасяленні. У Волагдзе П. Бузук спачатку ўладкаваўся на працу ў бібліятэку, а потым яму дазволілі весці заняткі па нямецкай мове ў Валагодскім педінстытуце. Нават у ссылцы ён займаўся сваёй любімай працай – вывучаў мовы. Там ён даследаваў мову комі. Пётр Апанасавіч пасябраваў з ссыльным Міхаілам Чанішвілі і з яго дапамогай вывучыў грузінскую мову.

У ссылцы Пётр Апанасавіч вывучаў паўночныя дыялекты, там напісаў працу «Паходжанне моваў», але ў Волагдзе ён не мог апублікаваць аніводнага радка. 13 лютага тэрмін ссылкі скончыўся, але Пётр Апанасавіч не захацеў пакідаць сваіх студэнтаў, не скончыўшы навучальнага года. Магчыма, гэты ўчынак каштаваў яму жыцця. Сям'я паехала на радзіму, спадзеючыся на хуткую сустрэчу ў Менску. На шляху ў Беларусь прабабуля з дзецьмі спынілася ў Ленінградзе ў родных, дзе яна

атрымала тэлеграму ад суседкі: «Неадкладна вяртайцеся». Яна адразу ўсё зразумела. Ішоў 1937 г. Прадзеда зноў арыштавалі, абвінаваціўшы ва ўдзеле ў «...нелегальной контрреволюционной фашистской организации», а ў снежні 1937 г. «тройка» УНКУС па Валагодскай вобласці асудзіла майго прадзеда да вышэйшай меры пакарання. Больш сям'я яго не бачыла.

Кацярына Пятроўна расказвала, што ў 1960-я гг. да яе роднага брата Уладзіміра Бузука, які ў той час працаваў дыктарам на тэлебачанні, прыходзіў чалавек. Ён распавёў, што быў знаёмы з жанчынай, якая сядзела разам з Бузуком у турме. Паводле яе слоў, Пётр Апанасавіч скончыў жыццё самагубствам, разбіўшы галаву аб сцяну ў кабінеце следчага. Ён не вынес катаванняў...

Доўгія гады сям'я спадзявалася на вяртанне мужа і бацькі, але гэтага не здарылася. Прабабуля Ганна Рыгораўна засталася з малымі дзецьмі на руках. Ёй было толькі 28 год, старэйшай дачцэ – 10, малодшаму сыну – 6, а маёй бабулі – 8. Пасля вяртання ў Беларусь яе не хацелі прапісваць у горадзе, казалі, што для жонкі і дзяцей «ворага народа» месца ў Менску няма. Прабабуля разам з дзецьмі стала жыць у сваіх бацькоў у вялікім драўляным доме (на гэтым месцы зараз знаходзіцца цырк). Гадаваць чатырох дзяцей дапамагала родная сястра Любоў Тарасік. Яна і яе муж Вячаслаў Вячорка дапамагалі чым маглі, бо прабабуля не магла ўладкавацца на працу.

У хуткім часе прыйшла новая бяда: муж Любові Тарасік быў арыштаваны і расстраляны. Да арышту ён займаў пасаду дырэктара Дома мастакоў. Мая бабуля часта ўспаміняла гэтага чалавека – цудоўнага і добрага. Пасля яго арышту стала зусім цяжка, але сябры Любові Рыгораўны і яе мужа – мастакі Аскар Марыкс, Іван Ахрэмчык, – ведаючы цяжкое становішча сям'і, дапамагалі гадаваць дзяцей П. Бузука. Мая маці добра памятае, што на святы да яе бабуляў, акрамя родных, заўсёды збіраліся Заір Азгур, Іван Ахрэмчык, Стэфанія Станюта. Для сёстраў Тарасік гэта былі сябры маладосці.

Мая бабуля ўспамінае, што жылі яны цяжка, але вельмі дружна. Вечарамі ўся вялікая сям'я збіралася ля стала пад вялікім чырвоным абажурам, чыталі ўслых. Часта ў позні час пасля спектакля прыходзілі Ірына Ждановіч з Барысам Платонавым, садзіліся гуляць у карты. Платонаў любіў чытаць вершы. Дзеці яго вельмі любілі.

Калі пачалася вайна, хаваліся ад немцаў на вёсцы ў сваякоў, а ў 1944 г. сям'я вярнулася ў Менск. Але не ўся.... У той час Ганна Рыгораўна была ў Крыме і не магла вярнуцца ў Менск. Дзяцей выхоўвала яе сястра Любоў. Ёй прыйшлося працаваць у немак. Яны ведалі яе сітуацыю і калі-нікалі дапамагалі то грашыма, то ежай. Дзеці сустрэліся з маці толькі пасля вайны.

Кацярына Пятроўна, яе сёстры і брат пайшлі вучыцца ў чыгуначную школу № 44. Бабуля расказвала, як добра ставіліся да дзяцей «ворага народа» вучні і настаўнікі школы. Некаторыя з настаўнікаў добра памяталі Пятра Бузука, бо калісьці былі яго студэнтамі.

На лёсе дзяцей не магло не адбіцца тое, што іх бацька быў рэпрэсаваны. Так, пасля заканчэння школы сын Уладзімір выдатна здаў уступныя іспыты на гістарычны факультэт універсітэта, але яго не прынялі. У яго былі вялікія здольнасці да літаратуры, ён пісаў цудоўныя вершы, але універсітэт для яго быў зачынены. Ён і мая бабуля скончылі тэатральны інстытут, сталі акцёрамі. Сярэдняя дачка Аксана стала доктарам, а старэйшая Галіна так і не атрымала вышэйшай адукацыі.

Увесь час прабабуля хацела даведацца пра лёс мужа. У пачатку 1956 г. яна атрымала пасведчанне пра смерць Бузука, у якім гаварылася, што ён памёр ад тыфу ў 1943 г. Яшчэ праз некаторы час сям'я атрымала звесткі аб рэабілітацыі Пятра Бузука. І больш нічога...

Ганне Рыгораўне прыйшлося шмат зрабіць, каб пацвердзіць званне свайго мужа, скласці спіс ягоных навуковых прац. Дакументы і рукапісы загінулі падчас следства. Некаторыя рукапісы ўдалося захаваць. Бабуля памятала, што яе маці хавала іх у вялікім чамадане. За некалькі дзён перад вайной яны закапалі гэты чамадан у двары дома, у якім жылі. Але ў першыя дні падчас бамбавання ўсё згарэла. Доўгія гады Ганна Рыгораўна не магла атрымаць пенсію. Заслугі прафесара Бузука не мелі ніякага значэння. Толькі праз шмат год імя прадзеда пачало з'яўляцца ў артыкулах, кнігах.

На пачатку 1990-х гг. Кацярына Пятроўна звярнулася ў КДБ БССР, каб даведацца, ці засталіся дакументы па справе яе бацькі, як і калі ён загінуў. У КДБ бабулі адказалі, што амаль нічога не засталася, а на тых рэдкіх лістах, якія знаходзяцца ў папцы «ворага народа», няма подпісаў Бузука. Ёй таксама паведамілі, што Пятра

Апанасавіча Бузука асудзілі да вышэйшай меры пакарання, але ніякіх звестак пра дату і месца яго смерці няма. Дадому бабуля прынесла фотаздымак з асабістай справы бацькі, які ёй выдалі ў КДБ. Фотаздымак быў зроблены ў турме ў 1937 г.

У канцы 2000 г. мы атрымалі ліст з Волагды ад прафесара Судакова, які цікавіўся лёсам і працамі П. Бузука. Ён напісаў нам, што ў архіве Валагодскага дзяржаўнага педагагічнага універсітэта захоўваецца асабістая справа Бузука, у якой ёсць старонкі з аўтабіяграфіяй і спісам навуковых прац, напісаныя яго ўласнай рукой. Мая маці і бабуля звярнуліся ў архіў упраўлення ФСБ па Валагодскай вобласці і ў Валагодскі універсітэт. Праз некалькі месяцаў мы атрымалі пакет з Волагды. У ім былі аўтабіяграфія і спіс прац, напісаныя ўласнай рукой майго прадзеда. Жоўтыя старыя паперы, напісаныя ў 1934 г. Акрамя таго, у суправаджальным лісце паведамлялася, што падчас арышту П.А. Бузука «...было изъято 13 записных книжек, 40 писем и 31 открытка, записи китайской азбукой (на 7 лістах), а также личные документы. В деле перечисленных бумаг нет. Бумаги могли быть включены в особый фонд письменных вещественных доказательств, который в 60-х годах был уничтожен».

Колькі б яшчэ мог зрабіць Пётр Бузук для развіцця навукі ў Беларусі, колькі б яшчэ мог напісаць і апублікаваць...

II. ИДЕНТИЧНОСТЬ В МНОГООБРАЗНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Михаил Завадский
(ЕГУ)

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: НАРРАТИВНЫЙ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

Summary: In the article a topical problem of personal identity is analyzed. Author focuses his attention on two approaches – narrative and phenomenological, which are represented in the works of Ch.Taylor and J.-P. Sartre, accordingly. The conclusion is drawn that the conception of the Canadian thinker is more productive for the modern social theory.

Структурные смещения современности, вызванные глобализационными процессами, затрагивают все стороны общественной, политической, культурной и хозяйственной жизни. Кардинальные перемены происходят не только на социальном, но и на индивидуальном уровне бытия человека – изменения претерпевает характер формирования идентичности личности. В этой связи приобретают актуальность исследования персональной идентичности в контексте интерпретации данной проблемы в западной философской традиции. Цель настоящего очерка состоит в том, чтобы на примере представлений Чарльза Тейлора и Жана Поля Сартра проанализировать два возможных подхода к тематизации личностной идентичности, а именно нарративный и феноменологический, выявив их общие и различные моменты. В центре работы находится вопрос о том, какой из этих подходов является наиболее перспективным для современной социальной теории.

Рассмотрим концепцию идентичности всемирно известного канадского философа Ч. Тейлора. Мыслитель исследует усло-

вия жизнедеятельности самости в современном мире и раскрывает конституирующую роль морали в формировании самоидентичности человека. Он выявляет, каким образом структурные трансформации общества при переходе от домодерного к модерному состоянию отразились на понимании идентичности личности. Для этого Тейлор формулирует учение о трех осях морального мышления, состоящего из уважения других, достоинства как признания другими и смысла жизни. Если в традиционных обществах моральная жизнь центрировалась вокруг общественного мнения, которое определяли доминирующие в обществе взгляды и стереотипы, т.е. на первом плане находились уважение и достоинство, то в современную эпоху наиболее важной становится проблема смысла жизни, что актуализирует новое представление о персональной идентичности. Об этом сдвиге, по мнению канадского ученого, свидетельствует то, что люди стали чаще обращаться к психотерапевтам с жалобами на экзистенциальные проблемы, такие как внутренняя пустота, отсутствие жизненных целей, одиночество и т.п.

Смещения современности раскрываются Тейлором на примере таких важных для него понятий, как структура (framework) и горизонт. Эти понятия характеризуют смысловую определенность жизненного мира людей конкретной культуры. Данные структуры включают в себя комплекс качественных различий, установлений. Как пишет философ, «думать, чувствовать, судить с точки зрения структуры – значит действовать с мыслью, что некоторый способ действия и чувствования, образ жизни несравненно более значим для нас, чем другие…» [4, *19*]. В домодерных обществах данные структуры не тематизируются, существуя в качестве имплицитного фона всякой социальной деятельности. В современную эпоху они впервые обретают статус проблемы, ибо утрачивает былую силу представление, что существуют общепризнанные и универсальные ценности и нормы, которые санкционируются Богом, или Логосом. Происходит то, что Ф. Лиотар назвал закатом метанарраций: любой дискурс, философский, политический, социальный, рассматривается как партикулярный.

В этих условиях становится неактуальной традиционная концепция идентичности как некой предзаданной сущности, данности. Тейлор полагает, что личность обретает собственную иден-

тичность только в рамках некоего морального пространства, которое задается определенного рода вопрошанием. Речь идет прежде всего об ответе на вопрос, кто я есть. Данный вопрос в свете доминирующей оси современного морального мышления, смысла жизни, подразумевает также ответ на вопрос о цели моей жизни, ее главных ценностях, поскольку представление о благе, добре является необходимой опорой, благодаря которой становится возможной ориентация человека в мире. Получается, что вопрос, кто я есть, в современных условиях трансформируется в вопросы о том, где я есть, где я нахожусь, в какой точке координат морального дискурса, и куда я движусь в своем развитии, к какой цели, к какому образу блага. Идентичность есть то, что позволяет определить, что для нас является важным, значимым, а что – второстепенным и несущественным. Структуры, в которых существует личность, позволяют понять то, насколько близко или далеко от идеального блага находится индивид в своем развитии.

Однако представление о себе не будет целостным, если не учесть такой важный фактор становления личности, как ее прошлое, поэтому наряду с уже указанными вопросами вопрос о моем прошлом, о том, как я стал тем, кем стал, занимает важнейшее положение в структуре личностной идентичности. Важно отметить, что, согласно Тейлору, эти вопросы, относящиеся к моральному пространству бытия человека, всегда носят экзистенциальный, уникальный и индивидуальный характер, как и ответы на них.

Таким образом, идентичность личности обретает характер раскрывающейся истории (unfolding story) о ее прошлом, настоящем и будущем. Получается, что «природа» самости определяется рассказом личности о себе самой, т.е. идентичность конструируется как нарратив. Соответственно, единство и целостность самоидентичности прямо пропорциональны связности и последовательности повествования.

Представления Ч. Тейлора об идентичности близки положениям философии А. Макинтайра. Оба мыслителя разделяют, по меньшей мере, следующие предпосылки. Во-первых, на современном этапе развития общества личностная идентичность может быть осмыслена только в качестве повествования, которое рассказываем мы сами о себе и которое рассказывают о

нас другие. Во-вторых, единство и целостность субъекта неразрывно связаны с целостностью и последовательностью сюжета рассказа. В-третьих, личность обретает идентичность только при отнесенности к более широкому социальному и культурному контексту, следовательно, конституирующие основания субъективности могут быть выявлены только с учетом глобальных преобразований современности. Несмотря на приверженность обоих авторов к коммунитаризму, все же следует отметить, что в политическом отношении взгляды Макинтайра более консервативны, чем идеи Тейлора. Далее, как Макинтайр, так и Тейлор полагают, что личностная идентичность неотделима от морали, однако первый пишет о единстве бытия человека как о поиске добродетельной жизни, а второй – о конституирующей роли в идентичности моральной ориентации. Макинтайра и Тейлора также объединяет герменевтическая трактовка нарративной идентичности, поскольку оба считают, что понимание социального действия может быть достигнуто только при экспликации интерсубъективных смыслов. Тейлор говорит о структурах (framework), организующих социальную практику, а Макинтайр – об установках (settings), отсылающих к институциональным – социальным и культурным – контекстам практик [2, *208*].

Представления Ж.-П. Сартра относительно проблемы идентичности связаны с его концепцией субъективности. В трактате *Бытие и ничто* (1943) Сартр анализирует сознание в специфическом ракурсе: речь идет не о сознании как активной познавательной способности, а о бытии сознания. Сознание – особый тип бытия, человеческая реальность, «озабоченная» поддержанием своего существования. Мыслитель разрабатывает феноменологическую онтологию, основываясь, прежде всего, на концепциях Э. Гуссерля и М. Хайдеггера и существенным образом переосмысливая их. С точки зрения французского философа, сознание обладает следующими фундаментальными особенностями: во-первых, оно всегда есть сознание бытия, не являясь пустым или полым (общее место феноменологии Гуссерля), и, во-вторых, оно ставит вопрос о себе и способе своего бытия, т.е. его бытие находится под вопросом (известное положение Хайдеггера периода *Бытия и времени* о том, что в бытии Dasein речь идет о его собственном бытии). Человеческое сознание, согласно Сартру, возникает тогда, когда имеет место отрицание

фактичности, самотождественности, свойственной существованию вещи, «бытия-в-себе». Человеческое бытие характеризуется как «бытие для себя», его онтологической особенностью является недостаток бытия, отрицание всего того, что есть, ничтожение или неантизация фактичности. Сознание никогда не дано в качестве чего-то самотождественного, оно не совпадает с самим собой, является бегством от данности, ускользанием от определенности в конкретной ситуации. Иными словами, как часто любит писать Сартр, человек есть то, чем он не является, и не есть то, чем он является. Таким образом, данное определение субъекта характеризует его как децентрированного и поэтому может рассматриваться в контексте постметафизической перспективы.

В качестве своего необходимого компонента идентичность личности включает Другого, выступающего для нее источником объективации и овеществления. Другой фиксирует состояние фактичности, «в-себе», свойственное осознанию индивидом самого себя. Однако человеческая реальность есть всегда нечто намного большее, чем то в личности, что предстает в качестве объекта взгляду Другого. По мнению Сартра, «конфликт есть первоначальный смысл бытия-для-другого» [1, *379*]. В одной из своих пьес мыслитель пишет, что другие – это ад. Отношения с другим Сартр характеризует метафорами «захвата», «овладения», «порабощения» и т.д. Это представляется довольно логичным и последовательным, если учитывать то, что в сартровской философии безусловным основанием бытия человека выступает его свобода. В этой связи уместно вспомнить знаменитую мысль Сартра о том, что человек не имеет оправдания, так как он осужден на то, чтобы быть свободным. Свобода человека, по Сартру, беспредпосылочна (эту идею можно по праву идентифицировать как проявление наследия метафизики в творчестве французского философа).

На наш взгляд, Сартр упускает из виду (или принципиально не обращает внимания на) тот факт, что свобода как социальное благо и/или психологический феномен личности не есть априорная структура бытия сознания, но достигается в процессе индивидуальной и коллективной жизни, за нее борются. Учитывая данные психологии развития, критику самовластности субъекта, осуществленную представителями структурализма и пост-

модернизма, едва ли можно согласиться с положением об абсолютном характере свободы в жизни человека. Именно это и не позволяет, как представляется, разделяя допущения философии Сартра, помыслить коллективное бытие как нечто целостное, как единство интерсубъективных смыслов и структур. Согласно философу, социальные роли есть фактичное измерение бытия человека, выполняя их, он легко превращается в автомат. В *Бытии и ничто* в этой связи приводится следующий пример: действия, жесты и мимика официанта всегда подчинены внешним правилам и обязанностям. В итоге человек, выбирающий профессию официанта, по сути, выбирает бытие в качестве функции, а не свободной, самосозидательной деятельности. Свою идентичность личность достигает отнюдь не в социальной сфере, а в глубинах субъективности, отношениях индивида с самим собой[1]. Таким образом, в отличие от Тейлора, французский мыслитель противопоставляет личностную идентичность социальным ролям и позициям (социальной идентичности), полагая, что последние всегда носят репрессивный по отношению к человеку характер.

Однако на более позднем этапе своего творчества французский философ пытается выйти из ловушки монадичности в представлении совместного бытия «для себя» и очертить подход к осмыслению возможности коллективного действия, подлинного бытия сообщества. В этом контексте уместно рассмотреть некоторые положения *Критики диалектического разума* (1960) Сартра, где он предпринимает попытку создать экзистенциалистски-марксистскую концепцию исторического процесса человеческой практики, подвергая систематической критике учение о диалектическом материализме ортодоксального марксизма. Осмысляя бытие человека, Сартр говорит уже не о «бытии-для-себя», а о *праксисе* (praxis), обозначающем специфику индивидуальной деятельности в контексте историчности. Индивидуальный праксис представляет собой диалектическое единство уникальности опыта и тотализации коллективной истории, фак-

[1] Здесь Ж.-П. Сартр приходит к положению, которое противоположно выводам исследователя микросоциологии действия И. Гофмана. Согласно последнему, от идентичности личности вполне можно отвлечься, поскольку повседневное социальное взаимодействие характеризуется множеством масок, которые на себя примеряет индивид, так что его реальная идентичность остается неуловимой.

тичности конкретной ситуации и ее глобальной перспективы, устремленности в будущее и удерживания прошлого, – единство, которое возможно в рамках проекта, свойственного человеческой реальности [3].

Социальная сфера характеризуется ожесточенной борьбой между людьми и различными коллективами. Те, кто одерживает победу в этой борьбе, получают доступ к политической власти и делают все, что в их силах, для того, чтобы создавать и поддерживать видимость естественности существующего порядка. Так появляются условия для возникновения *инертной практики*. Инертная практика (Сартр называет ее также *инертно-практическим полем*, *практико-инертным ансамблем, практической инерцией*) выступает описанием индивидуального сознания, которое воспринимает социально-политический мир, историческую ситуацию некритически, натуралистически, как объективно необходимую вещь. Практическая инерция противостоит свободному индивидуальному праксису, поддерживая ригидность социально-политических институций. Другими словами, человек, погруженный в инертную практику, не осознает диалектики субъективного и объективного в своей деятельности и своем бытии в целом.

Совместное бытие в рамках инертной практики Сартр именует *серийностью* (seriality). Она предполагает то, что отношения между индивидами строятся на основании общей нужды, нехватки чего-либо, а фактичные условия более широкого, социально-культурного, политического плана ими не рефлексируются. Разобщенность, изолированность, конфликтность являются особенностями существования коллективов по принципу серийности. Это исключительно функциональные связи, в принципе, отчужденных друг от друга людей. Примером серийных коллективов выступают коллективы, основанные на классовой принадлежности.

Аутентичные межиндивидуальные связи, преодолевающие порабощенность инертно-практическим полем и существование в рамках серийности, возможны при формировании *группы* (a group). В пределах группы индивидуальные сознания объединены общей целью, намерениями, действиями, а также обязательствами перед группой. Причем подлинный коллективный праксис, по Сартру, есть праксис революционный. Это бунт, мя-

теж, единая воля, направленная на свержение наличных политических институтов. Коллективным праксисом группы является, к примеру, взятие Бастилии в 1789 г. взбунтовавшимися парижанами [3].

Несмотря на появление в поздних работах новой проблематики, связанной с осмыслением социальности, Сартр сохраняет приверженность установкам экзистенциальной феноменологии, которую он разрабатывал на раннем этапе творчества. В результате мы имеем дело с видением социального из перспективы философской антропологии, человека в его целостности, когда социальное бытие сводится либо к отчуждению, либо к противостоянию ему.

Что касается проблемы нарратива, то Сартр весьма скептически настроен по отношению к тому, что повествование может выполнять конституирующую для идентичности личности функцию. Вспомним главного героя романа «Тошнота» Антуана Рокантена. Он пишет биографию известного исторического деятеля, однако со временем утрачивает сознание того, что он пишет о том, что происходило на самом деле. Он сомневается в подлинности написанной им истории и приходит к мысли, что его научное исследование является скорее художественным произведением, то есть вымыслом.

Действительно, где найти критерий, основание того, что нарратив личности о себе не является выдумкой, фикцией, пустым звуком? Возможно, вслед за Сартром стоит признать нарративную концепцию идентичности несостоятельной? Ответим сразу – нет, ибо рассказ индивида о себе не возникает на пустом месте. Следует согласиться с Тейлором, что индивид всегда обретает себя в некоем социальном и культурном контексте, сообществе, нормы и ценности которого выступают основой для идентификации его представителей. Субъективность индивида, как она представлена в феноменологии Сартра, может приниматься скорее как аналитическая конструкция, нежели продукт и феномен социальной онтологии. Таким образом, принципиальное отличие между нарративистским и феноменологическим подходами к идентичности состоит в том, что первый постигает личность в единстве с ее социальным окружением, тогда как второй приводит к монадическому видению бытия сообщества. Это и позволяет нам ответить на поставленный в на-

чале статьи вопрос: первая парадигма является предпочтительнее для современной социальной теории. Однако это не значит, что нужно полностью отказаться от феноменологической перспективы в отношении изучения идентичности, в частности, той, которую предлагает Сартр. Не подлежит сомнению, что феноменологические описания смысловых структур субъективности обладают существенной эвристической ценностью в познании. Однако нарративизм в современном социогуманитарном знании (философии, социологии, психологии, истории и других науках) занимает все более убедительные позиции, поэтому феноменологические исследования идентичности и субъективности сейчас наиболее плодотворно синтезировать с положениями нарративизма. Так, например, как это сделал П. Рикёр.

Иными словами, между феноменологическим и нарративным подходами к идентичности личности, по крайней мере в рассмотренных выше версиях, не существует некой «пропасти». Можно выделить в них и общие моменты, которые могут выступить основанием для объединения двух парадигм. Это, во-первых, постметафизическая трактовка самости как децентрированной, несамотождественной субъективной структуры, во-вторых, признание темпоральности человеческого бытия в единстве трех временных экстазов: прошлого, настоящего и будущего – как условия обретения целостной идентичности.

В завершение отметим, что выделение двух подходов в изучении идентичности личности на основании рассмотрения позиций только двух авторов свидетельствует об известной предварительности полученных выводов. Феноменологию персональной идентичности можно обнаружить также в трудах М. Хайдеггера, А. Шюца, М. Мерло-Понти, Э. Левинаса. Нарратология в осмыслении проблемы самоидентичности, помимо Тейлора и Макинтайра, представлена такими исследователями, как И. Гофман, Э. Гидденс и др. Однако анализ этих подходов выходит за рамки данной работы.

Литература

1. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.
2. MacIntyre A. After virtue. A study in moral theory. Second edition. Duckworth, 1984.

3. Sartre J.-P. Critique of Dialectical Reason. Электронный документ: http://www.marxists.org/reference/archive/sartre/works/critic. Дата доступа: 05.07.2008
4. Taylor Ch. Sources of the self. The making of modern identity. Cambridge University Press, 1989.

Андрей Дудчик
(БГУ)

ГЕГЕЛЕВСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ДИСКУРС О «ВТОРОМ МОДЕРНЕ»

Summary: The article is dedicated to the analysis of Hegel's political philosophy as an intellectual project of the process of globalization. The connection between ideas of Hegel and themes (Globalization as «Second Modernity» and crisis of the model of national state) of contemporary understanding of globalization is analyzed. The necessity of philosophical and methodological foundation for comprehension of Globalization is emphasized, possibility of appeal to Hegel's philosophy is founded.

Понятие глобализации (и ряд производных от него: глобальность, глобализм и т.п.) – одно из самых популярных и одновременно одно из вызывающих наибольшее количество вопросов в современном социогуманитарном знании. В силу частого и разнообразного употребления значение этого понятия стало весьма широким и неопределенным. Более того, несомненная сложность происходящего процесса глобализации вызывает самые разнообразные (вплоть до взаимоисключающих) попытки описания, объяснения и интерпретации. Так, по мнению У. Бека, весьма авторитетного немецкого исследователя, занимающегося изучением глобализационных процессов, «без сомнения, глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым – и наименее проясненным, вероятно, самым непонятным, затуманенным, политически эффектным словом (лозунгом, оружием в споре) последних лет и останется таковым в ближай-

шее время» [1, *40*]. И далее Бек отмечает, что «понятие и дискурс глобализации столь расплывчаты… пытаться определить их – все равно, что гвоздем прибивать к стенке пудинг» [1, *42*].

В столь образной форме немецким социологом зафиксирована действительно важная проблема. Очевидно, что широта и многообразие проявлений самого процесса глобализации затрудняют его адекватное осмысление в современном социогуманитарном знании. Следует также учитывать, что феномен глобализации стал предметом изучения относительно недавно. В большинстве текстов, затрагивающих проблемы глобализации, велика описательная часть с большим количеством примеров и статистических данных. Переход к концептуализации и пониманию осуществляется достаточно осторожно, при этом исследователи предпочитают ограничиваться теми или иными аспектами глобализации. Очевидно, что во многом еще только предстоит выработать целостное, содержательное и продуктивное понимание глобализационных процессов. Весьма актуальным при этом оказывается и поиск теоретических оснований, концептуально-понятийного языка для подобного понимания.

Тем не менее, уже сейчас можно попытаться выделить смысловое ядро современного «дискурса о глобализации», выявить основные характеристики, проблемы и противоречия, присущие пониманию процесса глобализации. Опираясь на программные работы У. Бека («Что такое глобализация») и З. Баумана («Глобализация: последствия для человека и общества»), мы попытались выявить ряд противоречий, присущих не столько разным интерпретациям и аспектам феномена глобализации, но являющихся, на наш взгляд, весьма существенной частью ее понимания. При этом важно отметить, что, несмотря на всю особенность и новизну современных глобализационных процессов, они во многом сохраняют преемственность с предыдущей культурно-исторической эпохой, являясь ее закономерным продолжением. В этой связи, наряду с разработкой новых концептуальных схем анализа, важным будет и обращение к предшествующей интеллектуальной традиции.

Дело в том, что не вполне проясненным остается вопрос о принципиальной новизне происходящих сегодня глобализационных процессов и их исторических предпосылках. С одной стороны, большинство исследователей рассматривает глобализацию

как достаточно самостоятельный, самодостаточный и даже принципиально новый этап исторического развития. В связи с этим такие языковые конструкции, как «в эпоху ...», «в условиях...», «в контексте глобализации» стали не только популярными, но едва ли не обязательными. Подчеркиваемая новизна глобализационных процессов является одним из факторов, затрудняющих серьезный анализ ее причин, сущности и возможных последствий. Глобализация, по мнению многих авторов, является качественно новым явлением, обладающим принципиально новой логикой развития и требующим, соответственно, выработки новой методологии исследования, новых способов объяснения и понимания, нового категориально-понятийного аппарата.

Тем не менее, даже сторонники идеи новизны глобализационных процессов отмечают некоторое их сходство с социальными процессами, уже имевшими место в истории. Более того, достаточно очевидно, что глобализация является вполне закономерным продолжением процессов, происходивших в эпоху модерна (тот же Бек характеризует ее как продолжение модерна, «второй модерн»). Само понятие модерна весьма полисемантично, но обычно под модерном понимается «интегральная характеристика европейского общества и культуры; сегодня она все чаще используется в философских и социологических концепциях для обозначения этапа становления и эволюции промышленного общества, приходящего на смену традиционному. В философской культуре XX в. распространено отождествление современности с утверждением и торжеством научной рациональности индустриального общества» [2, *395*]. Подобная трактовка модерна предлагается, в частности, Ю. Хабермасом. При этом «модерн» не столько связан с определенным историческим периодом (хотя его можно локализовать темпорально: Новое время – середина XX в., и географически: Западная Европа), сколько с определенной духовной установкой, выражающейся в критическом отношении ко всем традиционным ценностям и смыслам. Так, российский исследователь М. Быкова отмечает, что «представляется наиболее адекватным толкование модерна не как конкретного исторического периода или промежутка времени, а в качестве мировоззренческого проекта, духовной установки, господствующей в определенную эпоху» [3, *95*]. Понимаемый предельно широко, модерн включает в себя

самые разные идейные течения: от движения Просвещения до различных вариантов марксизма.

Как мы видим, при рассмотрении глобализации важным будет исходить и из классических теорий, описывающих общество модерна. И здесь весьма уместным будет обращение именно к философии Гегеля как к одному из концептуальных выражений эпохи модерна. Так, Ю. Хабермас в своей известной работе «Философский дискурс о модерне» пишет, что «первым философом, который развил ясное понятие модерна, был Гегель» [4, *11*] и, далее, «Гегель первым возвышает до уровня философской проблемы процесс освобождения модерна от внушающего воздействия со стороны внешних по отношению к нему норм прошлого» [4, *17*].

Более того, являясь самопониманием эпохи модерна, гегелевская философия одновременно обозначает имманентные пределы самого модерна, оказываясь актуальной и для понимания современной ситуации (обозначаемой как «второй модерн», «постмодерн», «глобализирующийся мир» и т.п.). Поэтому одной из основных задач исследователя философии Гегеля будет «понять его философский проект как нечто выходящее за рамки чисто нововременных духовных образований и по своему замыслу и ряду теоретических результатов уже созвучный философским поискам пост-нового времени» [3, *95*]. В уже упоминавшихся нами работах Ю. Хабермаса и М. Быковой акцент делается преимущественно на гегелевской онтологии и основывающейся на ней теории субъективности. Поэтому еще одной важной задачей является рассмотрение гегелевской политической философии в контексте поставленной проблемы модерна и проблем современного глобализирующегося мира. Так, например, канадский исследователь Дж. Даулл обращается к гегелевской «Феноменологии духа» с целью «понимания философии и политической культуры эпохи постмодерна» [5], но достаточно очевидно, что необходимо рассмотреть гегелевскую политическую философию в целом, исходя из ее современного понимания.

Если говорить более конкретно, в гегелевской философии мы находим понятие всемирной истории, интерпретирующее исторические события с точки зрения их единства. Фактически имеет место апплицирование гегелевской диалектической логики на исторический процесс. Достаточно часто немецкого фи-

лософа упрекали в схематизации реальных исторических процессов, их упрощении, а порой и игнорировании в угоду собственной системе. Не затрагивая сейчас этой проблемы, отметим, что Гегель задает понимание исторического процесса как целостности, объединяемой единой логикой исторического развития; история в его интерпретации действительно становится всемирной. Более того, можно предположить, что само понятие мировой истории выполняет не только описательную, но и своего рода предписательную, прогностическую роль. По крайней мере, известный современный философ Дж. Ваттимо, рассуждая о современности гегелевской социально-политической философии, относит гегелевскую философию скорее к «философии "проективной", нежели философии "описательной"» [6, *19*], что и делает ее значимой сегодня. Так, по мнению российского исследователя А.И. Тимофеева, можно «сравнить гегелевские понятия всемирно-исторического духа и всемирной истории с современными представлениями о глобализации» [7, *87*]. В сущности, гегелевское понятие всемирной истории можно рассматривать как интеллектуальное предвосхищение не только реального процесса глобализации, но и его современного понимания, в частности, таких понятий, как «мир-система» (И. Валлерстайн) и «империя» (М. Хардт и А. Негри).

Далее, постулирование единства глобализации отнюдь не отрицает конфликтов и противоречий, присущих пониманию этого процесса. Более того, можно говорить о своеобразной «логике противоречий», выявляющейся при анализе процесса глобализации. Например, У. Бек рассматривает сам вопрос о том, что же движет глобализацией, как центральную теоретическую контроверзу, которая «взрывает смысловое поле слова "глобализация", так как с ним зачастую связывают *противоположные* значения» [1, *60*]. Далее, внутри самого глобализационного процесса достаточно явно выделяют две противоположные тенденции: собственно тенденция глобализации и тенденция глокализации. С одной стороны, идет достаточно интенсивный процесс выработки единых или, по меньшей мере, ориентированных на универсальность стандартов и ценностей. Будучи очевидно «западными» по своему происхождению, они широко распространяются по всему миру, претендуя на статус общих для всех. Достаточно часто критики глобализации указывают на унификацию,

стандартизацию, а порой и утрату национальной или локальной культурной специфики как на результаты глобализации. С другой стороны, процесс глобализации проявляется не только в унификации и стандартизации, а, напротив, и в увеличении разнообразия, развитии локальных и региональных культурных особенностей. Подобное явление получило название «глокализация» и является своего рода оборотной стороной и своеобразной реакцией на тенденцию глобализации. Обе эти тенденции развиваются в некотором противоречивом единстве, дополняя друг друга. Так, З. Бауман отмечает, что «интеграция и раздробленность, глобализация и территориализация – это *взаимодополняющие процессы*. Точнее, это две стороны одного процесса: процесса перераспределения суверенитета, власти и свободы действий в мировом масштабе... Совпадение и переплетение синтеза и раздробления, интеграции и распада отнюдь не случайно, и изменить эту ситуацию уже невозможно» [8, *101–102*].

Далее, большинство исследователей подчеркивает объективный характер глобализации, связывая ее с закономерным ходом исторического развития, следующим из особенностей политического, экономического, культурного развития. Вне зависимости от собственных оценок самого процесса глобализации, ученые говорят о его неизбежности и бессмысленности отрицания этого явления как такового. Критикуют направленность процесса глобализации, те формы, в которых он протекает, его отдельные аспекты и проявления. Сам же процесс глобализации, в силу своих объективности и закономерности, вытекающих из *глобальности* современного мира, рассматривается как нечто данное и неизбежное.

Тем не менее, встает вопрос о наличии субъекта глобализации, который мог бы пытаться достаточно активно влиять на его форму и направленность. С одной стороны, при рассмотрении процесса глобализации как предельно объективного по своему характеру достаточно трудно выделить его конкретного субъекта или субъектов в традиционном понимании (государства, социальные группы, нации, международные организации, геополитические образования). Зачастую при этом можно говорить об определенном воспроизведении гегелевской идеи «хитрости мирового разума», согласно которой отдельные социальные

субъекты неосознанно воплощают в действительность определенный принцип исторического развития.

С другой стороны, некоторый крен в сторону «объективизма» при рассмотрении процессов глобализации порождает и ответную реакцию, когда в качестве активного субъекта глобализации выделяют вполне конкретные социальные группы – прежде всего, элитные круги стран «первого мира», тесно связанные с крупными транснациональными корпорациями (ТНК). Так, например, З. Бауман пишет, что «сегодня главным источником неожиданностей и неуверенности является поведение "рынков" – прежде всего, мировых финансовых рынков... Отсюда и обоснованные подозрения, что политическая фрагментация и экономическая глобализация – это не соперники, преследующие противоположные цели, а союзники и участники одного заговора» [8, *101*]. Известный французский социолог П. Бурдьё утверждает, что «мы сталкиваемся с политикой глобализации. (Я говорю именно о "политике глобализации", а не просто о "глобализации", как если бы речь шла о естественном процессе.) В значительной степени разработка и распространение этой политики держатся под секретом» [9].

Здесь важно отметить, что наличие подобных и иных проблем и противоречий (например, У. Бек в работе «Что такое глобализация» выделяет ряд контроверз, вызовов и ответов глобализации) свидетельствует не столько о неэффективности, присущей современному пониманию глобализации, сколько о реальных противоречиях, характерных для глобализационных процессов во всей их неоднозначности. Напротив, в рамках гегелевской логики наличие конфликтов и противоречий как раз следует из положения о единстве глобализационных процессов. Напомним, что для гегелевской философии противоречие играет конститутивную роль. Наличие противоречивости как источника диалектического развития – скорее, свидетельство значимости и истинности рассматриваемой проблемы. При этом противоречие приписывается не только знанию о действительности, но и самой этой действительности. В «Науке логики» Гегель отмечает: «все вещи сами по себе противоречивы, причем в том смысле, что это положение сравнительно с прочими скорее выражает истину и сущность вещей... противоречие же есть корень всякого движения и жизненности» [10, *483*].

Так, условно «гегелевскую» стратегию можно обозначить как интенцию на осмысление имманентных самой действительности противоречий в рамках диалектической «логики противоречия»; она оказывается во многом созвучной проблемам современной глобалистики.

Далее, хотя мы и пишем о глобализации как некотором едином процессе, подобное единство вовсе не исключает наличия разнообразных, зачастую противоположных и даже противоречивых тенденций и векторов развития. Существуют различные стратегии глобализации, наиболее яркий и явный пример – движения, направленные против реализующегося варианта глобализации, достаточно условно объединяемые под названием антиглобалистских, в рамках которых осуществляется критика «неолиберальной идеологии глобализма, ее экономической одномерности, ее политического, мирового рыночного авторитаризма» [1, *223*]. При этом важно отметить, что большинство критически настроенных исследователей предпочитают название «альтерглобализм», т.е. другой глобализм, и отмечают, что выступают не против самого процесса глобализации как такового, а против одного из его вариантов, наиболее явно выраженного в идеологии глобализма. Сторонники этой идеологии, по мнению ее критиков, сознательно выбирают неоптимальные, рискованные, а зачастую и просто неверные с точки зрения долгосрочной перспективы варианты развития глобализационных процессов.

Таким образом, протестные и альтернативные движения имеют место в рамках самого процесса глобализации, их можно рассматривать, говоря гегелевским языком, как определенные формы отчуждения, или инобытия, данного процесса, противостоящие ему, но одновременно и зависящие от него и подчиняющиеся его логике.

Далее, несмотря на различия в подходах к определению сущности глобализации, большинство исследователей солидарны в том, что одним из наиболее значимых проявлений глобализационных процессов является кризис современной модели национального государства. В современном социогуманитарном знании весьма распространенным является тезис о том, что государство в современном его виде и современном же понимании является продуктом эпохи модерна. Английский исследова-

тель Э. Смит отмечает, что «со времен Французской и Американской революций "национальное государство" стало доминирующей, а вскоре и почти единственной легитимной формой политической организации и основным средством коллективной идентичности» [11, *138*]. Будучи на протяжении последних нескольких столетий наиболее значимым политическим актором, в современной ситуации национальное государство сталкивается с рядом весьма серьезных вызовов. Так, появление крупных транснациональных корпораций и виртуализация финансового капитала ставят под сомнение само понятие национального государства, основанное на представлении о его суверенитете. Говоря о современных реалиях и ближайших перспективах, большинство исследователей указывает на формирование «нового мирового порядка», для которого характерно разнообразие политических акторов. Так, Бек отмечает, что «наряду с мировым обществом национальных государств возникает могущественное, отличающее себя от всех прежде существовавших форм политической легитимации не-государственное мировое общество, которое составлено из совершенно разнородных транснациональных акторов» [1, *38*]. Содержательную и структурную сложность нового мирового общества Бек противопоставляет «новой простоте» глобализма, проповедуемой в рамках неолиберальной «метафизики мирового рынка».

При этом открытым и дискуссионным остается вопрос о возможных альтернативных субъектах мировой политики (транснациональные корпорации, сетевые структуры, цивилизационные общности и т.д.). Интересно, что схожую проблематику можно обнаружить и в гегелевских работах. Являясь, по сути, концептуальным выражением модерного понимания национального государства, гегелевская философия одновременно обозначает и имманентные пределы подобной трактовки. Таким образом, обращаясь к гегелевской философии государства, мы одновременно обращаемся и к проблеме кризиса модерной модели национального государства, и к проблеме поиска возможных альтернативных вариантов социальной и политической организации. В частности, достаточно распространенными являются представления о возможности некоего единого, мирового государства. Здесь имеет смысл обратиться к интерпретации гегелевской философии, данной А. Кожевом в его известной работе

«Введение в чтение Гегеля», и в частности – к интерпретации гегелевского понимания государства. Так, Кожев лишает понятие государства его конкретно-исторического статуса и рассматривает его как правовой порядок, претендующий на универсальность. Действительно, в современном мире можно обнаружить ряд черт, характерных скорее для гегелевского понятия государства. Таким образом, хотя и очевиден кризис государства как института, можно говорить о сохранении ряда существенных признаков, специфических для гегелевского понимания государства и даже дальнейшем развитии гегелевской идеи государства в современном мире при десубстанциализации государства как налично данного феномена.

Как мы видим, для современного понимания глобализации важной является проблема поиска философско-методологических оснований. Можно предположить, что возможно обращение к гегелевской диалектической философии как к одному из теоретических оснований критического осмысления процессов глобализации. По крайней мере, ряд рассмотренных нами проблем и противоречий указывает на то, что современная глобалистика работает скорее в парадигме традиционной «логики противоречия», далеко не всегда до конца осознавая эту свою принадлежность. Например, У. Бек, ищущий адекватной терминологии для описания и анализа характера глобализационных процессов, регулярно прибегает к использованию «диалектики» в своих объяснениях (несмотря на всю ее кажущуюся «старомодность»).

Естественно, было бы наивно утверждать, что глобализация развивается исключительно «по Гегелю» (здесь, впрочем, можно вспомнить слова К.А. Свасьяна о том, что «мир снова начал становиться немецким, что значит: мыслимым и идеируемым, а не просто рефлекторно подергивающимся… Мир стал снова гегелевским, в подражание рассветным раздельным движениям мысли в самом начале Большой логики, которой, после того как ею перестали интересоваться философы, заинтересовались политики» [12, *45*], – они указывают на достаточную степень релевантности языка и логики гегелевской философии современной политической реальности). Тем не менее, вполне приемлемым оказывается рассмотрение гегелевской философии как своего рода интеллектуального проекта, в определен-

ной мере предвосхищающего современные процессы глобализации, описывающего логику их развития и, следовательно, интересного сегодня с точки зрения понимания и, возможно, даже прогнозирования вариантов их дальнейшего развития.

Подведем итоги. Можно говорить о том, что достаточно остро стоит вопрос о поисках философско-методологических оснований современного «дискурса о глобализации». При этом важно отметить, что, несмотря на всю особенность и новизну глобализационных процессов, они во многом сохраняют преемственность с предыдущей культурно-исторической эпохой, являясь ее закономерным продолжением. В этой связи, наряду с разработкой новых концептуальных схем анализа, важным будет и обращение к предшествующей интеллектуальной традиции. Можно, в частности, говорить о своеобразной «логике противоречий», выявляющейся при анализе процесса глобализации и требующей соответствующего методологического рассмотрения. В качестве ключевых проблем современного «дискурса о глобализации» отметим две взаимосвязанные темы: эпоха модерна и глобализация, как ее продолжение; национальное государство как одно из наиболее значимых порождений эпохи модерна и его кризис в современном мире.

С этой точки зрения гегелевскую политическую философию можно рассматривать как своеобразный интеллектуальный проект глобализации. Особый интерес представляют осмысление модерна в гегелевской философии (и связь с пониманием глобализации как «второго модерна»), рассмотрение модерной модели национального государства, ее имманентных пределов, возможность иных форм политической организации (и развитие этой темы в работах А. Кожева) и, наконец, понятие всемирной истории как своеобразное предвосхищение происходящих сегодня глобализационных процессов. Как видим, эти темы заслуживают весьма тщательного рассмотрения и дальнейшего исследования.

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.
2. Петренко Е.Л. Ю. Хабермас размышляет о модерне // Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.

3. Быкова М. Гегелевский феномен современности, или Насколько Гегель близок к модерну // Логос. 2001. № 5–6. С. 95–111.
4. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
5. Doull J. Hegel's Phenomenology and Postmodern Thought // *Animus*. 2000. Vol. 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mun.ca/animus/2000vol5/doull5a.htm. Дата доступа: 01.05.07.
6. Vattimo G. Aktualność Heglowskiego myślenia o polityce // Filozofia polityczna Hegla: istota, aktualność, kontynuacje. Poznań, 2007. P. 17–25.
7. Тимофеев А.И. Что бы мог сказать Гегель о проблемах глобализации? // Глобализация в социально-философском измерении: Сборник материалов конф. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 86–90.
8. Бауман З. Глобализация: Последствия для человека и общества. М., 2004.
9. Бурдьё П. За ангажированное знание // *Неприкосновенный запас*. 2002. № 5 (25).
10. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1998.
11. Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004.
12. Свасьян К.А. Ничейная власть // Растождествления. М., 2006. С. 44–53.

Андрей Роленок
(ЕГУ)

СМЕЩЕНИЕ/ДЕЦЕНТРАЦИЯ/РАССЕИВАНИЕ «ИДЕНТИЧНОСТИ» СОЦИАЛЬНОГО КРИТИКА (на примере творчества Зигмунта Баумана)

Английский социолог польского происхождения Зигмунт Бауман – один из самых оригинальных западных мыслителей конца XX – начала XXI столетия. Современную социальную теорию невозможно представить без концептуальных идей и метафор, сгенерированных Бауманом, ибо они в значительной мере и конструируют горизонт современного. Примечательна в этом смысле фраза исследователя творчества Баумана Т. Блекшоу: «Когда я впервые изучал социологию в конце 80-х годов, Энтони Гидденс всецело был самым важным социологом в англоязычном мире. Тем не менее, сейчас без всяких сомнений я считаю, что Бауман не только заместил его, но и стал... профессором профессоров XXI столетия»[1].

Тематически в творчестве Баумана можно выделить следующие концептуальные блоки: постмарксистский/постклассовый анализ капитализма, амбивалентность рационализации, модернити/постмодернити, свобода/эмансипация, индивид/сообщество, пространство/время, консьюмеризм, глобализация/«жидкая/ликвидная модернити».

Хронологически теория «ликвидной модернити» является последней по времени концептуализации «систематической»

---

1 Blackshaw T. *Zygmunt Bauman (Key Sociologists)*. London/New York: Routledge, 2005. P. 1.

теорией Баумана. Можно сказать, что после «постмодерного поворота» в творчестве Баумана произошел «ликвидный поворот». Однако многие интерпретаторы, как, например, П. Бейлхарз[2], отрицают наличие «систематичности» в творчестве Баумана, акцентируя внимание на его фрагментарности.

Судя только по названиям книг, написанных Бауманом после 2000 г.[3], не вдаваясь в их многообразное и сложное содержательное наполнение, можно заключить, что в творчестве Баумана действительно произошло дискурсивное смещение: от дискурса о модернити/постмодернити к дискурсу о глобализации и теории «ликвидной модернити» как подходящему авторскому наименованию данного дискурса. Следует заметить, что подобное смещение характерно для современной социальной теории в целом: «Глобализация стала, начиная с 90-х, весьма влиятельной парадигмой в гуманитарных науках. Она фактически выступила как преемник дебатов о модернити и постмодернити в понимании социокультурных изменений и как центральная тематика социальной теории»[4].

Противоречия нашей глобальной, радикально изменяющейся современности вызвали к жизни новые проблематизации, родили новые тематизации: расширился глобальный разрыв между богатыми странами, распространяющими цифровую и медиакультуру, и странами бедными, распространяющими СПИД и голод; продолжают существовать деспотические политические режимы; возродилось христианство как политическая платформа и социальная повестка, в то время как интеллектуалы продолжают поддерживать дебаты о традиционной демократии; в мировой экономике доминирует поляризация на профессионально-менеджерский класс и неквалифицированных рабочих сферы обслуживания; на интеллектуальном фронте продолжается борьба между позитивистами и нонпозитивистами и т.д.

---

2 The Bauman Reader. Beilharz P. (ed). Oxford: Blackwell Publishers, 2000; Beilharz P. *Zygmunt Bauman: Dialectic of Modernity*. London: Sage, 2000.

3 Пять из них в своем названии имеют прилагательное «liquid», которое я предлагаю передавать на русском языке как «ликвидный» или «жидкий»: «Жидкая модернити» (2000), «Жидкая любовь» (2003), «Жидкая жизнь» (2005), «Жидкий страх» (2006), «Жидкие времена» (2006).

4 The Bauman Reader. Peter Beilharz (ed). Oxford: Blackwell Publishers, 2000.

Все эти и многие другие проблемы/темы, затрагивающие трансформацию социальной жизни, которая становится более поляризированной, иерархичной, конфликтной в пост-9/11, цифровую, глобальную эру, требуют релевантной социальной теории для концептуализации и генерализации опыта данной событийности. Подобный опыт не укладывается в узкие рамки традиционных дисциплинарностей и требует трансдисциплинарного аналитического проекта, коим, по сути, и является социальная теория, начиная с конца 60-х годов XX ст.

В такой исторической ситуации социальная теория не может оставаться политически нейтральной, более того, ей не следует извиняться за собственную политизацию, но, напротив, обосновывать выбор политической позиции, быть политически ангажированной; быть политической в том смысле, чтобы стремиться посредством социально-научного знания изменить мир.

Итак, социальная теория, релевантная современной кондиции глобального капитализма, – это трансдисциплинарная, политически ангажированная, утопическая теория. Я буду называть ее критической социальной теорией, «она развивает модель социального универсума, основывающегося на анализе неравенства и конфликта, нацеленного на "хорошее общество", в котором эти фундаментальные различия будут преодолены»[5].

Термин «критическая социальная теория» («социальная критика») отсылает к теоретической практике представителей Института социальных исследований («Франкфуртская школа»). С момента своего возникновения на базе Института социальных исследований «франкфуртцы» осуществляли ревизию Марксовой критики капитализма и теории революции в новых социальных и политических условиях, разработку тех аспектов социальной реальности, которые Маркс и его ортодоксальные последователи недооценивали или не придавали им значения. Критическая теория выступала как альтернативная теория: альтернатива

5 Tester K. The Social Thought of Zygmunt Bauman. Palgrave MacMillan, 2004; Blackshaw T. Zygmunt Bauman (Key Sociologists). London/New York: Routledge, 2005; Tester K., Jacobsen M., Marshman S. Bauman Beyond Postmodernity: Conversations, Critiques and Annotated Bibliography 1989-2005. Aalborg: Aalborg University Press, 2007; The Contemporary Bauman. Anthony Elliott (ed.) London: Routledge, 2007; The Sociology of Zygmunt Bauman: Challenges and Critique. Jacobsen M., Poder P. (eds.). London: Ashgate, 2008.

доминирующему академическому дискурсу, альтернатива доминирующей политической доктрине, эмансипационная альтернатива современному социоисторическому порядку.

Теория «ликвидной модернити» Зигмунта Баумана в этой связи видится релевантной обозначенным выше критериям, и ее стоит рассматривать как актуальную версию социального критицизма, ищущего этическую альтернативу обществу «глобального капитализма» в рамках самого «капитализма».

Сразу следует оговориться, что смысл выражения «социальная критика» зависит от контекста его использования. Следовательно, необходимо исключить все иллюзии, ограничить все фантазии, представляющие или допускающие наделение словосочетания «социальная критика» универсально предзаданным Смыслом. Речь, конечно же, идет о социальных критиках или социальных критицизмах.

Фрагментарный анализ литературы, представленной в англоязычном мире, позволяет сделать вывод о высокой степени разработанности тематики, посвященной, с одной стороны, общей характеристике этапов творческой эволюции Баумана, с другой – рассмотрению в различных контекстах конкретных теорий, репрезентирующих тот или иной этап его эволюции (например, поворот от социологической теории постмодернити к теории «ликвидной модернити»).

Редкий социальный теоретик удостаивается издания ридера при жизни. Бауман, как, например, и Жижек, являются в этом отношении исключениями. Однако данный ридер[6] должен быть дополнен систематической реконструкцией целого (еще не завершенного) этапа в эволюции автора, а именно – теории «ликвидной модернити». На Западе данная проблематика рассматривается такими социальными теоретиками, как Кейт Тестер, Тони Блэкшоу, Энтони Эллиот, Майкл Якобсон, София Маршман, Поль Подер[7]. В то же время монографий и диссертаций, посвя-

---

6 The Bauman Reader. Peter Beilharz (ed). Oxford: Blackwell Publishers, 2000.

7 Tester K. The Social Thought of Zygmunt Bauman. Palgrave MacMillan, 2004; Blackshaw T. Zygmunt Bauman (Key Sociologists). London/New York: Routledge, 2005; Tester K., Jacobsen M., Marshman S. Bauman Beyond Postmodernity: Conversations, Critiques and Annotated Bibliography 1989-2005. Aalborg: Aalborg University Press, 2007; The Contemporary Bauman. Anthony Elliott (ed.) London: Routledge, 2007; The Sociology of Zygmunt

щенных доказательству основного тезиса предлагаемого исследования, на данный момент мной обнаружено не было. Именно поэтому нашей задачей является не столько анализ отдельных элементов/фрагментов теорий Баумана, сколько систематическая реконструкция своеобразной теории «ликвидной модернити» как версии социальной критики. Такая направленность предполагает не реферирование или пересказывание идей Баумана, а вписывание их в более широкие исторические, научные, социальные, политические контексты.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **теоретических задач**:

1) определить исторические предпосылки и концептуальные истоки теории «ликвидной модернити» Баумана в контексте классической социальной теории (Вебер, Дюркгейм, Маркс, Зиммель и пр.);

2) определить методологические основания теории «ликвидной модернити» Баумана (метафоризм, иронизм, утопизм и т.д.);

3) выявить преемственность между классической критической социальной теорией (в первую очередь, той ницшеанской по своему духу стратегией, которая была предложена в «Диалектике Просвещения» Хоркхаймером и Адорно) и теорией «ликвидной модернити» Баумана;

4) вписать теорию «ликвидной модернити» Баумана в контекст современной социальной теории в целом (Фуко, Лиотар, Деррида и пр.), и социологической теории в частности (Бодрийяр, Бурдьё, Бек, Гидденс, Хабермас, Ури и пр.);

5) провести сравнительный анализ теории «ликвидной модернити» и «основных» теорий глобализации (Робертсон, Аппадураи, Бек и др.);

6) провести сравнительный анализ теории «ликвидной модернити» Баумана с современными версиями критической социальной теории (Хабермас, Фуко, Холл, Лакло, Муфф, Жижек);

7) концептуализировать теорию «ликвидной модернити» как модель радикальных социоисторических трансформаций конца XX – начала XXI столетия.

Bauman: Challenges and Critique. Jacobsen M., Poder P. (eds.). London: Ashgate, 2008.

Дмитрий Бойченко
(ЕГУ)

КОСМОПОЛИТИЗМ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ: ДИАГНОЗ, ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ

Аннотация: Множество интерпретаций и рассуждений свидетельствуют об определенном состоянии современных обществ, позволяющем говорить о возможности космополитического образа жизни. Такое состояние повседневности У. Бек называет космополитизацией изнутри. Цель статьи – показать, как можно интерпретировать космополитизм в контексте трансформаций образа жизни, претерпеваемых современным обществом под воздействием глобальных процессов.

Ульрих Бек утверждает, что современное общество должно быть описано как космополитическое общество. Идея состоит в том, что на сегодняшний момент нет смысла строить теоретические конструкции, ориентированные на практическое достижение космополитического будущего, ибо космополитизация уже происходит. Нам скорее нужен такой теоретический ракурс, который был бы релевантен современным социальным процессам. Кризис национальных государств привел нас именно к космополитическому обществу как к ежедневно конструируемой реальности [4, *1*]. Именно поэтому Бек ведет речь об обыденном космополитизме: космополитизм есть наша повседневность. Мы ежедневно включены в процессы, которые ни в коем случае не ограничены национальными экономическими, политическими или культурными циклами, но вписаны в циклы глобальные [4, *10*]. Обыденный космополитизм стал возможен, прежде всего, благодаря изменениям в понимании пространства и времени. Главным тезисом в описании трансформаций, кото-

рые произошли в понимании пространства и времени, по версии Бека, является «трансформация локальностей» [4, *12*]. Любая локальность больше не является замкнутой в себе, но постоянно находится в контакте с глобальным. А потому вместо термина «локальность» уместнее употреблять введенный Р. Робертсоном термин «глокальность», который вбирает в себя и локальную, и глобальную перспективы. И это будет действительно реалистическим подходом, поскольку, по словам Бека, «…не существует космополитизма без связи с местом» [4, *3*]. Индивид в любом случае относится к какому-либо месту. Он может его поменять, видоизменить, но в любом случае в каждый момент он неотрывно связан с локальностью.

Таким образом, свобода, которую дарит нам глобальность, реализуется каждый раз на локальном уровне. Космополитическая привилегия индивида может рассматриваться в двух ракурсах: возможность менять места, перемещаясь из одного культурного контекста в другой, и возможность конструировать свое место, синтезируя различные культурные контексты. Основная метафора здесь: «Наши корни – это наши антенны» [4, *12*], чем подчеркивается принадлежность современного индивида к множеству культур одновременно. Западные культурные поля претерпели децентрализацию, теперь они независимы от географического расположения: произошел разрыв между политическими и культурными границами. Большинство западных жителей обладают гибридными культурными идентичностями.

Основой для таких трансформаций, по мнению Бека, служат:

- Глобальная экономика. Глокализация, по мнению немецкого социолога, является побочным эффектом глобальных экономических процессов [4, *1*]. Ежедневно мы пользуемся огромным количеством вещей, которые не имеют никакого отношения к тому месту, в котором мы их приобретаем, за исключением того, что их можно в этом месте купить. Важно отметить, что подобная экономическая предпосылка позволяет говорить о растущей независимости глокальностей по отношению к национальным государствам. Независимость, само собой, следует понимать довольно условно, так как в некоторых странах национальные рамки до сих пор обладают ограничивающими способностями, но об этом еще будет сказано ниже.

- Современные достижения в области массовых коммуникаций и международных сообщений. Бек утверждает, что средства массовых коммуникаций играют значительную роль в рефлексии современного индивида [12, *4*]. В свою очередь, С. Холл полагает, что пространство сегодня оказывается практически преодоленным: огромные расстояния потеряли свою значимость, они более не являются препятствиями для информационных и миграционных потоков. Индивиды теперь располагают широкими возможностями в сфере мобильности и получения информации. Каждая новость обретает международную огласку с первых минут своего появления [15, *620*].

Таким образом, территориальное соседство больше не имеет основополагающего социологического значения, так как в современном мире многие могут быть потенциально доступны из любой точки земного шара. Повседневность индивида более не может быть описана в рамках ограниченной, замкнутой локальности. Conditio humana («творение человека») сегодня можно понять только в контексте процессов глобализации [4, *1*]. Возможность конструирования идентичностей более не зависит от структурных ограничений государств первой модернити. Говоря о космополитизации изнутри, мы говорим об изменившемся характере повседневности, о новом образе жизни, который распространяется практически на все общества. Если даже мы затрагиваем вопрос современной актуализации проблемы бедности, как это делает З. Бауман, мы не можем исключать трансформацию окружающего, трансформацию контекста, который более не носит национального характера.

Глобальность не есть нечто необозримое или же непознаваемое, но она всегда присутствует на партикулярном уровне, формирует нашу повседневность изнутри, и именно с этой перспективы она должна быть исследована в первую очередь [4, *6*]. Зависимость глобального и локального является взаимной: процесс изменения идентичностей происходит локально, но поддерживается глобальным развитием экономики. Мы являемся жителями двух миров одновременно: пребывая в локальном, мы всегда также оказываемся вписанными и в глобальное – глобальные процессы отражаются в нашем образе жизни, и именно поэтому они не могут быть проигнорированы.

Космополитизация изнутри является главной причиной, которая дает нам сегодня возможность рассуждать о перспективе стабилизации международных отношений. Однако такое положение современного общества до сих пор остается неосознанным, общество до сих пор воспринимается как ограниченное национальными рамками. Бек отмечает: «Национальное государство – это не только политическое, но также и эпистемологическое определение, препятствующее распознаванию космополитической реальности. Мы пытаемся создать нечто, что в действительности мешает процессам, способствующим развитию национальной современности» [12, *5*]. По его мнению, нынешняя космополитизация – это проявление латентного и неосознанного космополитизма [12, *2*].

Такой диагноз, поставленный современным обществам, есть не только описание действительности, но также и (а) определенная данность, исходя из которой, мы можем говорить о перспективах этих обществ, и (б) определенный ракурс для понимания проблем этих обществ. Космополитизация изнутри есть феномен, который ставит под сомнение статус национального государства, подрывая представление о его суверенности и независимости. Этим формируется предрасположенность к новому типу политики, к новому уровню взаимоотношений между обществами и культурами. Мы можем говорить о всеобщем космополитическом будущем, так как общества более не могут определяться при помощи «контейнерных» теорий. Другой находится в неоспоримой близости к нам, и мы не можем отказаться от прояснения того, как именно будут складываться наши отношения с этим Другим. В связи с этим Бек говорит о необходимости возникновения космополитических государств и космополитического гражданства [4, *4*].

Правда, сам факт того, что наш сегодняшний опыт гетерогенен, а наши возможности выходят далеко за границы национального государства, не дает оснований утверждать, что каждый из нас может стать космополитом, т.е. отсутствуют «четко определенные отношения между космополитизацией и становлением космополитами» [12, *5*]. Нам необходимо учитывать всю сложность и масштабность возникающих проблем, наши рассуждения ни в коем случае не должны вести к идеализации будущего как такого будущего, которое целиком и полностью будет при-

надлежать космополитам и основываться на всемирном урегулировании межнациональных отношений. Проблема реализации всеобщего космополитического будущего, прежде всего, есть вопрос о глобальной ответственности, формирование которой весьма проблематично по двум, по крайней мере, причинам: сложное взаимодействие глобальных и локальных рисков, противоречие между космополитизмом и фундаментализмом.

В первую очередь следует учитывать значимость современных рисков. Индивид далеко не в полной мере может осознавать смысл процессов, реально воздействующих на его повседневную жизнь, а потому действительность может восприниматься им в качестве иррациональной. То есть индивид постоянно находится в состоянии неведения по поводу действительности, а, следовательно, принимая решения, он постоянно идет на риск. Этот феномен излишней избыточности и усложненности социального окружения упоминал еще М. Вебер при описании капиталистической реальности первой модернити. Глобализация намного усилила и интенсифицировала отмеченный Вебером феномен. Для глобальных процессов характерной является всеобщая децентрированность, что, в свою очередь, связано с кризисом национальных государств. Теперь каждый индивид оказывается перед постоянно изменяющейся и непознаваемой картиной мира. Индивиды не могут быть ответственны даже за собственные действия, не говоря уже о действиях соседей (в число которых, как уж отмечалось, входят уже не только соседи по территориальному признаку) [4, *9*].

Проблему рисков, связанных с развитием науки и техники, также рассматривает и Э. Гидденс. В его интерпретации главным аспектом риска является сложность выбора, что в значительной мере связано с исчезновением границ между знанием эксперта и дилетанта. Основной характеристикой выбора становится «контрфактуальность» – противоположность возможностей и точек зрения, что делает будущее в максимальной степени неопределенным [8, *32*]. Именно поэтому Гидденс и Бек указывают на значимость рефлексивности в современной жизни. Одна из характеристик современного общества – это повсеместный отказ от традиций, потеря «ритуальных меток» существования [9]. «Я» как самоидентичность превращается в индивидуальный дискурсивный проект. Возрастает самостоятель-

ность в конституировании идентичностей, появляется потребность в повседневной творческой деятельности как разработки собственной жизненной политики, которая, в свою очередь, обусловлена уже упомянутой «контрфактуальностью». Риск, таким образом, не рассматривается как только негативная черта повседневности; это необходимая и неизбежная цена возрастающей самостоятельности и автономности: «Риск – это динамичная мобилизующая сила в обществе, стремящемся к переменам, желающем самостоятельно определять свое будущее, а не оставлять его во власти религии, традиций или капризов природы». Гидденс в этой связи говорит о диалектической экспроприации навыков: социальная реальность вынуждает нас искать компромиссы и приобретать новые умения для эффективного решения актуальных проблем.

По мнению Бека, феномен риска как вызов глобализации может быть поставлен под контоль и, более того, процесс преодоления рисков есть движение к космополитизму как форме гражданства. Все дело в том, что кризис национальных государств вызывает насущную потребность решать вопросы не только на национальном, но и на интернациональном уровне, а такая тенденция ведет к согласованию действий между государствами. Таким образом, негативные проявления глобализации становятся основой для интенсивного формирования новых международных отношений [3]. Но одно дело – периодически достигать конкретные соглашения, и совсем другое – пытаться синхронизировать и упорядочить весь спектр процессов, характерных для современности. Сегодня мы скорее можем говорить о кризисе всеобщего будущего, об отказе от него.

И именно здесь мы встречаемся со второй важной проблемой, отмеченной Беком, – противоречием между национальной и глобальной перспективами, суть которого выражается в следующем: (а) транснациональное пространство замещает национальное, (б) социальная жизнь до сих пор формально является национальной [4, *11*]. Иными словами, мы можем говорить о дисфункциональности современных институтов. Эту проблему подробно описал М. Кастельс, который исходит из тезиса о дефиците власти в современных национальных институтах [11, *297*]. По его мнению, власть сегодня концентрируется в каждом

индивиде отдельно, что позволяет индивиду обретать ответственность за конструирование собственной идентичности.

Данным противоречием репрезентируется противостояние между национальной и космополитической перспективами. Тот факт, что национальная институализация имеет место до сих пор, указывает нам также и на ее сопротивление космополитическим возможностям. Мы являемся свидетелями не столько триумфа феномена космополитизации, сколько его попыток обрести легитимность. Упоминавшаяся выше независимость глокальностей, таким образом, должна рассматриваться не как их полноценное автономное существование, а как серия попыток преодолеть национальные границы. Однако присутствие национальной институализации позволяет говорить о том, что национальная перспектива отнюдь не бессильна и обладает возможностями поглотить перспективу космополитическую: в некоторых странах сегодня наблюдается явная тенденция к исключению Другого из повседневной жизни [12, *9*]. А следовательно, мы не можем заранее указать на фаворита в этом противостоянии.

Описывая эту же проблему, Э. Гидденс терминологически радикализирует противостояние между национальным и интернациональным, говоря о противостоянии фундаментализма и космополитизма. Фундаментализм понимается Гидденсом как неизбежное следствие глобализации. Он связывает феномен фундаментализма прежде всего с попыткой нового прочтения национальных традиций: в условиях неминуемой глобализации приверженность традициям становится радикальной альтернативой, которая призвана сохранить негативным образом суверенность и независимость. Гидденс утверждает: «Я определяю фундаменталиста как человека, который в принципе отказывается вступать в диалог, кто считает свой образ жизни совершенным и достойным, а чужой – сравнительно низшим и недостойным» [9]. Следует отметить, что нет ничего негативного в сохранении и почитании традиций, но существует неминуемая опасность в абсолютизации их значимости. Иными словами, основополагающим является тот статус, который мы приписываем традиции. Необходимость ведения диалога – главная задача, которую ставит перед нынешним миром глобализация, меняя образ жизни все большего количества людей. Мы больше не можем рассматривать себя абсолютно независимыми и несоотне-

сенными с другими культурами, необходима иная точка отсчета: Другой уже всегда рядом с нами.

Бек, рассуждая о перспективе государств, замкнутых в национальном пространстве, констатирует, что в современном мире замкнутость политики и экономики приводит к истощению, так как государства, которые стремятся отрицать свою принадлежность к мировому сообществу, тем самым совсем не исключают себя из интернациональных отношений, но становятся жертвами игры международных корпораций. Глобализация, замечает Бек, оказывается странным процессом, который идет, не спрашивая на то нашего согласия. Таким образом, мы можем утверждать, что глобализация принуждает государства к отказу от независимости. Бек при этом не приравнивает потерю независимости к потере суверенности, но разводит эти понятия: независимость определяется им как возможность действовать без чьей-либо помощи, не учитывая действий другого, суверенность же – способность сохранить стабильность в государстве (снижение безработицы, понижение уровня преступности). Исходя из такого терминологического разделения, Бек делает вывод, что потеря независимости может максимально положительно сказаться на утверждении суверенитета, так как помощь других государств только умножает способность государства к самоконтролю [6].

Таким образом, сегодня мы можем говорить не столько о движении к космополитизму, сколько о противостоянии двух перспектив. Космополитизация изнутри – это предпосылка к организации международных отношений. Этот тезис Бека является тем диагнозом, который современная социология может поставить нынешнему обществу. Есть четкая разница между субъектом, подверженным космополитизации, и космополитом. И это главный политический вопрос современности. Налицо два основных препятствия: сложность реализации космополитической ответственности, связанная с радикализацией рисков, и противостояние национальных институтов интернациональным возможностям. Космополитизация изнутри – это специфический факт современности, который необходимо учитывать при диагностике повседневности и который, исходя из этой диагностики, необходимо использовать для продвижения к всеобщему космополитическому будущему. Необходимым следствием космополитизации изнутри является политизация повседневности:

Другой изначально находится рядом, а значит, любое действие – это уже манифестация, заявка о своей отличности. И она воспринимается как притязание на значимость, так как неизбежно влияет на Другого, что и делает такое притязание политическим. В этом контексте становится понятным смысл идеи Бека о международном гражданстве. Космополитизация – тот вызов, от которого мы не можем отказаться, но пока мы не можем справиться с тем, что он предлагает.

Литература

1. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004.
2. Бек У. Конец неолиберализма: Глобальное нашествие террора похоже на Чернобыль мировой экономики. (http://iicas.org/articles/library/libr_rus_15_11_00ll.htm)
3. Бек У. Космополитическая глобализация. (http://www.globalaffairs.ru/articles/2328.html)
4. Бек У. Космополитическое общество и его враги // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2003. № 3.
5. Бек У. Социология: профессия и призвание. Интервью с профессором Ульрихом Беком // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2003. № 1.
6. Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // *Свободная мысль-XXI*. 2004. № 7.
7. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.
8. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность // Гидденс Э. Современная теоретическая социология. М., 1995.
9. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
10. Гидденс Э. Что завтра: фундаментализм или солидарность (интервью) // *Отечественные записки*. 2003. № 1.
11. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999.
12. Beck U. Cosmopolitanization – now! An interview with Ulrich Beck // *Theory, Culture & Society*. 2001. Vol. 18 (4).
13. Beck U. Cosmopolis and Risk: A Conversation with Ulrich Beck // *Theory, Culture & Society* 2001 Vol. 18 (4).
14. Castells M. The Power of Identity. Malden, MA: Blackwell, 1997.
15. Hall S. The Question of Cultural Identity // Hall S., Held D., Hubert D. and Thompson K. (eds). Modernity: An Introduction to Modern Societies. Cambridge: Polity Press, 1995.

Дзяніс Столяр
(ЕГУ)

СПРОБЫ ПРЫМЯНЕННЯ МІКРАГІСТАРЫЧНАГА ПАДЫХОДУ ДЛЯ ВЫВУЧЭННЯ ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРНАЙ ТРАЎМЫ

Summary: In this article options of microhistorical approach usage for the studying of both sides of the concept of cultural trauma (trauma as a certain historical event and trauma as a social construct) are dealt with.

Гісторыя, якую мы пражылі, і сучаснасць, якую мы пражываем, вучаць нас быць асцярожнымі, усведамляць, што любыя, нават самыя нязначныя, змены ў сацыяльным жыцці могуць весці да траўматычнага стану пэўнай групы, якая гэтыя змены перажывае, не кажучы пра змены значныя і радыкальныя, якія могуць стаць вынікам вялікай падзеі, такой, як, напрыклад, вайна альбо тыя ці іншыя радыкальныя сацыяльныя пераўтварэнні.

Культурная траўма – гэта канцэпт, які распрацавалі заходнія навукоўцы, тыя прадстаўнікі гуманітарных навук, што адносяць сябе да сацыялогіі: П. Штомпка, Н. Смелсер, Дж.К. Александэр, Р. Аерман, Б. Гізэн. Што ж такое «культурная траўма»? Дж. Александэр ва ўводзінах да калектыўнай працы «Культурная траўма і калектыўная ідэнтычнасць» дае наступнае азначэнне: «Культурная траўма здараецца тады, калі члены пэўнага калектыву адчуваюць, што на іх аказала ўздеянне нейкая жудасная падзея, якая пакінула глыбокія адзнакі ў іхняй групавой свядомасці і тым самым назаўсёды засталася ў іх успамінах і змяніла іх будучую ідэнтычнасць грунтоўна і незваротна» [8, *1*].

Траўму магчыма вывучаць з двух бакоў. З аднаго боку, гэта сацыяльны канструкт, што ствараецца паступова, як гэта добра паказаў Дж. Александэр на прыкладзе халакоста: такім, якім мы яго ведаем зараз, ён стаў не адразу. Пасля вайны ён успрымаўся проста як адно з нацысцкіх злачынстваў, а халакостам стаў пазней, калі быў прыняты заходнім грамадствам як уласная траўма. Трэба адзначыць, што такое стаўленне да культурнай траўмы выклікае пэўную крытыку. Напрыклад, Х. Йоас піша наступнае: «Для Александэра характэрны крайні сацыяканструктывісцкі падыход... Было б абсурдным адмаўляць тое, што любое сцвярджэнне наконт траўмавання з'яўляецца сацыяльным канструктам, больш за тое, ім з'яўляецца любая больш-менш вялікая інтэрпрэтацыя гістарычных падзеяў і іх уплыву на фарміраванне ідэнтычнасці. Аднак менавіта таму, што гэта з'яўляецца правільным для любога сцверджання, канструкцыя як такая *не дазваляе зрабіць нам ніякіх высноў наконт праўды* (вылучана мною. – *Д.С.*)» [10, *2*]. Далей, аднак, даследчык прапаноўвае шлях вырашэння гэтай праблемы: «Лёгкім выйсцем для вырашэння гэтай канцэптуальнай дылемы было б прапанаваць дзве асобныя тэмы для абмеркавання, а менавіта: псіхалагічную траўматызацыю (індывідуальную ці калектыўную) і яе наступствы, з аднаго боку, і так званую культурную траўму і яе канструкцыю – з другога» [10, *5*]. Гэта прапанова супадае з думкамі П. Штомпкі, а таксама з меркаваннямі аўтара дадзенай працы, аднак здаецца неабходным зрабіць пэўную заўвагу наконт апошняга сцверджання: немэтазгодна казаць пра «гістарычны» бок культурнай траўмы як пра псіхалагічнае траўматызаванне індывіда. Па-першае, як адзначаў П. Штомпка, культурная траўма можа разглядацца толькі на калектыўным узроўні; па-другое, псіхалагічнымі наступствамі лепш за ўсё займацца псіхалогіі. Тым не меньш спалучэнне псіхалогіі асобы і культурнай траўмы, як здаецца, магчымае, але не ў тым сэнсе, які сюды ўкладваў польскі даследчык. Гісторыку ці сацыёлагу лепш засяродзіцца на канкрэтных праяўленнях культурнай траўмы ў грамадстве (напрыклад, П. Штомка, даследуючы змяненні ў польскім грамадстве пасля падзення камуністычнага рэжыму, адносіць да наступстваў наступнае: сіндром недаверу, змрочны погляд на будучыню, настальгія па мінулым, палітычная апатыя, посткамуністычныя траўмы калектыўнай памяці [7, *6–7*]). Такім чынам, другі бок культурнай траўмы – гэта гістарычны фе-

номен, які мае канкрэтныя праяўленні, што могуць фіксавацца і вывучацца.

Мікрагістарычны падыход, па сутнасці, з'яўляецца адной з асноў постмадэрнісцкіх даследаванняў. Гэты спосаб даследавання ўзнік як пратэст супраць аб'ектывісцкага і пазітывісцкага падыходу да вывучэння гісторыі, пры якім галоўная ўвага ў даследаваннях удзялялася агульнаму, таму, што паўтараецца. Насуперак гэтаму некаторыя гісторыкі пачалі сцвярджаць, што і праз прыватнае (напрыклад, пэўнага чалавека ці групу) можна выйсці да агульнага, знайшоўшы пры гэтым шмат новага.

Мікрагісторыя была ідэйна і тэарэтычна абгрунтавана італьянскімі даследчыкамі. Першымі, хто ўзняў сцяг мікрагісторыі і заявіў аб неабходнасці і важнасці яе выкарыстання, былі К. Гінзбург і К. Поні. Выкарыстанне мікрагістарычнага падыходу дае шмат магчымасцяў, у тым ліку і для разгляду абодвух бакоў культурнай траўмы. З падыходам мікрагісторыі да даследавання культурнай траўмы як гістарычнага феномена з рэальнымі праявамі ў прасторы і часе на першы погляд усё больш-менш зразумела: падаецца, што ў дадзеным кантэксце няма ніякага адрознення ад выкарыстання мікрагісторыі ў любым іншым, не звязаным з траўмай, даследаваннем. Больш цікавым бачыцца другое: якую ролю можа адыгрываць мікрагістарычны аналіз пры пераходзе культурнай траўмы як гістарычнага феномена ў сацыяльны канструкт, які часта можа класціся ў аснову альбо змяняць ідэнтычнасць групы, ці, іншымі словамі, пры «стварэнні» агульнапрызнанай траўмы на базе канкрэтнай гістарычнай падзеі.

Пачнем з выкарыстання мікрагісторыі для даследавання рэальных вынікаў культурнай траўмы на пэўным адрэзку часу, што мала чым будзе адрознівацца ад любой іншай спробы выкарыстання мікрагістарычных сродкаў.

Спачатку трэба ўзгадаць словы П. Штомпкі пра тое, што траўма – калектыўны феномен, што яна перажываецца групай людзей і таму не можа быць індывідуальным парушэннем. З гэтым трэба пагадзіцца і прызнаць, што такія мікрагістарычныя працы, як «Сыр і чэрві» К. Гінзбурга [3], у вышэйадзначаным кантэксце больш не будуць напісаны. Але тым не меньш пры разглядзе культурнай траўмы з дадзенага боку можна выкарыстоўваць чаргаванне маштабаў даследавання, проста змяншэнне не будзе мінімальным. Так, у дадзеным кантэксце

няма патрэбы ў псіхалагізацыі, як гэта будзе карысна і нават неабходна для траўмы як сацыяльнага канструкту (аб гэтым гаворка пойдзе ніжэй), а таму аналіз траўмы на індывідуальным узроўні непатрэбны, патрэбная няхай і невялікая, але група. Толькі такім чынам мікрагісторыя можа зрабіць вялікі ўнёсак у разуменне глыбіні траўмы і вызначэнне яе праяў. Так, напрыклад, больш падрабязнае вывучэнне праяў халакоста на тэрыторыі Беларусі можа паказаць нам, што акрамя людзей, якія дапамагалі, рызыкуючы жыццём, ратавацца яўрэям, было нямала і такіх, хто прымаў удзел у іх вынішчэнні, былі асабіста вельмі зацікаўленыя ў знішчэнні яўрэяў рукамі немцаў. Хаця непасрэднага ўдзелу ў забойствах яны і не прымалі, усё праходзіла з іх маўклівай падтрымкі. У якасці ілюстрацыі можна выкарыстаць прыклад з працы Б. К’яры «Штодзённасць за лініяй фронту». Ён апісвае выпадак, які меў месца на тэрыторыі Беларусі на самым пачатку акупацыі: два супрацоўнікі Імперскага міністэрства здабытых усходніх тэрыторый мелі размову з адным беларускім селянінам, які паказаў, дзе «ляжаць нашыя жыды», і расказаў пра тое, як насельніцтва навакольных вёсак зганяла іх туды, дзе яны былі расстраляны латышскімі ці беларускімі паліцэйскімі. Пры гэтым мужык з хітрай усмешкай дадаў, што шмат хто з яго аднавяскоўцаў меў вялікія даўгі перад імі [4].

У гэтым бачыцца, як мікрагісторыя можа аказаць непасрэдны ўплыў на разбурэнне ідэалагічных маніпуляцый, звязаных з траўмай, калектыўнай памяццю, пабудовай ідэнтычнасці, а таксама забыццём: у сувязі з траўмай ёсць вялікае поле для дзеяння, але таксама і для ідэалагічных маніпуляцый. Калі браць для прыкладу гісторыю Другой сусветнай вайны, то маніпуляцыі тут відавочныя, і яны працягваюцца да сённяшняга дня. Гэта замоўчванне халакоста ў савецкія часы, калі мэтанакіраванае знішчэнне яўрэяў хавалася за шыльдай «знішчэння савецкіх грамадзянаў»; гэта ігнараванне памяці пра людзей, якія з розных прычын змагаліся супраць савецкай улады (у гэтых выпадках, паводле П. Рыкёра, «дзейнічае хітрая форма забыцця, прычыны якой караняцца ў пазбаўленні сацыяльных актораў магчымасці, якая была ў іх першапачаткова, самім расказваць пра сябе» [5, *620*]). Бачыцца, што ў такім выпадку вельмі можа дапамагчы мікрагісторыя, якая валодае інструментарыем для зняцця ідэалагічных фільтраў і, значыць, для стварэння іншай карціны

развіцця падзеяў. Мікрагісторыя можа таксама садзейнічаць разуменню дыскрэтнасці культурнай траўмы. Гэта значыць, што не для ўсіх культурная траўма з’яўлялася культурнай траўмай ці праяўлялася па-рознаму, але макрагістарычныя даследаванні, асабліва пры існаванні ідэалагічнага ціску, схільныя гэтыя супярэчнасці свядома ці несвядома здымаць і не паказваць. У якасці вельмі характэрнага прыкладу можна выкарыстаць матэрыялы аб партызанскіх злачынствах на Беларусі, пра якія, безумоўна, не казалася ў часы існавання Савецкага Саюза, а непасрэдныя ахвяры не мелі ніякага права голасу. Але вывучэнне такіх выпадкаў (напрыклад, невялікае даследаванне В. Хурсіка пра спаленую партызанамі вёску Дражна ў 1943 г. [6]) можа пашырыць канкрэтныя праявы траўмы, выкліканай Вялікай Айчыннай вайной, а таксама паглыбіць яе разуменне.

Другі спосаб вывучэння культурнай траўмы – гэта траўма як сацыяльны канструкт; падаецца, роля мікрагісторыі ў ператварэнні гістарычнага феномена ў культурную траўму з’яўляецца значна большай і важнай. Якія ж магчымасці прапаноўвае нам мікрагісторыя для даследавання дадзенай праблемы? На мой погляд, існуе шэраг спосабаў яе прымянення, некаторыя з іх можна знайсці ў згаданым ужо даследаванні Дж. Александэра.

Варта перш за ўсё падкрэсліць галоўную рысу траўмы – яе універсальнасць, без якой немагчыма само існаванне і перажыванне траўмы. Так бы мовіць, не адбудзецца пераходу ад стадыі 1 (існавання траўмы ў яе канкрэтных праяўленнях як гістарычнага феномена) да стадыі 2 (уплыў на фарміраванне калектыўнай памяці і ідэнтычнасці). Можна вызначыць непасрэдны ўплыў – адразу пасля таго часу, калі мела месца траўматычная падзея; і апасродкаваны ўплыў – калі праходзіць пэўны час з моманту траўмы і людзі, непасрэдна не траўмаваныя, лічацца з гэтай культурнай траўмай, перажываючы трагічныя падзеі зноў і зноў («драматычны наратыў» у вызначэнні Дж. Александэра [9, *23*]). Траўма, каб стаць траўмай і быць за такую прызнанай, павінна адчувацца універсальнай, увайсці ў кожны дом, зрабіцца асабістым набыткам кожнага чалавека. Павінна адбыцца персаніфікацыя, персаналізацыя траўмы. Вось тут, як падаецца, і магчыма выкарыстанне псіхалагізму на асабістым узроўні для большай ідэнтыфікацыі з людзьмі, якія непасрэдна перажылі траўму. У адрозненне ад вывучэння траўмы як гістарычнага фе-

номена, калі мікрадаследаванне адной канкрэтнай асобы здаецца мне не зусім мэтазгодным, у гэтым выпадку, наадварот, яно ёсць мэтазгодным і патрэбным, бо менавіта найперш псіхалагізм патрэбен для суперажывання, а значыць, перажывання траўмы, якая ніколі цябе не датычылася, і ўсведамлення пэўнай падзеі як траўмы.

Так, паказваючы з'яўленне разумення халакоста як культурнай траўмы, навуковец падкрэслівае, што важным этапам у гэтым працэсе стала псіхалагічная самаідэнтыфікацыя людзей, якія аніякім чынам не сутыкаліся непасрэдна з жахамі татальнага вынішчэння (лагерамі смерці, гета, газенвагенамі і г.д.), з ахвярамі, гэта значыць усведамленне рэальнасці мінулага, усведамленне сябе як адной з магчымых ахвяр. У якасці прыкладу Дж. Александэр прыводзіць дзённік Ганны Франк, галандскай дзяўчынкі, якая хавалася ад немцаў у гады вайны. Упершыню надрукаваны ў 1947 г., ён лёг у аснову тэатральных пастановак і сцэнара мастацкага фільма, а пазней, у 1960-х гг., стаў асновай для псіхалагічнай ідэнтыфікацыі на масавым узроўні [9, *32*].

Аднак гэта было толькі адным бокам медаля ідэнтыфікацыі з мінулым. Не менш важнай была ідэнтыфікацыя са злачынцамі: узнікненне ўсведамлення таго, што кожны можа стаць не толькі ахвярай, але і злачынцам, – вельмі важнае дасягненне культурнай траўмы, звязанай з халакостам. У якасці такіх прыкладаў у працы Александэра прыводзяцца даследаванні Крыстофера Браўнінга «Звычайныя людзі: рэзервовы паліцэйскі батальён 101 і канчатковае вырашэнне яўрэйскага пытання ў Польшчы» (1992) [9, *39*] і «Добраахвотныя выканаўцы Гітлера: звычайныя немцы і халакост» (1996), аўтары якіх падкрэслівалі універсальнасць нацысцкіх злачынстваў і, праз падкрэсліванне звычайнасці людзей, якія прымалі непасрэдны ўдзел у іх ажыццяўленні, як бы сцвярджалі, што на іх месцы мог быць любы чалавек.

Калі браць культурную траўму ў яе шырокім кантэксце для Беларусі, то можна было б узгадаць аповесць А. Адамовіча «Карнікі», у якой аўтар, сам удзельнік партызанскай барацьбы ў Беларусі, дае апісанне ўдзельнікаў сумнавядомага карнага нямецкага батальёна Дырлевангера. Важна падкрэсліць, што аповесць заснавана на сапраўдных дакументах, пры яе напісанні аўтар выкарыстоўваў розныя архіўныя матэрыялы, у тым ліку і пратаколы допытаў удзельнікаў батальёна падчас вядзення след-

ства над імі пасля вайны. Гэта не строга гістарычнае, у агульнапрынятым разуменні, даследаванне, аднак, на нашу думку, працы такога кшталту даюць больш для ўсведамлення падзеі як культурнай траўмы, чым «навуковыя» гістарычныя даследаванні. Магчыма, нездарма актуальным становіцца вывучэнне метафары ў сучаснай гістарычнай навуцы, бо калі зыходзіць з пазіцыі прынцыповай аддаленасці ад аб'екта даследавання, то ствараецца не адбітак рэальнасці, а падабенства рэальнасці, гіперрэальнасць; а ў такім выпадку значна большыя шансы быць падобнымі на рэальнасць, быць усвядомленымі як праўдападобнае адлюстраванне рэальнасці маюць метафарычныя даследаванні, якія звычайна з'яўляюцца больш пераканаўчымі, чым неметафарычныя.

Такім чынам, у дадзеным кантэксце мікрагістарычныя працы могуць стаць адным з галоўных чыннікаў станаўлення траўмы ў якасці сацыяльнага канструкту, прычым «ненавуковыя», аднак больш метафарычныя працы маюць, як падаецца, тут перавагу. Невыпадкова многія пісьменнікі з'яўляюцца выдатнымі гісторыкамі, а многія мастацкія творы грунтуюцца на гістарычных дакументах (напрыклад, «Карнікі» А. Адамовіча, творы С. Алексіевіч і інш.) і могуць выкарыстоўвацца як аснова для ўсведамлення культурнай траўмы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Адамович А. Хатынская повесть. Каратели. Повести. Мн., 2004.
2. Адамовіч А., Брыль Я., Калеснік У. Я з вогненнай вёскі. Мн., 1975.
3. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000.
4. К'яры Б. Штодзённасць за лініяй фронту: Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 гг.). Мн., 2005.
5. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
6. Хурсік В.У. Кроў і попел Дражна : [Гіст. даследаванне адной трагедыі]. Мн., 2003.
7. Штомпка П. Социальное изменение как травма // *Социологические исследования*. 2000. № 1–2. Ч. 2: Культурная травма в посткоммунистическом обществе // *Социологические исследования.* 2000. № 2.
8. Alexander Jeffrey et al. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press, 2004.

9. Alexander Jeffrey C. On the Social Construction of Moral Universals: The `Holocaust' from War Crime to Trauma Drama // *European Journal of Social Theory*. 2002. Vol. 5 (1).
10. Joas Hans. Cultural Trauma? On the Most Recent Turn in Jeffrey Alexander's Cultural Sociology // *European Journal of Social Theory*. 2005. Vol. 8 (3).

Сяргей Марозаў
(ЕГУ)

ГІСТАРЫЧНАЯ ПАМЯЦЬ АБ ВКЛ У XIX СТАГОДДЗІ: АСАБЛІВАСЦІ КАНСТРУЯВАННЯ

«Спыненне існавання Вялікага княства Літоўскага як рэальнай дзяржавы зусім не азначала яго канец у якасці гістарычнага феномена»[1]. З разраду рэальнай дзяржавы ВКЛ перайшло ў разрад уяўнай супольнасці. Уяўленне трымалася на калектыўнай памяці, а само княства стала месцам памяці, да якога звярталіся розныя колы грамадства.

«Месца памяці – гэта любая значная з'ява, рэчавая або нематэрыяльная па сваёй прыродзе, якая па жаданні чалавечай волі або пад уздзеяннем часу набыла статус сімвала ў мемарыяльнай спадчыне той ці іншай супольнасці»[2]. Памяць пра ВКЛ стала менавіта тым мемарыялам, які стаў стрыжнявым момантам у гістарычнай свядомасці тагачасных «беларусаў» і цэнтральным месцам у ментальнай палітыцы расійскіх улад. Паколькі чыноўнікі Расійскай імперыі лічылі тэрыторыі былога ВКЛ старадаўняй рускай тэрыторыяй, дык трэба было выкараніць з памяці тутэйшых насельнікаў шэсць стагоддзяў іх асобнай гісторыі. Але памяць пра ВКЛ жыла і была дастаткова моцнай: Міхаіл Агінскі,

1 Лялькоў І. Традыцыі Вялікага княства Літоўскага ў палітычным жыцьці беларускіх земляў у XIX ст. // *Спадчына*. 2002. № 2–3. С. 56

2 Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: чьи места? Чья память? // *Ab imperio*. 2004. № 1.

Тэадор Нарбут, Ігнат Анацэвіч і іншыя – знакавыя постаці, якія сваёй дзейнасцю і творчасцю падтрымлівалі памяць пра ВКЛ. У гэтых умовах гістарычная памяць аб ВКЛ набыла надзвычайную палітычную актуальнасць.

ВКЛ стала цэнтральным месцам памяці тагачасных «беларусаў», да якога апелявалі, калі трэба было вызначыць дзяржаўную свядомасць і засведчыць гістарычную самабытнасць; тым месцам, за якое разгарнулася барацьба ва універсітэтах, у друку, дзяржаўных святах, адміністрацыйнай сістэме, рэлігійнай сферы.

Калі першае пакаленне спадчыннікаў ВКЛ яшчэ мела дакладнае ўяўленне пра гэту краіну і яны непасрэдна ведалі частку яе гісторыі, дык наступныя пакаленні ўжо звярталіся да гісторыі княства як да падзей, якія нехта для іх сканструяваў. Гэта разумелі як расійскія ўлады, так і дзеячы паўстанняў, тайных таварыстваў, выкладчыкі Віленскага універсітэта і школ. Таму не дзіўна, што барацьба разгарнулася за розум і свядомасць – тое месца, дзе захоўвалася памяць аб ВКЛ.

Так, на працягу XIX ст. адбывалася «вымыванне» дакументальнай спадчыны: загінула больш за палову дзяржаўных і прыватных архіваў і бібліятэк. Найбольшыя страты нанесены праз дзеянні расійскіх чыноўнікаў. У сувязі з вайной 1812 г. частка архіваў была вывезена ў Расію, частка знішчана ваюючымі бакамі. Затым адбывалася выгнанне езуітаў і пачатак археалагічнага даследавання Беларусі – масавае збіранне і вываз старажытных рукапісаў пад кіраўніцтвам графа П. Румянцава. Пасля паўстання 1831 г. – перамяшчэнне дакументаў у Расію ў сувязі з канфіскацыяй маёнткаў, а таксама міграцыя інтэлігенцыі са сваімі бібліятэкамі і архівамі. Пасля ліквідацыі уніі ў 1839 г. уніяцкія дакументы паліліся або вывозіліся[3] і г.д.

Заклапочанасць царскіх улад гістарычным і палітычным мысленнем інтэлігенцыі заходніх губерняў імперыі стала праяўляцца з пачатку XIX ст. Пецярбургская «Камісія аб установах народных вучылішчаў» у 1801 г. прызнала гістарычныя кнігі, па якіх выкладалі ў заходніх губернях, шкоднымі, бо яны «заклю-

---

3 Чэкановіч Т.Дз. «Вымыванне» дакументальнай спадчыны ў XIX ст.: ці мажліва вяртанне? // *Архіварыус*. 2005. Вып. 3.

чают правила, монархическому образу правления совсем противныя»[4].

Тая частка інтэлігенцыі Беларусі і Літвы, якая зрабіла стаўку на адраджэнне дзяржаўнасці ВКЛ, звярнула ўвагу на захаванне гістарычных традыцый, на адукацыю. Выхаванне гісторыяй набыло асаблівае значэнне ў фарміраванні грамадзянскіх якасцяў моладзі. У Віленскім універсітэце ў той час працаваў прафесар Ігнат Анацэвіч, выхадзец з сям'і уніяцкага святара з Малой Бераставіцы. Прафесар увёў у вучэбную праграму важную навацыю. Да гэтага гісторыя Вялікага княства Літоўскага разглядалася ў яго курсе ўсеагульнай гісторыі, які чытаўся 4 гадзіны ў тыдзень, і гублялася ў моры інфармацыі. З уласнай ініцыятывы і бескарысліва Ігнат Анацэвіч распрацаваў асобны курс айчыннай гісторыі і чытаў яго па паўтары гадзіны ў тыдзень. Гэта быў першы спецыяльны універсітэцкі курс, прысвечаны мінуламу беларускага і літоўскага народаў[5].

Акрамя таго, вучоны намерваўся напісаць аб'ектыўную гісторыю Вялікага княства Літоўскага (Беларусі і Літвы) і ўгрунтаваць яе на магутнай крыніцавай базе, але, на жаль, праз жыццёвыя абставіны не здолеў гэта зрабіць. Хоць ёсць меркаванне, што гэтая праца ўсё ж існавала ў рукапісе, але сярод іншых рэчаў была канфіскавана расійскімі жандарамі ў сувязі са справай аб тайным студэнцкім таварыстве і пасля не была вернутая.

Тым палажэнням і трактоўкам, якія прышчэплівала да гістарычнай свядомасці моладзі мясцовая патрыятычна настроеная інтэлігенцыя, афіцыйны Пецярбург вырашыў супрацьпаставіць сваю трактоўку гістарычных падзей і постацяў. З 30-х гг. XIX ст. яго намеры карэнным чынам пераіначачыць масавую гістарычную свядомасць насельніцтва Беларусі ўзмацніліся. Віну за нацыянальна-вызваленчы выбух 1830–1831 гг. афіцыйны Пецярбург усклаў, акрамя іншага, на «няправільнае» выкладанне гісторыі, якое вялі «люди, совершенно злонамеренные, кои, искажая истину происшествий, наполняли умы юношей понятиями ложными и возбуждая явно и тайно ненависть к законному

[4] Караў Д. Беларуская і польская гістарыяграфія ў XVI–XX стст. Этапы ўзаемадзеяння // Беларусіка=Albarutenica: Кн. 3: Нацыянальныя і рэгіянальныя культуры, іх узаемадзеянне / Рэд. А. Мальдзіс і інш. Мн., 1994. С. 249.

[5] Габрусевіч С.А. Прафесар Ігнат Анацэвіч. Жыццё. Спадчына. Гродна: ГрДУ, 2005. С. 46.

правительству и настоящему своему отечеству»[6]. Таму пачалося актыўнае ўкараненне «імперскіх» «матрыц» гістарычнага бачання айчыннай мінуўшчыны[7].

Найперш перастаўляліся акцэнты ва ўсведамленні, што ёсць свая Айчына. Гэтыя акцэнты пераносіліся з Полацкага княства, Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай адпаведна на Кіеўскую Русь, Маскоўскае княства і Расійскую імперыю. Сістэму навучання гісторыі ўсё больш пранізвала ідэя спрадвечнага панавання на беларускіх землях рускай народнасці і праваслаўнай веры.

Яшчэ адну спробу ўзмацніць пазіцыі ВКЛ у памяці зрабіў праз сваю рэканструкцыю гісторыі гэтай дзяржавы Тэадор Нарбут. Ён быў ваенным інжынерам – будаваў фартыфікацыі, але з цягам часу яго зацікавіла гісторыя, ён сабраў багатую бібліятэку, якая ўключала унікальны збор гістарычнай літаратуры і архіў[8]. Значна ўступаючы гісторыкам ва ўменні крытычна ацэньваць крыніцы, ён, тым не менш, стварыў цікавую працу, накіраваную супраць польскай палітыкі ў Беларусі і Літве. У ёй жа – «дрэнна схаваная апазіцыйнасць царызму». Апазіцыйнасць і «сепаратысцкія» настроі мясцовай шляхецкай інтэлігенцыі праяўляліся не толькі ў адносінах да сучаснасці, але і да мінулага Беларусі.

Трэба прызнаць, што Нарбут даволі вольна абыходзіўся з фактамі і быў схільны да ідэалізацыі мінуўшчыны, аднак яго праца стала моцным абгрунтаваннем «нацыяналістычнай» трактоўкі гісторыі ВКЛ. Пазней вялікую частку рукапісаў з яго збору спалілі, а астатняе раздалі па бібліятэках.

ВКЛ з’яўлялася месцам памяці і для мастацкай літаратуры XIX ст. Напрыклад, сенатар Навасільцаў пісаў пра паэму Адама Міцкевіча «Конрад Валенрод»: «Известно и уже неоднократно замечено было, что польские писатели превозносят деяния предков, твердят о народной славе, о всяких подвигах польских полководцев и правителей, и тем стараются питать польский патриотизм… дело приемлет другой вид, коль скоро с таковым патриотизмом соединяются мечтания о будущей независимой

6 Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы, ф. 378 п/а, 1837 г., спр. 69, арк. 7.

7 Караў Д. Цыт. выд. С. 251.

8 Марозаў С.П. Тэадор Нарбут – гісторык // З гісторыі краю і лёсаў людзей Воранаўшчыны: матэрыялы навук. гіст.-краязн. канф. (г.п. Радунь, 11 снеж. 2004 г.) / рэдкал.: Д.С. Аляшкевіч (гал. рэд.) [і інш]. Ліда, 2006. С. 152.

Польше и когда сочинения польских писателей клонятся к питанию в душах своих современников подобных мыслей, ибо в таком случае они противны верноподданнической преданности, отторгая сердца сих от действительного Отечества и привязывая их к какому-то еще несуществующему будущему»[9].

Пры ўсіх намаганнях, «водворение русского элемента» ў гістарычную свядомасць беларускай моладзі натрапляла на цяжкасці. Як адзначаў у 1849 г. віцебскі губернатар Далгарукі, «исторические преподавания о русском происхождении здешнего края юношество воспринимает с недоверием», а мясцовыя настаўнікі геаграфіі і гісторыі распальваюць «страсти народные» пры выкладанні сваіх прадметаў[10]. Таму выкладанне айчыннай гісторыі заставалася прадметам асаблівага клопату ўлад.

У 1855 г. Я. Тышкевічам быў заснаваны Віленскі музей, дзе захоўвалася больш за 12 тысяч экспанатаў, пераважна з гісторыі Беларусі. Віленскі музей – сапраўднае, рэальнае месца памяці, праз якое адбывалася звяртанне да гісторыі ВКЛ у лепшых традыцыях сепаратызму ад Расіі і Польшчы. Аднак пасля паўстання ў 1863 г. музей быў моцна рэквізаваны і зрусіфікаваны. Шмат экспанатаў вывезлі ў Маскву[11].

Закрыццё універсітэтаў (Віленскі, Горы-Горыцкі), вываз дакументаў і экспанатаў – гэта моцны ўдар па гістарычнай памяці. Але найбольш дзейсным і тым, што будзе працаваць на будучую перспектыву, з’яўлялася школьная адукацыя.

У цыркуляры куратару Віленскай навучальнай акругі ў 1865 г. М. Мураўёў пісаў, што навучальнае ведамства «должно заботиться о правильном и твердом развитии в воспитанниках идеи русской народности посредством тщательного ознакомления их с историей здешнего края, в которой представлялись бы в настоящем свете все события и факты, свидетельствующие о древлерусском здесь начале»[12].

---

9 Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі, ф. 109, Секретный архив, воп. 2, спр. 35 “Записка главного делегата при Правительствующем Совете Царства стацкого советника Новосильцева Н.Н. о необходимости запрещения поэмы Адама Мицкевича “Конрад Валенрод”. 69 л. Л. 1 об.–2 адв.

10 Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, ф. 3157, воп. 1, спр. 554, арк. 2 адв., 10.

11 ЭГБ. Т. 2. Мінск, 1994. С. 285.

12 Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі, ф. 811, воп. 1, спр. 56, арк. 3.

М. Мураўёў забракаваў падручнік, па якім выкладалася гісторыя. У 1864 г. ён звярнуўся ў Маскоўскі універсітэт з прапановай абвясціць конкурс на распрацоўку падручніка расійскай гісторыі, які «должен был прежде всего соответствовать нуждам северо-западных провинций»[13]. Перад яго складальнікамі была пастаўлена задача даказаць, што беларускія землі спрадвеку з'яўляліся рускай тэрыторыяй, населенай рускім і праваслаўным насельніцтвам, якое ў прымусовым парадку было часткова акаталічана і апалячана.

Вынікам той праграмы гістарычнай адукацыі, якая з 1830-х гг. ажыццяўлялася ў навучальных установах заходніх губерняў, з'явілася адчужэнне беларусаў ад іх уласнай гісторыі, дэфармаванае ўсведамленне народам свайго месца і ролі ў гісторыі, слабое разуменне сваёй гістарычнай спецыфікі.

Ужо ў пачатку ХХ ст. матыў «забытага Богам краю» (чытаем: «забытага гісторыяй», «безгістарычнага») гучаў у большасці тэкстаў газеты «Наша Ніва». Але на старонках выказвалася ўпэўненасць, што калі-небудзь будзе знойдзена выйсце са змроку гісторыі[14].

У той час маніпуляцыя мінулым з'яўлялася адметным элементам палітыкі расійскага ўрада, які абапіраўся на сілу. Навязванне расійскай сістэмы адукацыі ў школе, закрыццё і поўная адсутнасць універсітэтаў мела адцягнуты вынік: для кожнага наступнага пакалення ВКЛ як месца памяці ўжо само па сабе рабілася далёкай і чужой гісторыяй. А ў перспектыве такая палітыка стварыла для незалежнай Беларусі (БНР, затым БССР) праблему адсутнасці нацыянальнай інтэлігенцыі і гістарычнай традыцыі, што вызначыла цяжкі і марудны шлях фарміравання нацыянальнай самасвядомасці беларусаў і свайго дзяржаўнага самавызначэння.

У гістарычнай памяці беларусаў да сённяшняга дня не засталося яркага самабытнага, гераічнага, а галоўнае – старажыт-

---

13 Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі ХІХ–ХХ ст. / Пер. з ням. Л. Баршчэўскага; нав. рэд. Г. Сагановіча. СПб., 2003. С. 37.

14 Марозаў С.П. Роля "Нашай Нівы" (1906–1910 гг.) у абуджэнні гістарычнай свядомасці беларускага грамадства // Беларусь у эпоху рэвалюцыйных узрушэнняў: Да 100-годдзя выхаду ў свет газеты "Наша Ніва": матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 10 лістап. 2006 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал. І.І. Багдановіч [і інш.]; навук. рэд. А.П. Жытко. Мінск, 2006. С. 44.

нага мінулага. Без памяці пра ВКЛ развіўся комплекс гістарычнай непаўнавартасці. Прычым у безгістарычнасці свайго грамадства беларусы змаглі пераканаць не толькі самі сябе, але і сваіх блізкіх і далёкіх суседзяў[15].

15 Мальдзіс А. Уступнае слова // Беларусістыка: Беларусь у Вялікім княстве Літоўскім. Мінск, 1992.

Уладзіслаў Лаўрычэнка
(ЕГУ)

ФАРМАВАНЬНЕ РЭЛІГІЙНАЕ ІДЭНТЫЧНАСЬЦІ: МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ ПРАБЛЕМЫ ДАСЬЛЕДАВАНЬНЯ

Summary: The aim of the article is to analyze some contextual and structural aspects of religious identity formation in the case of the post–soviet Belarusian society, to highlight the complexities of researches on this process and ways to resolve a problem.

Пры разглядзе праблемы рэлігійнае ідэнтычнасьці аўтар прыймае наступнае азначэньне гэтага паняцьця: рэлігійная ідэнтычнасьць – гэта аднясеньне асобай сябе да пэўнага ўстойлівага тыпу каштоўнасьцяў і паводзін, заснаваных на рэлігійнасьці. Актуальнасьць дасьледаваньня феномену рэлігійнае ідэнтычнасьці ў постсавецкіх грамадствах захоўваецца і на гэты час, бо, як можна адзначыць, у сучаснае Беларусі хоць і не назіраецца такіх масавых і інтэнсіўных зьменаў, якія мелі месца ў канцы 1980-х – пачатку 1990-х гг. у сферы рэлігійнасьці (так званае «рэлігійнае адраджэньне»), але канфесійную сітуацыю пакуль і дагэтуль нельга ахарактарызаваць як трывалую. Пры гэтым не апошнюю ролю ў рэгуляваньні сітуацыі адыгрывае і дзяржава.

Цягам апошніх дзесяцігодзьдзяў у постсавецкіх грамадствах адбыліся значныя структурныя, сацыяльныя, палітычныя, эканамічныя, культурныя трансфармацыі, прычынай чаго стала зьмена базісу функцыянаваньня грамадстваў пры адыходзе ад сацыялістычнага ладу. Відавочна, што якасныя зьмены закранулі і паняцьце рэлігіі ў розных яго праявах – ад зьмястоўнага да ста-

туснага. Дакладней, гэта – новы дзяржаўна-прававы статус рэлігіі і цэркваў у грамадстве, колькасны рост вернікаў, павелічэньне сьпісу традыцыйных і новых рэлігійных групаў і рухаў з рознай ступеньню інстытуцыяналізацыі, пашырэньне выкарыстаньня рэлігійнае сімволікі і, што асабліва цікава для нас, фармаваньне новых ідэнтычнасьцяў на індывідуальным, групавым і масавым узроўнях – ідэнтычнасьцяў, якія непасрэдна ці апасродкавана зьвязаны з рэлігіяй [4].

Відавочным падаецца той факт, што вышэйназваныя зьявы, разнародныя па сваёй сутнасьці і зьвязаныя ня толькі з рэлігійнасьцю, але і з цэлым комплексам псіхалагічных і сацыякультурных феноменаў постсавецкага грамадства, якія самі па сабе могуць і ня мець да рэлігійнасьці непасрэднага дачыненьня, аднак могуць вывучацца праз канцэпцыю «вяртаньня да рэлігіі» ці «рэлігійнага адраджэньня» – канцэпцыю, якая нарадзілася на пачатку мінулага стагодзьдзя, але шырока ўвайшла ў навуковае абарачэньне ў постсавецкі перыяд [5]. Такі падыход ёсьць актуальным у рамках дадзенае працы з прычыны ўплыву працэсу «адраджэньня» на фармаваньне рэлігійнае ідэнтычнасьці асобы, якая прайшла шлях, адваротны працэсу секулярызацыі савецкага перыяду.

Пры аналізе працэсу фармаваньня рэлігійнае ідэнтычнасьці дасьледнік мусіць зьвярнуцца да шэрагу дысцыплін, такіх як сацыялогія, псіхалогія, рэлігіязнаўства, паліталагічныя дасьледаваньні, метадалогіі якіх таксама мусяць быць выкарыстаны. Варта адзначыць, што ўсе дасьледаваньні рэлігійнага поля ў цэлым праходзяць верыфікацыю праз метад разгляду, які ў навуковым дыскурсе мае генералізуючы назоў – постсавецкія дасьледаваньні. Азначаныя падыходы грунтуюцца на шэрагу міждысцыплінарных ці пазадысцыплінарных дыскурсаў, што зьвернутыя да разнастайных феноменаў, характэрных для постсавецкіх грамадстваў.

Тэма фармаваньня рэлігійнае ідэнтычнасьці падчас трансфармацыі постсавецкіх грамадстваў не зьяўляецца гістарычнай у поўным сэнсе, але дазваляе гісторыку, па-першае, аналізаваць гэты працэс дзеля наданьня дасьледаваньню больш шырокіх часавых рамак (аналіз вытокаў, пошук перадпрычынаў, якія палягаюць у савецкім грамадстве), а па-другое – выкарыстоўваць параўнаўчы гістарычны метад

(параўнаньне з падобнымі працэсамі ў гістарычным мінулым ці ў іншых грамадствах).

Важную ролю ў дасьледаваньнях трансфармацыі постсавецкіх грамадстваў у цэлым і рэлігійнае ідэнтычнасьці ў прыватнасьці адыгрываюць тэорыі глабальнай мадэрнізацыі грамадства і тэорыі трансфармацыі. Выходзіць, што аналіз працэсаў фармаваньня рэлігійнае ідэнтычнасьці мусіць быць праведзены ў кантэксьце агульнага працэсу мадэрнізацыі як адной з дэтэрмінантаў трансфармацыі, што закранула і агляданыя ў працы паняцьці.

Зразумела, што беларускае постсавецкае грамадства, уключыўшыся ў агульнапланетарныя працэсы, мусіць разглядацца з пункту гледжаньня інтэграваньня ў гэтыя працэсы, аднак, зь іншага боку, гістарычная спадчына, сучасная палітычная сітуацыя, іншы культурны кантэкст Беларусі ствараюць падставы на вылучэньне спецыфікі ў трансфармацыі дадзенага рэгіёну, то бок дазваляюць разглядаць прадмет дасьледаваньня – працэсы фармаваньня рэлігійнае ідэнтычнасьці – як спецыфічны рэгіянальны феномен, які аналізуецца ў якасьці пэўнага канструкту, што базуецца на падставе трансфармаваных савецкіх традыцыяў ці на вынаходніцтве новых. І гэты канструкт знаходзіцца збольшага ў стане фармаваньня.

Для правільнае аперацыяналізацыі паняцьця рэлігійнае ідэнтычнасьці і дакладнага дапасаваньня яго да працэсаў, што маюцца быць актуальнымі падчас трансфармацыі грамадства, трэба больш дасканала вывучаць гісторыю царквы ў савецкі час (а ў некаторых выпадках, з параўнаўчаю мэтаю, вывучаць і ў дасавецкі). Акрамя таго, неадʼемнаю часткаю праблемы зьяўляецца пытаньне рэлігійнае ідэнтыфікацыі асобы ў розныя перыяды і аналіз галоўных чыньнікаў дадзенага працэсу. Разгляд рэлігійнае ідэнтыфікацыі дазваляе больш дакладна аперыраваць з паняцьцем рэлігійнае ідэнтычнасьці: разглядаць яе дынаміку, вызначаць чыньнікі, што на яе ўплываюць, і г.д. [6]. Трэба высьветліць, наколькі канцэпт рэлігійнае ідэнтычнасьці дапасуецца да феномену «рэлігійнага адраджэньня», неабходна таксама апісаць ступень узаемнага ўплыву і ўзаемаабумоўленасьці гэтых паняцьцяў. Далей падаецца лагічным прасачыць зьместоўныя зьмены ў паняцьці рэлігійнае ідэнтычнасьці, каб высьветліць дынаміку і кірунак зьменаў і, галоўнае, акрэсьліць сутнасьць, а пасьля і спецыфіку фармаваньня рэлігійнае ідэнтычнасьці.

Дасьледніцкі дыскурс працаў, зьвязаных з рэлігійнаю ідэнтычнасьцю, часта выкарыстоўвае канцэпты, якія пазначаюць прыналежнасьць чалавека да пэўнае канфесіі і адлюстроўваюць сучасную канфесійную структуру беларускага грамадства. Пры гэтым падставай для высноваў выступаюць сацыялагічныя даныя разам з метадалогіяй іншых дысцыплінаў. Многія дасьледнікі абапіраюцца не на статыстыку колькасьці прыходаў (калі прыводзіць прыклад), а толькі на сацыялагічныя дасьледаваньні канфесійнае самаідэнтыфікацыі, што абумоўлівае пэўныя складанасьці дасьледаваньня. Перш за ўсё, вядомыя лічбы па размеркаваньні вернікаў па цэрквах могуць сьведчыць ня столькі аб непасрэднай колькасьці адэптаў, колькі аб колькасьці людзей, якія ў той ці іншай ступені знаходзяцца пад уплывам рэлігіі ці арыентуюцца ў пэўных сітуацыях на пэўныя рэлігійныя фактары. Іншымі словамі, дасьледнік вымушаны вырашаць праблему «несупадзеньня колькасьці тых, хто назваў сябе вернікам, і колькасьці вернікаў у Бога» [1], то бок паўстае праблема вызначэньня ступені, ці тыпу, рэлігійнае ідэнтычнасьці. Але ж, нягледзячы на розную эмпірыку, даволі часта робіцца выснова пра размытасьць канфесійнае ідэнтыфікацыі. У такім выпадку дасьледніку неабходна браць у разгляд такія віды ідэнтычнасьці, як квазірэлігійнасьць, калі чалавек можа быць нявернікам, але адносіць сябе да пэўнае царквы ці да некалькіх [3, *43*], этнаканфесійная рэлігійнасьць, калі чалавек можа браць за аснову нацыянальна-культурніцкі аспект канфесіі, і г.д., і дзякуючы гэтаму больш дакладна акрэсьліваць абрысы аб'екта дасьледаваньня.

Такім чынам, дасьледаваньні працэсу фармаваньня рэлігійнае ідэнтычнасьці ў постсавецкім грамадстве зыходзяць з вырашэньня пэўных метадалагічных праблемаў:

– сама па сабе абвешчаная ідэнтыфікацыя не дазваляе з пэўнасьцю меркаваць пра каштоўнасьці, веды, ацэнкі і паводзіны чалавека, аднак дасьледнік мусіць зыходзіць з пазіцыі, што «ідэнтыфікацыя носіць намінальны характар» [1], таму прымаецца да аналізу тое, што чалавек сам прызнае за сабой;

– праблема існаваньня рэлігійнае ідэнтычнасьці, заснаванай на фармальнай рэлігійнасьці (фармалізацыя ўсіх сацыяльных інстытутаў і адносінаў пры пераходзе да постіндустрыяльнага грамадства [2]);

– праблема інструментарыя: дасьледнік мусіць выкарыстоўваць дэскрыптыўны метад пры аналізе, тым самым не закранаючы пытаньняўісьціннасьці ці няісьціннасьці веры [7];

– рэлігійная ідэнтычнасьць не заўжды можа дапасавацца да пэўнае канфесіі, што зьвязана зь невысокай ступеньню рэлігійнасьці сучаснага грамадства, абмежаванай культурнай прыналежнасьцю да царквы, праблемай разуменьня чалавекам сваёй прыналежнасьці (актыўная ці пасіўная ідэнтычнасьць, жаданьне схаваць сваю прыналежнасьць пры апытаньнях і г.д.) і паняцьцем самое рэлігійнае ідэнтычнасьці, якое вагаецца ад канфесіі да канфесіі;

– праблема трансмісіі каштоўнасьцяў падчас трансфармацыі постсавецкага грамадства і разгляду працэсу трансмісіі ад дзяржаўных і царкоўных інстытутаў (кожная інстытуцыя рэлігійнае сацыялізацыі і канал трансмісіі каштоўнасьцяў непасрэдна зьвязаныя са зьместам ідэнтычнасьці, калі заяўленая ідэнтычнасьць можа быць аднолькавай, але адпаведныя каштоўнасьці і паводзіны могуць быць нават супрацьлеглымі) [3, *45*];

– праблема існаваньня двух дыскурсаў у сучаснай гістарычнай навуцы.

Сьпіс выкарыстаных крыніц

1. Астапов С.Н. Конфессиональная и культурно-традиционная составляющие религиозной идентичности: [Электронны дакумэнт]: Рэжым доступу: http://www.e-religions.net/2007/reports/astapov.htm
2. Баранников В.П. Динамика развития религиозности в информационном обществе: [Электронны дакумэнт]: Рэжым доступу: http://pogljad.com/modules/wfsection/article.php?articleid=6
3. Васілевіч Н. «Праваслаўныя»: рэлігійная ідэнтычнасць у рэгіянальных даследваннях // *Палітычная сфера*. 2005. № 5.
4. Васілевіч Н. Рэлігійны рэнесанс у постсавецкіх грамадствах: [Электронны дакумэнт]: Рэжым доступу: http://churchby.info/bel/122/
5. Лебедев С.Д. О «религиозном возрождении», секуляризации и фундаметализме: к проблеме соотношения понятий: [Электронны дакумэнт]: Рэжым доступу: http://www.rusoir.ru/print/01/26/
6. Николаева О. Штрихи к характеристике современной российской религиозности: [Электронны дакумэнт]: Рэжым доступу: http://churchby.info/bel/106/
7. Религиозные объединения: попытка определения: [Электронны дакумэнт]: Рэжым доступу: http://www.scientologyfacts.ru/1/30.html

Сяргей Герасімовіч
(ЕГУ)

СТАРААБРАДНІКІ ЛІТВЫ: ФАРМАВАННЕ І КАНСТРУЯВАННЕ ІДЭНТЫЧНАСЦІ

Summary: The article attempts to analyze a search for identity by one of the small etnoconfessional communities of Lithuania – Old Believers. They live here from the 18th century to today.

Слова «ідэнтычнасць» мае лацінскі корань «idem» (тое ж самае) і ў гісторыка-антрапалагічным кантэксце пазначае унікальнае быццё асобы з яе непаўторнымі дзеяннямі, досведам, жаданнямі, марамі і ўспамінамі, або «самасць», з абавязковай адсылкай да часу, у кантэксце яе дачынення да іншых індывідаў, сацыякультурнага жыцця і грамадства (так званая сацыяльная ідэнтычнасць)[1].

Піянерам у даследаванні ідэнтычнасці як адмысловага сацыяльна-культурнага феномена стаў амерыканскі псіхолаг Эрык Эрыксан, які ў сваёй працы выкарыстоўваў як псіхааналітычны, так і філасофска-сацыялагічны падыходы, што і вызначыла статут канцэпта ідэнтычнасці як катэгорыі міждысцыплінарных ведаў. Пры гэтым гаворка можа ісці як аб асабістай, так і аб калектыўнай ідэнтычнасці. Найважнейшай умовай разумення сутнасці ідэнтычнасці для Эрыксана з'яўляецца яе гістарычнасць. Кожны індывід уключаны ў гісторыю, у струмень сацыяльных зменаў[2].

---

1 Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 120.
2 Руткевич А.М. «Психо-история» Э.Г. Эриксона. М., 1996. С. 16.

Сацыяльная (калектыўная) ідэнтычнасць ёсць частка Я-канцэпцыі, што ідзе з ведання індывідам сваёй прыналежнасці да групы і эмацыйнага перажывання ўласцівых групе каштоўнасцяў. Увага да калектываў і фармавання іх ідэнтычнасцяў ажывіла даследчыцкую цікавасць да самога працэсу ідэнтыфікацыі. Паводле З. Баўмана, «ідэнтычнасць» ператвараецца ў прызму, праз якую разглядаюцца, ацэньваюцца і вывучаюцца шматлікія важныя рысы сучаснага жыцця[3].

Ідэнтычнасці з'яўляюцца прадуктамі сацыякультурнай палітыкі і фактычна канструююцца інстытутамі і дыскурсамі грамадства. Гэты працэс адбываецца ў цеснай узаемасувязі з калектывамі – носьбітамі іншых ідэнтычнасцяў, якія былі сканструяваны ў мінулым. Канструяванне новай ідэнтычнасці – гэта канструяванне нечага прынцыпова іншага, якое адбываецца ў выніку пераасэнсавання калектыўнай гістарычнай памяці, што выклікаецца зменай сацыякультурных абставінаў у грамадскім асяроддзі альбо сацыякультурнымі катаклізмамі. У гэтым кантэксце цікавым выглядае вопыт канструявання ідэнтычнасцяў невялікімі этнаканфесійнымі супольнасцямі. Мэтазгодна разгледзець гэты працэс на прыкладзе стараабраднікаў Літвы.

Стараабрадніцтва як рэлігійная плынь узнікла ў другой палове XVII ст. на Русі як вынік нязгоды пэўнага кола вернікаў з царкоўнай рэформай патрыярха Нікана (зацверджанай на Памесным Саборы 1666 г.). Адразу сутыкнуўшыся з рэпрэсіямі з боку ўлады, стараабраднікі вымушаны былі бегчы за межы Расійскай дзяржавы і засельваць памежныя рэгіёны бліжэйшых краін. Гэтыя падзеі дыстанцыравалі стараабраднікаў ад астатняга рускага насельніцтва, прымусіўшы канструяваць уласную ідэнтычнасць. Паводле Б. Андэрсана, любая ідэнтычнасць прывязана да пэўнага месца[4]. Для стараабраднікаў такім месцам напачатку сталі ўскраіны Русі – Поўнач (з Выгаўскай кінавар'ю і Аланецкімі скітамі), Урал (з Кержацкімі скітамі) і Сібір, а таксама Гусліца – стараабрадніцкі рэгіён Падмаскоўя. Аднак з цягам часу ўсё болей стараабраднікаў перасялялася за мяжу. Так, эміграцыя стараабраднікаў на тэрыторыю Рэчы Паспалітай мела вялізнае значэнне для гісторыі стараабрадніцтва XVIII–XX стст. Першыя стараабрадніцкія паселішчы ў Рэчы Паспалітай паўсталі ў дру-

3 Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
4 Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

гой палове XVII – пачатку XVIII ст. Тут стараабраднікі мелі адносную рэлігійную свабоду. Большасць першых стараабраднікаў-эмігрантаў пасялілася на паўночна-ўсходніх і ўсходніх землях Вялікага княства Літоўскага, а таксама ў герцагстве Курляндскім і ў Лівонскім ваяводстве. Пачатак жа эміграцыі стараабраднікаў на тэрыторыю цяперашняй Літвы адносіцца да канца 1670-х гг.[5] Першы дакладна вядомы стараабрадніцкі храм быў пабудаваны ў 1710 г. у вёсцы Пушча каля Краўнас[6].

У XVIII ст. выйсце стараабраднікаў насіла сталы і масавы характар, з'яўляючыся, перш за ўсё, рэакцыяй на жорсткі рэлігійны перaслед. Пачала канструявацца асобная ідэнтычнасць стараабраднікаў Рэчы Паспалітай, якія называліся «польскімі староверамі» і ў 1791 г. складалі 1,1–3,5% (ад 100 да 300 тыс. чалавек) ад усіх 8,79 млн жыхароў Рэчы Паспалітай. З цягам часу ўзніклі ўласныя месцы памяці кшталту Веткі і Старадуба. Паводле П. Рыкёра, месцы памяці выступаюць найперш у якасці апорных пунктаў успамінаў, што цэментуюць калектыўную гістарычную памяць, якая ў сваю чаргу ёсць падмурак для калектыўнай ідэнтычнасці[7]. А П. Нара ўвогуле называе гістарычную памяць і калектыўную ідэнтычнасць сінонімамі[8]. Таму і можна сказаць, што ў тыя часы ідэнтычнасць так званых польскіх старавераў канструявалася на падставе гістарычнай памяці аб станаўленні і знішчэнні расійскім войскам буйных стараабрадніцкіх цэнтраў у Ветцы і Старадубе ў XVIII ст. Рэшткі гэтай ідэнтычнасці і дагэтуль захавалі піліпоны – стараабрадніцкае насельніцтва сучаснай Польшчы і частка старавераў Прыбайкалля, якія трапілі туды з ВКЛ пасля падзелаў Рэчы Паспалітай і якіх іншыя стараабраднікі дагэтуль называюць «польскімі староверамі»[9]. Польскія староверы заўсёды адрознівалі сябе як ад насельніцтва Рэчы Паспалітай, гэтак і ад ніканіян-рускіх. З цягам часу

5 Хронограф, сиречь Летописец Курляндско-литовской. Подг. текста, вступ. ст. Г. Маркелова // Древлехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования. Ленинград, 1990. С. 187.

6 Поташенко Г. Первые старообрядцы в Литве: 1679–1710 // Lietuvos sentikiai: duomenys ir tyrimai. 1996–1997. Vilnius, 1998. С. 16–23.

7 Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 68.

8 Нора П. Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3.

9 Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.

стараабрадніцкія лідэры Рэчы Паспалітай пачалі заяўляць, што сапраўдны цэнтр стараабрадніцкай думкі перамясціўся ў ВКЛ, дакладней у Гудзішкі (зруйнаваныя расійскім войскам у 1758 г.), потым – у Дзегучай. З 1678 г. пачаў абірацца Агульны пастыр дрэўлеправаслаўных хрысціян Літвы і Курляндыі – агульнапрызнаны і аўтарытэтны лідэр польскіх старавераў. Да таго ж, пасля знішчэння папоўскіх цэнтраў у Ветцы і Старадубе, польскія староверы фактычна набылі канфесійнае адзінства, маўляў, большасць з іх належала да федасееўскай плыні[10]. Папоўскія абшчыны ва Украіне канструявалі сваю, ліпаванскую ідэнтычнасць, якая потым прывяла іх да стварэння Белакрыніцкай іепархіі. Такім чынам, мы бачым сфармаваны польскімі староверамі даволі маналітны і кампактны этнакраявід, што ўвогуле было характэрна для падобных суполак у гістарычнай перспектыве[11].

Усё змянілася пасля падзелаў Рэчы Паспалітай і ўваходу былых зямель ВКЛ і Прыбалтыкі ў склад Расійскай імперыі. У 1823 г. Дзягуцкая абшчына – найбольш уплывовы стараабрадніцкі цэнтр колішніх польскіх старавераў – прызнала шлюб, фактычна далучыўшыся да паморскага напрамку стараабрадніцтва, які тады панаваў у Еўрапейскай частцы Расійскай імперыі. Праз некалькі дзесяцігоддзяў паморцамі стала большасць стараабраднікаў-беспапоўцаў былога ВКЛ і Прыбалтыкі. Пачаўся новы этап у канструяванні ідэнтычнасці стараабраднікаў Літвы: яны пачалі атаесамляць сябе з вялізнай паморскай стараабрадніцкай супольнасцю, расселенай на тэрыторыі ад Урала і Колы да Царства Польскага і Валыні. У Вільні ўзнік рэгіянальны паморскі цэнтр, які ажыццяўляў кіраўніцтва абшчынамі ў Прыбалтыцы, Польшчы і Беларусі[12]. Узмацніліся рэпрэсіі з боку царскіх улад, у сярэдзіне XIX ст. узнікла аднаверства – спроба далучыць старавераў да пануючай царквы з захаваннем абрадавых асаблівасцяў. Стараабраднікі захаду Расійскай імперыі ўсё больш ідэнтыфікавалі сябе як самастойную частку вялікарускага этнасу – гэтаму спрыялі і захады царскага ўрада да выкарыстання іх у мэтах узмацнення рускай прысутнасці на дадзеных

10 Подмазов А. Старообрядчество в Балтийском регионе. Первое столетие истории // Reliģija. Vēsture. Dzīve. Reliģiska dzīve Latvija, Rīga: 1993. С. 168.

11 Appadurai, A. Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. С. 48.

12 Гарбацкі А.А. Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX ст. Брэст, 1999.

землях, каб супрацьстаяць пашырэнню польскага, каталіцкага і лютэранскага ўплыву. Гэта ўсё спрыяла пэўнаму размыванню стараабрадніцкага этнакраявіду Прыбалтыкі і Беларусі, усё болей стараабраднікаў пачало далучацца да афіцыйнай царквы, страчваючы асобную ідэнтычнасць на карысць вялікарускай.

Асобная ідэнтычнасць стараабраднікаў Літвы пачала фармавацца ў 1920-я гг., пасля стварэння Літоўскай Рэспублікі. Цэнтр супольнасці перамясціўся з Вільні, якая знаходзілася тады пад уладай Польшчы, у Каўнас, фактычную сталіцу маладой дзяржавы. Стараабраднікі атрымалі поўную рэлігійную свабоду і пачалі атаесамляць сябе як з паморскім рухам, так і з Літоўскай Рэспублікай як уласнай радзімай. Так пачала фармавацца дуалістычная ідэнтычнасць стараабраднікаў Літвы. Тут мы бачым яскравае пацверджанне словаў М. Хальбвакса аб сталай дынамічнай эвалюцыі калектыўнай ідэнтычнасці і гістарычнай памяці ў залежнасці ад запатрабаванняў складзенай сітуацыі[13]. На першы план у стараабрадніцкім наратыве ў Літве зноў выйшлі падзеі часоў Рэчы Паспалітай, звязаныя з дзейнасцю Гудзішкінскай і Дзягуцкай абшчынаў.

Пасля Другой сусветнай вайны стараабраднікі Літвы трапілі ва унікальнае становішча, ператварыўшыся ў цэнтр усіх паморцаў ці нават усіх стараабраднікаў-беспапоўцаў, бо іншыя напрамкі былі на той момант амаль знішчаны высілкамі камуністычнага рэжыму ці існавалі нелегальна. Паморскія цэнтры Расіі – Выг, Гусліцы, Аланец, Праабражэнскія могілкі ў Маскве – таксама былі амаль знішчаны. А ў Вільні, дзе існавала на той момант найбуйнейшая ў свеце паморская абшчына, быў створаны Вышэйшы стараабрадніцкі духоўны савет і праводзіліся агульнасаюзныя Паморскія саборы. Літоўская стараабрадніцкая супольнасць нечакана сталася цэнтрам усёй паморскай супольнасці... Зноў пачаўся зварот да агульнапаморскіх складнікаў гістарычнага дыскурсу, аднак расло ўяўленне аб унікальнасці як увогуле «паморскай цывілізацыі», гэтак і, у прыватнасці, стараабрадніцкай супольнасці Літвы.

Апошні этап у канструяванні ідэнтычнасці стараабраднікамі Літвы пачаўся з развалам СССР. Вільня перастала быць цэнтрам паморскай супольнасці. Адбылося вяртанне міжваеннага ды-

13 Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3.

скурсу ў гістарычную памяць стараабраднікаў. Аднак шырокае распаўсюджанне атрымаў лозунг аб найбольшай інтэграванасці стараабрадніцкай меншасці ў грамадства міжваеннай незалежнай Літвы. Пачалі аднаўляцца малельні, будавацца новыя ў буйных гарадах, дзе зараз жыве большасць стараабрадніцкага насельніцтва Літвы. Насуперак даным афіцыйнага перапісу, якія гавораць аб 27 тыс. стараабраднікаў у Літве, называецца лічба ў 70–100 тыс. Пачалі выходзіць друкаваны і інтэрнэтавы часопісы *Кіцеж-град*, маўляў стараабрадніцтва – гэта і ёсць духоўны Кіцеж-град для Літвы, скарбонка нявывучаных абрадаў і традыцый, якія не маюць аналагаў у свеце. Пасля ўступлення Літоўскай Рэспублікі ў Еўрапейскі Саюз пачалося фармаванне ўяўлення аб спадчыне стараабрадніцкай абшчыны Літвы як неад'емнай часткі агульнага культурнага этнакраявіду Еўропы. Паступова шырыцца разуменне адзінства ўсіх стараабраднікаў-паморцаў Прыбалтыкі ў мэтах супрацьстаяння нарастаючым працэсам секулярызацыі і глабалізацыі на агульнаеўрапейскай прасторы.

Падаецца, што ідэнтычнасць стараабрадніцкага насельніцтва Літвы і надалей будзе трансфармавацца і размывацца. Зараз большасць стараабраднікаў – жыхары гарадскіх паселішчаў, якія падвяргаюцца магутнаму асіміляцыйнаму прэсінгу як з боку літоўцаў, так і агульнай масы рускіх. Да таго ж у даволі секулярызаваным і нацыянальна інэртным грамадстве Літвы меншасці трапляюць пад узмоцненае дзеянне працэсаў гістарычнага забыцця. Так, ужо цяпер малельні часцей па інэрцыі называюць царквамі, а настаўнікаў – святарамі...

Андрей Комаровский,
Александр Кулешов
(БГУ)

БЕЛОРУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СПОР РОМАНТИЧЕСКОГО, МОДЕРНОВОГО И ПОСТМОДЕРНОВОГО СОЗНАНИЙ

Summary: The article is one of many attempts to assess the current condition of Belarusian (self-)identity. Staying in a transitional society, modern Belarusian reality is characterized by a dispute of romantic, modern and postmodern ideologies.

В начале XX в. Николай Гумилев констатировал, что Беларусь находится в мемориальном состоянии. Мы считаем этот диагноз актуальным и сегодня: нарративы советской эпохи составляют остов неоромантической риторики в рамках внешнеполитических отношений и «жизненной идеологии» белорусов.

Идея единого советского народа трансформировалась в фигуру «братских народов», скрывающую определение политического по К. Шмитту в матрице «друг-враг»; всенародная любовь к лидеру и стабильность как плакатный прием есть не что иное, как знак общественной воли; толерантность символизирует мировоззренческую позицию сверхсплоченного народного «коллектива». Мы имеем дело с инверсией гегемона на постсоветском пространстве: в отсутствие советской Москвы «третьим Римом» становится Минск, который теперь использует былую риторику. Рокировка метрополии и колонии как нельзя лучше свидетельствует о тонкой грани между этнически-домодерновым и

национально-модерновым дискурсами в рамках данной «постколониальной ситуации».

Эта рокировка не чисто риторическая. Как утверждает Ф. Анкерсмит, опыт прошлого может быть дан нам только как ностальгия, осуществляемая в нарративных техниках исторической репрезентации. Дискурсы университета и СМИ, пафос фестивалей и праздников свидетельствуют о том, что репрезентация советского наследия, этого потерянного «золотого века», *действительно* выражает чрезвычайно близкое прошлому опыту ностальгическое отношение, специфика которого заключается в генеративной (межпоколенческой) трансляции в рамках событий в тех же университетах и концертных залах. Время «белорусского народа» синхронично тому времени, которое проживалось в прошлом, и диахронично настоящему времени его модернизирующихся соседей-культур. Именно это обстоятельство позволяет говорить о том, что тонкая грань между прошлым опытом и опытом прошлого, которую, по Анкерсмиту, нужно уважать для *действительного* ностальгического переживания, якобы стирается в тайной презентации настоящего как прошлого. А это, в свою очередь, мы рассматриваем как следствие воображаемой, желаемой и, следовательно, вменяемой идентичности субъекта прошлого опыта и опыта прошлого, который есть не что иное, как преобладающее в структуре населения Беларуси позднее советское и раннее постсоветское поколение.

Как же поддерживается единство и стирается грань между разными переживаниями прошлого? Если следовать тезису Маркса о том, что класс приобретает единство только в борьбе с другим классом, будучи разобщенным вне этой борьбы, то события недавнего времени в отношениях с США видятся как борьба «всего» белорусского народа с капиталистической угрозой, где объединяющим звеном служит вменяемая сознанию фигура врага, посягающего на политический и экономический суверенитет Беларуси. Именно фигура врага служит безотказной смычкой между официальной и неофициальной, «жизненной» идеологией. Феноменологически этот чужак-враг носит безличный, внеисторический образ перманентной опасности суверенитету, безразличный к тонкостям и четкости аргументации в адрес Беларуси.

Указанные нами парадоксы белорусской идентичности проблематичны в той мере, насколько они реально определяют внутри- и внешнеполитические отношения. И как бы мы не хотели развенчать миф XXI в., не стоит забывать об очень тонкой грани между тем, «как оно было на самом деле», и тем, какая интерпретация замещает нам сегодня эту смутную, ускользнувшую и доступную в ностальгическом поиске субстанцию прошлого.

Анна Широканова
(БГУ)

МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПОЙ: НАСКОЛЬКО ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАНА БЕЛОРУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ?

Summary: The article explores the perspectives of studying the present degree and scope of individualism among the population of different countries. Two traditions of individualism (egalitarian and non-egalitarian) are traced and conceptualised. The analysis employs EVS data and an EVS-based survey on tolerance in moral issues and on diversity of religious views. The author concludes that moral and religious individualism among the young people in Belarus is higher than that in neighbouring Poland and Russia, but its pattern is closer to the Polish one.

Стремительная индивидуализация на протяжении последних десятилетий являлась одной из главных доминант духовной жизни населения в постсоветских и постсоциалистических странах. В то же время за прошедшие двадцать лет каждая из этих стран прошла свой особый путь модернизации. В связи с расширением ЕС 2004 г. связи регионального характера в Восточной Европе приобрели качественно новое значение. В настоящее время сравнение состояния духовной жизни в Беларуси и соседних странах означает сравнение с определенным этосом и отражает достигнутую степень общности и трансграничности духовного пространства.

Понимание индивидуализма в истории мысли имеет несколько направлений развития. З. Бокшанский [3] выделяет две

основополагающие модели индивидуализма в европейской мысли: *эгалитарный индивидуализм* эпохи Просвещения и *экспрессивный индивидуализм* романтизма. Первый также называется «индивидуализмом равной свободы»: он предполагает, что индивидуальные цели достижимы единственно через постижение моральных норм и рациональных правил, что принуждает к самодисциплине и подчинению воли большинства. Исполнение этих условий должно обеспечить достижение значительной свободы, понимаемой как пространство свободного выбора индивида, реализующего определенные цели. Политическим выражением такого индивидуализма стала теория либерализма. В различных трактовках (Р. Белла, Фр. фон Хайек) отмечается создание определенного общественного порядка на основе сознательного выбора индивидов, где реализация личных целей в сумме обеспечивает достижение общего блага, а лично свободный, равный другим и обособленный индивид может использовать коллективную деятельность для достижения собственных целей.

Второй тип индивидуализма предполагает свободу не столько индивида, сколько его индивидуальности. Он исходит из стремления индивидуального субъекта к открытию и манифестации собственной оригинальности; он не ищет и не предполагает существования общих прав и обязанностей и размещает индивида за границами сообществ, учреждая мир суверенности личности и ее субъектности за пределами социальных норм и даже вопреки им; поэтому такую модель можно назвать «индивидуализмом различия». Экспрессивный индивидуализм не создал своей политической теории, однако в нем обоснована идея независимого субъекта, стремящегося дистанцироваться от предлагаемых ему форм коллективной идентичности.

Индивидуализм различия предлагает индивиду свободу выбора и самовыражения, идеал самореализации-аутентичности, а главной целью провозглашает реализацию внутреннего потенциала человека и удовлетворение его права на счастье. Поэтому именно с ним связан современный этос разнообразия и толерантности, обратной стороной которого являются атомизация и эгоистичность установок индивида.

На сегодняшний день существует несколько подходов к решению проблемы интерпретации и операционализации кате-

гории индивидуализма. Особое внимание уделяется рассмотрению специфики индивидуализма в эпоху «постсовременности». В частности, указывается на появление рациональности, основанной на ограниченном, неточном знании о мире. С одной стороны, совокупность условий общественного развития создала благоприятные условия для расширения сферы экспрессивного индивидуализма. В результате экономического развития люди становятся более толерантными и начинают придавать большее значение автономии и свободе выражения. Появляется и распространяется этос «открытия собственного Я» (Э. Гидденс). С другой стороны, в рамках современного капитализма данные тенденции приобрели черты массовости; решения индивидов относительно себя часто пересматриваются в зависимости от социальных ожиданий. Тем не менее подобный «освобожденный», но при этом рефлексивный стиль жизни ограничен самоконтролем. В связи с этой особенностью подверглось концептуализации также явление индивидуализации (У. Бек). Процесс модернизации ведет к тройной индивидуализации: 1) освобождению от исторически заданных социальных форм и связей («аспект освобождения»); 2) утрате традиционной стабильности с точки зрения действенного знания, веры, норм («аспект расколдовывания»); 3) новому виду социальной интеграции («аспект контроля или реинтеграции») [2, *189*]. В результате индивидуализации появляется особый тип индивида, который должен приспосабливать формулу своего индивидуализма к новым структурным условиям. Иными словами, происходит «архипелагизация бытия», где каждый относительно автономный и не соотносящийся с другими индивид вынужден в одиночку справляться с глобальными последствиями такого состояния дел, когда постулируется право каждого желать все, но ресурсов не становится больше [1, *86*].

В связи с этим задача построения рабочей рамки социологического исследования индивидуализма должна учитывать особенности ситуации «позднего модерна», использовать операционализируемые понятия, а также учитывать накопленный опыт исследований. Г. Буркарт [4] предложил понятийную схему, которая легла в основу подобной рамки. Данная схема включает три измерения: эмансипации, различения и концентрации на собственном «Я», – а также четыре уровня выражения индивидуа-

листических тенденций: структурный, институциональный, культурный и индивидуальный.

Буркарт предполагает, что отдельные измерения индивидуализма актуализируются в определенной временной последовательности: во времена буржуазных революций – эмансипация, два других – в XX в. С ростом доходов и повышением уровня жизни появляется потребность в дифференциации. Наконец, измерение концентрации на себе проявляется во второй половине XX в. в виде массового стремления к самопознанию и нарциссизму. Важно отметить, что актуализация измерений происходит на всех уровнях, которые взаимодействуют между собой. Данные измерения, в целом, охватывают все основные аспекты индивидуализма. З. Бокшанский подчеркивает, что главную роль на сегодняшний момент отыгрывает «индивидуализм самореализации», который, доводя до крайности идею автономии индивида, оказывает негативное воздействие на нормативную интеграцию обществ [3, *88*].

Существенным проявлением «индивидуализма самореализации» является *разнородность нормативных ориентаций* в обществе. Как отмечает Л. Халман, в современном обществе индивид получил право определять, что хорошо и что плохо, что справедливо, а что нет. Поэтому «люди становятся во все большей степени лично, индивидуально ответственны за свое поведение, а влияние институтов в этой сфере уменьшается» [5, *13*]. В таком случае индивидуалистические тенденции проявляются как значительная разница нормативных ориентаций, а также установок и мнений.

Наше исследование строилось на основе методики, разработанной З. Бокшанским [3]. Предметом его анализа стали две области убеждений и оценок, на основе которых можно определить характеристики, указывающие как на сущность, так и на степень индивидуализации в каждой из исследованных совокупностей. Исследование охватывало:

– верность религиозной традиции. В качестве основания было принято, что *отступление от догматов*, содержащихся в официальных и обязательных формулировках религиозных доктрин, представляет собой проявление руководимой индивидуалистическими тенденциями свободы в области их адаптации к собственным убеждениям и ценностям;

– сферу моральных оценок, касающихся явлений, в отношении которых в домодерновых обществах существовали и существуют эксплицитные и императивно сформулированные нормы. Здесь, в соответствии с методикой, важно было измерить степень дифференцированности мнений [3, *93*].

Принимая подобную интерпретацию, можно изучить степень отклонения убеждений респондентов от традиционной морали и религиозных канонов, а также сравнить степень дифференциации полученных мнений. Данный подход также позволяет говорить о степени радикализации оценки общественного мнения в отношении конкретных явлений.

Проведенное нами исследование индивидуализма белорусской молодежи относительно религии и морали состояло из двух этапов. Первый этап заключался в анализе данных Европейского исследования ценностей (EVS) за 1999–2000 гг. для молодежи Беларуси и России. Сбор данных проходил методом опроса на репрезентативных национальных выборках, причем респонденты в возрасте 18–29 лет составили в Беларуси около четверти респондентов [5]. Второй этап представлял собой индивидуальный анкетный опрос студентов-гуманитариев в Польше и Беларуси (по 150 респондентов с равной представленностью полов; опрос проводился в марте – апреле 2008 г.). Главной *целью* исследования было установить актуальный уровень индивидуализма среди белорусской молодежи, а также сравнить, насколько он близок к российскому и польскому значениям.

Опросный лист содержал два блока вопросов: «моральный» и «религиозный». Первый фиксировал, насколько респонденты оправдывают такие явления, как гомосексуализм, аборт, развод, эвтаназия, проституция и самоубийство, а также насколько респонденты приемлют или не приемлют концепцию универсальных критериев добра и зла. Второй блок касался веры в Бога, в жизнь после смерти, ад, рай, грех, существование души, а также вопрос о важности Бога для респондента.

При анализе прямых вопросов о критериях добра и зла, а также о вере в Бога и отдельные догматы учитывались как выраженная индивидуалистическая направленность, так и неопределенность в отношении традиционных взглядов. При этом за меру индивидуализма была принята доля респондентов, выражающих мнение, не соответствующее религиозному канону. В

пользу подобной интерпретации говорит предположение о том, что респонденты, выражающие нетрадиционные религиозные убеждения, тем самым декларируют собственную автономию, а также то, что у них есть другие, вероятнее всего достаточно дифференцированные, взгляды на данные темы.

В вопросах о важности Бога, а также об отношении респондентов к осуждаемым в традиционной морали явлениям, в свою очередь, использовалась 10-балльная шкала Лайкерта [3, *96*]. Как пишет Халман, «свобода выбора из большого числа доступных возможностей ведет к тому, что уменьшается вероятность выбора одного и того же варианта. В той степени, в которой люди становятся более автономными в отношении общества и менее похожими друг на друга, уменьшается и шанс того, что население будет разделять общие ценности» [5, *17*]. Таким образом, первым этапом индивидуализации в морали является отклонение оценок от радикального осуждения или одобрения, а вторым – их максимальная дифференциация. При анализе были привлечены меры центральной тенденции, а также индекс Герфиндаля (HI), показывающий дифференцированность позиций). Математически HI представляет собой сумму квадратов долей участия фирмы на рынке и выражается формулой: HI = Σs_i^2, где s_i означает долю со значением i [3, *98*]. В данном случае долями будут проценты ответов респондентов по каждому из 10 пунктов шкалы. HI изменяется в границах от $1/n$ до 1, где n – число выбранных (доступных) мнений. HI равен 1, если все респонденты выбрали один и тот же вариант ответа. Чем ниже значение HI, тем больше дифференциация мнений. В качестве общего основания для интерпретации результатов опросов со шкалой Лайкерта было принято следующее положение: чем сильнее дифференциация, то есть распределение мнений, установок и взглядов в выборке, тем выше в ней уровень индивидуализма.

При сравнении Беларуси и России были получены следующие результаты. Наиболее индивидуализированные мнения белорусская молодежь высказывала относительно аборта и эвтаназии (HI около 0,1162). Максимальное значение HI для белорусской подвыборки касалось гомосексуализма (0,2005), но для российской оно было значительно выше (0,3395). Наименее дифференцированные взгляды были артикулированы среди россиян в отношении самоубийства (HI = 0,3574), для белорусов

показатель тоже высок (0,1903). Профили кривых индивидуализации для обеих стран был схожи, однако значительно отстояли друг от друга, наиболее приближаясь в вопросе об оправдании аборта, наиболее отдаляясь – в вопросе о суициде. Если сравнивать данные по молодежи с данными по всему населению России и Беларуси на 2000 г., то становится очевидным, что, в целом, белорусы более индивидуализированы в морали, чем россияне. В то же время среди белорусской молодежи меньше считающих, что существуют абсолютные критерия добра и зла: 18% против 27% в России (18% и 22% по всему населению соответственно).

В вопросах *религии* молодые белорусы также проявили больший индивидуализм, чем россияне: среднее количество неверующих в Бога и отдельные догматы составило 53,9% против 46,2%. Среднее арифметическое по Германии, Испании, Нидерландам, Польше, Франции и Швеции составило по сумме этих вопросов 60,7%. В вопросе важности Бога Беларусь и Россия оказались наиболее близки (значение HI равно 0,1192 и 0,1253).

Что касается процента неверующих в *конкретные догматы*, то наименее всего респонденты выражают веру в ад. Далее следует процент неверующих в существование рая (70% для Беларуси и 60% для России), хотя в других странах верящих в рай больше (по указанным странам – на 12%). Далее религиозная индивидуализация распространяется на веру в жизнь после смерти: неверующих в нее среди молодежи было в Беларуси 56%, в России – 51%. В свою очередь, неверующих в существование греха – 30% в России и 50% в Беларуси. В среднем, по шести странам Западной Европы в Бога не верит 40% населения. В Беларуси в 2000 г. в Бога не верило 21,5%, в России – 30% населения. При этом количество верующих в Беларуси значительно превышало количество верующих в отдельные главные догматы христианства, что свидетельствует о декларативности веры.

В целом, по результатам исследования 2000 г. можно было сделать следующие выводы: уровень индивидуализма среди белорусской молодежи в вопросах морали оказался выше, чем в России и ряде европейских стран; среднее значение HI = 0,1458. Подобная степень дифференциации свидетельствует о широком разбросе мнений и отсутствии единой ценностной структуры. В религии уровень индивидуализма для белорусской мо-

лодежи составил 54% и характеризовался относительно высоким процентом декларирующих веру в Бога (78,5%) и низким (менее 50%) – в догматы.

В свою очередь, сравнение результатов исследования в Беларуси и Польше показало следующее. По сравнению с поляками, студенты-белорусы реже осуждают эвтаназию, несколько чаще – самоубийство и ниже оценивают важность Бога в своей жизни. Наиболее индивидуализированным в обеих группах было мнение респондентов относительно развода, наименее всего – относительно самоубийства. Логика «допустимости» в отношении данных явлений была практически та же, что и в выборках 2000 г. Степень индивидуализма в морали очень близка: по вопросам о разводе, гомосексуализме и аборте она колеблется в интервале от 0,1235 до 0,1404. Что касается вопроса об абсолютных критериях добра и зла, то здесь 86% белорусов и лишь 60% опрошенных поляков не согласны с тем, что критерии добра и зла универсальны.

В сфере религии среди студентов наблюдается уровень индивидуализма значительно более низкий, чем среди молодежи в целом. Условный показатель индивидуализма в религии для студентов-белорусов составил 42,5%, для поляков – 21%, что значительно ниже аналогичных показателей для всей молодежи. При этом профили кривых здесь идут параллельно, то есть динамика ответов совпадает. Разница между странами в количестве неверующих в Бога и отдельные догматы христианства колеблется в интервале 3–20% (между молодежью Беларуси и России в 2000 г. – 5–36%).

Что касается неверия в конкретные догматы, то здесь наблюдается та же последовательность убывания индивидуализма, что и на первом этапе анализа, однако сама степень проявления индивидуализма зачастую ниже. Так, среди опрошенных студентов в ад не верят 60% белорусов и 30% поляков. В рай не верят 53% белорусских респондентов и лишь 20% польских. В жизнь после смерти не верят 45% и 21% белорусов и поляков соответственно. Интересно, что среди белорусских студентов о неверии в Бога заявило больше (30%), чем о неверии в грех (25%). Для поляков соответствующие показатели составили 15% и 18% соответственно.

Таким образом, белорусские студенты в 2008 г. по сравнению со всей белорусской молодежью в 2000 г. продемонстрировали более развитый и последовательный индивидуализм в морали и меньший индивидуализм в религии (ср. разницу в процентах неверующих в Бога и отдельные догматы: вера студентов намного более «наполнена» верой в догматы). В среднем, показатели индивидуализма в морали, замеренные на разных выборках белорусов, дали близкие результаты (0,1458 и 0,1422). Убежденных в абсолютности добра и зла среди студентов оказалось меньше (13% против 25%).

В целом, белорусская молодежь проявляет сильный, в большей или меньшей степени последовательный моральный индивидуализм, уровень которого оказался ниже не только российского, но и польского, при этом превзойдя условный «европейский» уровень. В то же время индивидуализм молодых белорусов в религии еще не достиг уровня Западной Европы, однако показывает более высокие доли непоследовательных и неортодоксальных верующих, чем аналогичные белорусским выборки в России и Польше. При этом паттерны индивидуализации в данных сферах для белорусской молодежи ближе к польским, чем к российским, несмотря на отличающую поляков высокую важность Бога.

На основе анализа полученных данных можно сделать вывод о широком развитии в морали измерения дифференциации, по Буркарту, что открывает возможность последующего перехода к измерению концентрации на себе и осуществления модели индивидуализма самореализации. С другой стороны, в качестве амортизатора действует религиозная структура сознания, которая, приобретая современные черты, не отказывается совсем от религиозных канонов, возможно, лишь временно дистанцируясь от них. Это, в свою очередь, может быть связано с переходом к персонализированной религиозности и актуализацией измерения эмансипации.

Очевидно, что индивидуализация постсоветской молодежи проходила в значительно отличающихся от западноевропейских условиях и контекстах. Поэтому и ее качественное содержание, вероятно, отличается. Однако на практическом уровне достигнутая степень индивидуализации свидетельствует о реальной

плюрализации мнений в исследованных вопросах и множестве нормативных ориентаций респондентов.

Молодежь артикулирует и реализует новые ценности особенно эксплицитно. В то же время ценностные структуры, формирующие особенности религиозно-нравственного восприятия, особенно инертны и слабо поддаются трансформации. Несмотря на то, что молодежь склонна к радикальности взглядов, следует учитывать, что примерно к сорока годам традиционные установки возрастают, причем преимущественно в том виде, в котором они были усвоены при социализации. Здесь важно учитывать поколенческие факторы, в частности социокультурную нестабильность как условие социализации постсоветской молодежи, дрейф ценностных структур, а также инерцию посттоталитарного сознания, вырабатывающего амбивалентные социальные ожидания.

Проведенный анализ показал, что современный уровень развития морального индивидуализма в Беларуси выше, чем в соседних странах, и даже выше уровня отдельных стран Западной Европы. Значительная индивидуализация, безусловно, является следствием ценностного вакуума постсоветской трансформации, однако также свидетельствует о формировании нового, особого культурного пространства. Были отмечены признаки не только фундаментального отхождения от норм традиционной закрытой иерархической культуры, но и элементы организации нового порядка, который связан с формированием индивидуализированных религиозных и ценностных структур, соответствующих индивиду как действующему субъекту. Таким образом, эмпирический анализ уровня индивидуализма современной белорусской молодежи в религии и морали показал, что процессы индивидуализации в значительной степени охватили молодое поколение белорусов.

В общем можно сказать, что общность духовных процессов на границе Евросоюза с Беларусью действует в направлении гомогенизации молодежной среды данного региона. Это значит, что в отношении морали и религии белорусская молодежь достаточно отошла от традиционных паттернов, чтобы успешно коммуницировать и действовать в рамках культурного пространства современной Европы.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
3. Bokszański Zb. Indywidualizm a zmiana społeczna: Polacy wobec nowoczesności - raport z badań. Warszawa: PWN, 2007.
4. Burkart G. Individualisierung und Elternshaft. Eine empirische Überprüfung der Individualisierungsthese am Beispiel USA und ein Systematisierungsvorschlag // Die Individualisierungs-These. Opladen: Leske + Budrich, 1998.
5. Halman L. The European Values Study: A Third Wave // Source book of the 1999/2000 European Values Study surveys. Tilburg: EVS, WORC, Tilburg University, 2001.

III.
ПРАВО И ДЕМОКРАТИЯ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Людмила Ульяшина
(ЕГУ)

ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В БЕЛАРУСИ

Summary: This article shows that human rights standards may play significant role in the de facto implementation of international treaties in cases when a state refuses to implement their international commitments properly. The current development illustrates that so-called "soft" law instruments have become a part of the human rights standards and constitute a content of provisions from international agreements. These instruments provide a legal basis for a direct application of international standards in Belarus where lacks of a political will and ignorance towards international commitments have caused a self-isolation of its legal system. Following analyses of the modern history of the Belarusian legal system and the discourse of the emerging concept of human rights standards in international human rights law demonstrate the possibility to apply international legal standards for protection of civil and political rights at national and international levels.

В последние десятилетия мы становимся свидетелями того, что правила и нормы, разработанные в международном праве о правах человека, обретают характер стандартов, непосредственно применяются в национальной практике и оказывают решающее и эффективное влияние на развитие правовых систем.

Так, стандарты, разработанные Организацией по Безопасности и сотрудничеству в Европе, решения Европейского Суда по правам человека, мнения и рекомендации Комитета по правам человека ООН являются безусловными примерами того, как с их помощью правовые нормы, декларирующие основные права и свободы, обретают свое развернутое содержание и помогают в правоприменении этих норм в отдельных государствах. Тем самым международные и конституционные каталоги прав и свобод человека получают дополнительный способ их реального обеспечения.

И хотя эти документы и решения в области прав человека, строго говоря, не входят в общепризнанный перечень источников международного права [1], они используются в судебной защите и по существу играют важнейшую роль в реальном обеспечении конституционных прав и свобод человека.

В 1993 г. в ходе международной Конференции по правам человека более 100 стран подтвердили, что Всеобщая декларация прав человека (документ, который по формальным признакам относится к так называемому «мягкому» праву) является основой дальнейшего прогресса в установлении стандартов, содержащихся в действующих международных договорах по правам человека [2]. В августе 2008 г. в своем обращении по поводу юбилея Международной конференции Генеральный Секретарь ООН отметил, что за истекшие 15 лет ООН достигла значительного прогресса в установлении стандартов, институтов и программ по их осуществлению [3].

Правовые стандарты и их роль в процессе реализации прав и свобод человека исследуются в отечественной и зарубежной литературе [4–19]. Анализ данных исследований позволяет выделить следующие основные черты, характеризующие международные стандарты с точки зрения их содержания и роли в процессе реализации прав и свобод человека в отдельных государствах:

- *формирование стандартов происходит на базе естественно-правовой концепции возникновения прав и свобод человека;*
- *универсальность стандартов в области прав человека обозначает их равную значимость для любой страны и региона, т.е. делает их «законом вне государств»;*

- *содержание стандартов включает общедемократические требования и обязанности для государств по их воплощению в национальные системы;*
- *стадия декларирования стандартов сменилась стадией по развитию их содержания;*
- *в настоящее время стандарты представляют комбинацию норм «мягкого» и «твердого» права и претендуют на самостоятельное место в классификации источников международного права прав человека;*
- *стандарты применяются при оценке допустимого консенсуса для государственной регламентации прав и свобод, с одной стороны, и*
- *служат масштабом измерения выполнения государством международных обязательств — с другой.*

Важно подчеркнуть, что ученые различных стран и правовых систем указывают на то, что международные стандарты, начав свое становление со Всеобщей декларации прав человека, получают дальнейшее развитие и конкретизацию посредством работы международных институтов и организаций (правовых режимов) для того, чтобы затем реализоваться во внутригосударственной практике отдельных государств. Следует согласиться с тем, что открытость государств к восприятию таких правовых установлений свидетельствует о реальном обеспечении гарантированных конституцией прав и свобод населения, находящегося под его юрисдикцией.

С момента возникновения нового политического и правового пространства на территории бывшего Советского Союза все вновь созданные государства объявили о приверженности демократии и правам человека, внесли в конституции положения о приоритетности норм международного права по отношению к национальному законодательству[1]. Для оценки степени открытости правовых систем по отношению к международному праву и стандартам в области прав человека необходим анализ

---

[1] Часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации гласит: *«Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»* [20].

фактической ситуации в этих странах. Опыт Республики Беларусь в этом отношении представляет особый интерес.

Конституция Республики Беларусь 1994 г. (новая редакция 1996 г. не изменила эти положения) признала приоритет общепризнанных принципов международного права (статья 8), акты межгосударственных образований, в которые входит Республика Беларусь, были указаны среди нормативных актов, входящих в правовую систему страны (статья 116) [21].

С момента создания в 1994 г. Конституционного Суда Республики Беларусь многие его решения были основаны как на статьях Конституции, так и положениях международного права. В заключениях и решениях Конституционного Суда периода 1994–2007 гг. можно встретить ссылки на Всеобщую декларацию прав человека, Международные Пакты, резолюции международных организаций и подготовленные ими стандартные правила, например: Процедуры эффективного осуществления основных принципов независимости судебных органов, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению, Основные принципы, касающиеся роли юристов, принятые восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, резолюцию (78) 8 Комитета министров Совета Европы о юридической помощи и консультациях, Европейские пенитенциарные правила и многие другие [22]. Как видно, суд использует также документы Совета Европы – организации, членом которой Беларусь пока не является. Сторонником применения норм международного права в национальной судебной практике является профессор Г. Василевич, Председатель Конституционного Суда с 1997 по 2008 г., который призывал к широкому использованию, наряду с международным, европейского права в национальной судебной практике [23].

Надо отметить, что нормы Конституции и национальное законодательство содержали и содержат на сегодняшний день достаточно противоречивые положения относительно применения международного права при рассмотрении дел общими судами. На это препятствие указывали профессор Л. Павлова [24] и другие белорусские ученые[2]. В 1992–1993 гг. несколько судов

[2] Статья 112 Конституции Республики Беларусь предписывает судам при осуществлении правосудия руководствоваться только Конституцией и

республики сослались непосредственно на ст. 9 п. 4 Международного Пакта о гражданских и политических правах при рассмотрении дел по жалобам адвокатов на решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [26]. Председатель Верховного суда Республики Беларусь В.О. Сукало, выступая на Парламентских слушаниях по проблеме прав человека в июне 1998 г., сказал, что права и свободы человека могут быть защищены эффективно лишь тогда, когда в случае их нарушения пострадавшие имеют возможность обратиться за судебной защитой своих прав, в том числе предусмотренных международными обязательствами государства [27]. В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 14 «О повышении культуры судебной деятельности и улучшении организации судебных процессов» сделана ссылка на Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах и ст. 60 Конституции Республики Беларусь как на нормы, закрепившие принцип защиты прав и свобод личности компетентным и беспристрастным судом [28].

В целом же судебная практика Республики Беларусь по вопросу применения норм международного права крайне незначительна. Среди факторов, влиящих на это, ученые называют профессиональную неподготовленность судей к применению международно-правовых норм и их неинформированность о международных обязательствах Республики Беларусь [29].

Существенным фактором, влияющим на судебную практику в Беларуси, по моему убеждению, является политическая воля руководства страны, которая привела к закрытости правовой системы. Как известно, начиная с 1997 г., когда в белорусском законодательстве и правоприменительной практике произошли существенные изменения, направленные на ограничение гражданских прав и свобод в стране [30], международное сообщество путем принятия различных документов, в которых содержался правовой и политический анализ ситуации с точки зрения международных стандартов, пыталось внести вклад в предотвращение негативных последствий такого развития страны.

принятыми в соответствии с ней нормативными актами, т.е. данная конституционная норма фактически сводит на нет (для судей) правило о непосредственном применении всех международных норм [25].

В этой связи следует сослаться на Заключительные замечания Комитета по правам человека на периодический Доклад Республики Беларусь (CCPR/C/84/Add.4 и Add.7) [31], резолюции Комиссии по правам человека 2003/14 от 13 апреля 2003 г., 2004/14 от 15 апреля 2004 г. и 2005/13 от 14 апреля 2005 г. [32], рекомендации спецдокладчика по свободе средств массовой информации ОБСЕ Миклоша Харасци после его визита в Беларусь в 2005 г. [33] и др. С 1997 по 2006 г. было вынесено 14 соображений Комитета ООН по правам человека [34], в которых белорусское правительство признавалось виновным в нарушении международных обязательств.

Практически все международные обращения были открыто проигнорированы белорусским руководством. Представители Министерства иностранных дел, Министерства юстиции, Конституционного и Верховного судов высказывали негативную позицию белорусского государства в отношении решений международных инстанций. Они утверждали, например, что решения Комитета по правам человека имеют рекомендательный характер и не налагают обязательств по их выполнению [35].

В этой связи следует обратить внимание на последние Замечания общего порядка Комитета по правам человека об обязательствах государств в отношении первого факультативного протокола, в которых подчеркивается, что соображения Комитета по конкретным делам имеют характер юридических документов, содержат интерпретацию положений Пакта, в отношении которого государство приняло международно-правовые обязательства [36]. Кроме того, ратифицируя названный протокол, государство признает компетенцию Комитета принимать и рассматривать заявления о фактах нарушений прав и свобод. Положения статьи 61 Конституции Республики Беларусь, закрепляя право каждого на обращения в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, возлагают, соответственно, обязанность государства уважать решения таких организаций.

Как известно, интеграция государств в международное сообщество происходит в том числе и благодаря следованию правовым стандартам, разработанным на основе общего толкования и понимания содержания прав человека. Политическая воля, направленная на игнорирование международного опыта в области прав и свобод, обеспечивающих работу демократиче-

ских институтов, означает самоизоляцию правовой системы от международного развития и отказ от практического воплощения прав и свобод отдельного человека.

В таких условиях реализация и защита индивидуальных прав и свобод затормаживается, но не прекращается совсем. Индивид как субьект международного права прав человека располагает инструментами защиты своих прав и свобод, как на национальном, так и на международном уровне. В целях оказания поддержки международное сообщество в лице Генеральной Ассамблеи ООН создало правовую базу для деятельности представителей гражданского общества в области воплощения и защиты прав и свобод человека путем принятия Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, которую принято именовать «Декларация о правозащитниках» [37]. В статье 1 этой Декларации указано, что каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, поощрять и стремиться защищать и осуществлять права человека и основные свободы на национальном и международном уровнях.

Работа по отстаиванию прав и свобод человека в тех государствах, которые отказываются имплементировать международные обязательства, оказывается эффективнее, если в правозащитной деятельности используются документы, подготовленные международными организациями и институтами. В качестве одного их последних примеров следует указать на Руководящие принципы по свободе мирных собраний, подготовленные Советом экспертов БДИПЧ/ОБСЕ по вопросам свободы собраний в 2007 г. [38].

Свидетель по одному из политически мотивированных дел по обвинению Андрея Кима в своих письменных показаниях на имя суда Центрального района г. Минска в апреле 2008 г., ссылаясь на упомянутые международные стандарты, писал:

> *Свобода собраний, будучи одним из фундаментальных прав человека и основой функционирования демократического общества, гарантирована основными международными правовыми документами (ст. 19 Всеобщей декларации прав человека, ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах). Эта норма присутствует и в Конституции Республики Беларусь (ст. 35).*

Для регулирования свободы собраний в законе и на практике на национальном уровне приняты «Руководящие принципы по свободе мирных собраний» ОБСЕ, которыми руководствовались индивидуальные предприниматели при проведении своих уличных акций. Рекомендации устанавливают минимальные стандарты, которые должны быть положены в основу законов и практики, в них детально проанализированы материальные и процессуальные аспекты реализации права на свободу собраний и изложены принципы, на основании которых государства – участники ОБСЕ должны обеспечивать реализацию данного важнейшего права. В них детально прописаны взаимоотношения, права, обязанности и ответственность законодателей и органов исполнительной власти, правоохранительных органов, включая полицию, прокуратуру и судей, а также организаторов публичных мероприятий [39].

Это пример того, когда индивиды используют международный «нормативный минимум» при осуществлении защиты нарушаемых прав и свобод. Таким образом, стандарты, основанные на универсальном подходе к сущности прав и свобод человека, служат правовой основой для проведения объективной сравнительной оценки внутригосударственного законодательства и практики. Применение норм «мягкого» права, в которых развиты положения норм Конвенций в области прав и свобод, позволяет избежать проблемы, на которую указывают сторонники позиции о непригодности непосредственного применения большинства норм международного права в силу их «несамоисполнимости» [40].

Наконец, непосредственное применение международных стандартов самими гражданами или их представителями в ходе реализации и/или осуществления защиты нарушенных прав и свобод является чрезвычайно важным фактором для процесса имплементации международных обязательств внутри национальных правовых систем. Действительно, в тех случаях, когда граждане, осознавшие сущность права, знакомые с его содержанием на основании международно признанных стандартов, обращаются к государству с требованием воплотить эти стандарты в законодательство, практику и судебную защиту, они оказывают непосредственное воздействие на национальные правовые системы.

При таком развитии ссылка государства на традиционную концепцию суверенитета как на основание для невмешательства международного сообщества во внутренние дела данного государства [41] оказывается несостоятельной, поскольку требование о реализации международных обязательств и применении правовых стандартов в области прав и свобод исходит не от третьих стран или международных институтов, а непосредственно от лиц, в отношении которых государство допускает отступление от принятых обязательств.

В условиях ограничения прав и свобод на уровне законодательной, судебной и исполнительной властей на протяжении последних лет белорусские правозащитники и юристы все шире используют существующие механизмы международной защиты [42], ссылаются на нормы международного права в национальной судебной практике[3]. Применение ими норм «мягкого права», в которых содержатся критерии для анализа норм национального законодательства и практики, позволяет оперировать международными стандартами *de facto* на внутригосударственном уровне[4].

В течение последнего десятилетия в отношении Республики Беларусь сформировался образ закрытой национальной правовой системы, в которой неисполнение государством международных обязательств и стандартов в области гражданских прав и свобод человека характеризуется стабильной устойчивостью. Это уже привело к утрате авторитета государственных институтов среди стран международного сообщества[5]. Очевидно, что такое развитие ведет к самоизоляции, которая негативна, если государство стремится развивать позитивный имидж, что явля-

3 Алесь Беляцкий: «Основанием для преследования со стороны властей белорусских правозащитников является последовательная, твердая и стойкая позиция белорусских правозащитников по вопросу защиты гражданских и политических прав белорусских граждан» [43].

4 «Моладзь БНФ правяла акцыю інфармаваньня міліцыянтаў. Па ўсіх РАУСах Менску былі разасланыя кнігі-дапаможнікі, выпушчаныя АБСЭ для краінаў, якія зьяўляюцца сябрамі АБСЭ. У гэтых дапаможніках пададзеная інфармацыя, як міліцыянты павінныя паводзіць сябе з грамадзянамі, як і якімі сродкамі мусяць ажыцьцяўляцца затрыманьні. Гэта своеасаблівы маральны кодэкс міліцыянта» [44].

5 В ООН решили: Беларуси не место в Совете по правам человека [45].

ется в свою очередь предпосылкой для торгово-экономического и культурного сотрудничества.

Нет никакого сомнения, что Беларусь, как европейское государство, все еще сохраняет шанс начать процесс интеграции с другими демократическими государствами. Для прогрессивного развития в этом направлении правовая система страны должна воспринять правовые стандарты в области прав и свобод как нормы, базирущиеся на универсальности и ценности основных прав и свобод человека и позволяющие восполнить пробелы во внутригосударственном праве, а также способствовать развитию судебной практики. Только в этом случае начнется *de facto* имплементация международных обязательств в Республике Беларусь.

Источники

1. Статья 38 Устава Международного Суда ООН.
2. Венская Декларация и Программа действий Всеобщей Конференции по правам человека, 22-я встреча (25 июня 1993), преамбула, параграф 3,8. U.N.Doc.A/CONF.157/24 (Part 1). C. 20–46. 32 I.L.M.1661. Mode of access: <http://www.un.org/russian/conferen/docs/aconf157_24.pdf>. Date of access: <12.12.08>.
3. The Anniversary message for World Conference on Human Rights, 28 August 2008. Mode of access: <http://www.un.org/News/Press/docs/2008/sgsm11763.doc.htm>. Date of access: <12.12.08>.
4. Cassese A. International Law. Oxford University Press, 2005. P. 381–382.
5. Лукашева Е.А. Права человека и процессы глобализации современного мира / Под общ. ред. Е.А. Лукашевой. М., 2007. С. 41.
6. Игнатенко Г.В. Международное право: учеб. для вузов / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2008. С. 454.
7. Forsythe D. Human Rights in International Relations. Cambridge University Press, 2006. P. 41–43.
8. Голубок С.А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту // *Правоведение*. 2007. № 1. С. 112.
9. Тиунов О.И. Международно-правовые стандарты как фактор глобального правового пространства // Московский юридический форум «Глобализация, государство, право, XXI век» (по материалам выступлений). М., 2004. С. 156.
10. Crawfold J. International Law as an Open System. London: Cameron May Ltd, 2002. P. 23.

11. Tanaka K. *South West Africa Case* (*Second Phase*). Dissenting Opinion Of Judge Tanaka. ICJ Reports, 1966. P. 296. Mode of access: <http://www.icj-cij.org/docket/files/46/4887.pdf>. Date of access: <12.12.08>.
12. Tietje Ch. Recht ohne Rechtsquellen? // *Zeitschrift für Rechtssoziologie*. 2003. № 24. S. 27–42.
13. Riedel E. Standards and Sources. Farewell to the Exclusivity of the Sources Triad in International Law? // *European Journal of International Law*. 1991. № 2 (1). P. 58–84.
14. Пертли В.А. Реализация международных стандартов по обращению с осужденными в России // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2006. № 4. С. 36–39.
15. Shelton D. Commitment and Compliance. Oxford University Press, 2000. P. 5.
16. Donnelly J. International Human Rights: A Regime Analysis // *International Organizations*. 1986. Vol. 40. P. 599–642.
17. Bonacker Th. Inklusion und Integration durch Menschenrechte Zur Evolution der Weltgesellschaft erschienen // *Zeitschrift für Rechtssoziologie*. 2003. P. 121–149.
18. Brütsch C. Verrechtlichung der Weltpolitik oder Politisierung des Rechts? Die Debatte über transnationales Recht in den Internationalen Beziehungen // *Zeitschrift für Rechtssoziologie*. 2002. Vol. 23 (2). S. 165–183.
19. Оганесян С.М. Понятие международных стандартов прав человека // *Международное публичное и частное право*. 2008. № 2. С. 18–21.
20. Конституция Российской Федерации 1993 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми Указом Президента РФ от 9 января 1996 г. № 20, от 10 февраля 1996 г. № 173, от 9 июня 2001 г. № 679, от 25 июля 2003 г. № 841).
21. Павлова Л.В. Имплементация норм международного права во внутригосударственное право. Мн., 2001. С. 33.
22. Заключение Конституционного Суда Республики Беларусь от 11 декабря 1998 г., г. Минск № З-74/98 «О соответствии Конституции Республики Беларусь части третьей статьи 404 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь», Заключение Конституционного Суда Республики Беларусь от 1 декабря 1998 г., г. Минск № З-73/98 «О соответствии Конституции Республики Беларусь части пятой статьи 92 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь», Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 13 декабря 1999 г., г. Минск № Р-91/99 «О некоторых вопросах обеспечения гражданам конституционного права на получение юридической помощи в уголовном процессе», Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 5 октября 2000 г., г. Минск № Р-103/2000 «О практике применения решений Конституционного Суда Республики Беларусь от 2 июля 1999 г. «О неко-

торых вопросах представительства в суде по гражданским делам», от 13 декабря 1999 г. «О некоторых вопросах обеспечения гражданам конституционного права на получение юридической помощи в уголовном процессе», от 4 июля 2000 г. «О некоторых вопросах, связанных с оказанием юридической помощи осужденным» в части реализации положений статьи 62 Конституции». Mode of access: <http://www.ncpi.gov.by/constsud/rus/constit_doc11.html>. Date of access:<12.12.08>.
23. Василевич Г.А. Возможности реализации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в практике Конституционного Суда Республики Беларусь и национальных судов // Правовое государство. Международная правовая помощь по уголовным делам. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод: (Материалы международных семинаров). Минск, 2002. С. 34–39.
24. Павлова Л.В. Международное право в правовой системе государства // *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. 1999. № 3. С. 3.
25. Зыбайло А.И. Проблема прямого действия общепризнанных норм международного права о правах и свободах человека в Республике Беларусь // *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. 1999. № 1. Mode of access: < http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=301&Itemid=50>.
26. Шуклин В.З. (судья Конституционного Суда Республики Беларусь). Непосредственное применение норм международного права в практике судов // Обзор докладов и выступлений участников конференции органов Конституционного контроля стран молодой демократии, Минск, 31 мая – 1 июня 2001 г. Mode of access: <http://www.ncpi.gov.by/ConstSud/rus/pressa/obsor.html>.
27. Проблема прав человека: Парламентские слушания, 23 июня 1998 г. Мн., 1998. С. 80.
28. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 14 «О повышении культуры судебной деятельности и улучшении организации судебных процессов». Mode of access: <http://www.supcourt.by/cgi-bin/index.cgi?vm=d&vr=post&vd=1&at=0&m1=2>. Date of access: <12.12.08>.
29. Павлова Л.В. Имплементация норм международного права во внутригосударственное право. Мн., 2001. С. 46.
30. Документ Европейского Банка Реконструкции и развития. Стратегия для Беларуси. Разделы «Развитие политической ситуации», «Правовая среда». Одобрен на заседании Совета директоров, 12 декабря 2006 г. Mode of access: < http://www.ebrd.com/about/strategy/country/belarus/strtbel.pdf >. Date of access: <12.12.08>.

31. Заключительные замечания Комитета по правам человека, CCPR/C/79/Add.8619 November 1997. Mode of access: <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/G97/193/46/PDF/G9719346.pdf>.
32. Mode of access:< http://www.unhcr.org/refworld/docid/45377c300.html>.
33. OSCE, the Representative on Freedom of Media, 10 March 2005, Observations and Recommendations. Mode of access: <http://www.osce.org/fom/>. Date of access: <12.12.08>.
34. Результаты исполнения решений Комитета ООН по правам человека в отношении 14 дел в отношении Беларуси на конец 2007 г. Mode of access:<http://www.bayefsky.com/html/belarus_ccpr_follow_juris.php>. Date of access:<12.12.08>.
35. Белорусские власти игнорируют рекомендации ООН. Mode of access: <http://www.charter97.org/ru/news/2008/11/12/11980/>. Date of access:<12.12.08>.
36. General Comments of the Human Rights Committee on States Parties' obligations under the first Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights. CCPR/C/GC/33, 5 November 2008. Mode of access: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/comments.htm>. Date of access: <12.12.08>.
37. Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, принята Генеральной Ассамблеей ООН A/RES/53/144. Mode of access: <http://www.amnesty.org.ru/pages/inst-hrd-rus>. Date of access: <12.12.08>.
38. Руководящие принципы по свободе мирных собраний, подготовлены Советом экспертов БДИПЧ ОБСЕ по вопросам свободы собраний. Mode of access: <http://www.nhrc.ru/center/doc/zakonodatelstvo/Rukovod_prinz_obce.doc>. Date of access: <12.12.08>.
39. Свидетельские показания Игоря Ледника. Уголовное преследование молодежного активиста Андрея Кима. Mode of access: <http://ourbelarus.org/blogs/new/265>. Date of access: <12.12.08>.
40. Барбук А.В. Имплементация международного права в Республике Беларусь // *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. 2001. № 43. Mode of access: <http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=449&Itemid=52>. Date of access: <12.12.08>.
41. Тиковенко А.Г. Пределы действия международного права в законодательстве Республики Беларусь // [он-лайн] Обзор докладов и выступлений участников конференции органов Конституционного контроля стран молодой демократии, Минск, 31 мая – 1 июня

2001 г. Mode of access: <http://www.ncpi.gov.by/ConstSud/rus/pressa/obsor.html>.
42. В ООН переданы 42 жалобы на нарушение прав человека в Беларуси. Mode of access: < http://www.charter97.org/ru/news/2008/9/17/10232/>.
43. Mode of access: <http://www.charter97.org/ru/news/2008/11/6/11815/>. Date of access: <12.12.08>.
44. Mode of access: <http://moladz.pbnf.org/news.php?readmore=715>. Date of access: <12.12.08>.
45. Mode of access: <http://news.tut.by/politics/87922.html>. Date of access:<12.12.08>.

Наталья Мельник
(ЕГУ)

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ОТНОСИТЕЛЬНО СТАТУСА БЕЖЕНЦЕВ

Summary: The thesis is dedicated to legal and organizational cooperation forms on refugee status within the EU and demonstrates the initiates that are to complete the first phase of the Common European Asylum System and the initiatives that are to lay the foundations of the establishment a fully fledged Common European Asylum System. The main goal is to improve convergence in decision-making in this area. The EU aims to provide asylum authorities with a «common tool box» that will build trust and confidence in system of Member States and achieve greater consistency in practice. In Communication from the Commission to the Council and European Parliament on strengthened practical cooperation (2006) the European Commission called for the establishment of appropriate structures involving the national asylum services of the Member States with a view to facilitating practical and collaborative cooperation.

Амстердамский Договор[1] впервые юридически закрепил стремление государств – членов ЕС к сотрудничеству в сфере убежища. В 2004 г. была принята *Гаагская Программа*[2], на-

[1] *Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities* // [он-лайн] Official Journal C 340 of 10.11.1997. Доступ: http://www.europa.eu.int/eur-lex/lex/en/treaties/dat/11997D/htm/11997D.html. Дата доступа: 16.05.2008.

[2] *Communication from the Commission to the Council and European Parliament. The Haag Programme – Ten priorities for the next five years. The part-*

правленная на реформирование системы свободы, безопасности и правосудия в ЕС. Ее конечной целью провозглашается создание Единой Европейской системы убежища (далее – ЕЕСУ), сводящейся к единой процедуре, установление которой невозможно без создания правового и институционального механизма сотрудничества стран ЕС относительно статуса беженца.

Так, *Директива, определяющая минимальные стандарты приема лиц, ищущих убежища*[3], направлена на предотвращение возможных вторичных перемещений беженцев между государствами-членами и установление минимальных стандартов приема лиц, ищущих убежища, с целью обеспечения их постоянными и сопоставимыми жизненными условиями во всех государствах-членах. Важность Директивы заключается в обязательствах, которые она налагает на государства – члены ЕС, а именно: информировать лиц, ищущих убежища, о процедурах его предоставления (п. 1 ст. 5); обеспечивать данных лиц возможностями сотрудничества с организациями и лицами, способными оказать им правовую помощь (п. 1. ст. 5); выдавать этим лицам в течение трех дней после подачи ходатайства документ, удостоверяющий их статус как лица, ищущего убежища, либо подтверждающий разрешение на пребывание на территории государства до рассмотрения ходатайства (п. 1 ст. 6); гарантировать таким лицам свободу передвижения, которая может быть ограничена определенной зоной передвижения только из-за соображений государственной безопасности или в интересах скорейшего рассмотрения ходатайства (при подобном ограничении свободы передвижения государство должно предусмотреть механизм получения разрешения покинуть такую зону) (ст. 7). Кроме того, государства обязуются предоставить таким лицам ряд основных прав, включающих: право на

nership for European renewal in the field of freedom, Security and Justice // [он-лайн] COM (2005) 184 final – Not published in the Official Journal. Доступ: http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexplus!prod!DocNumber&lg=en&type_doc=COMfinal&an_doc=2005&nu_doc=184. Дата доступа: 16.05.2008.

[3] *Council Directive 2003/9/EC of 29 January 2003 laying down minimum standards for the reception of asylum seekers* // [он-лайн] Official Journal L 31 of 06.02.03. Доступ: http://www.europa.eu/scadplus/leg/en/lvb/l33150.htm. Дата доступа: 16.05.2008.

жилище; право на обеспечение целостности семьи; право на трудоустройство.

Следующим шагом на пути унификации национального законодательства и выработки единых механизмов практического сотрудничества между государствами-членами в сфере предоставления статуса беженца явилось принятие *Регламента, устанавливающего критерии и механизмы определения государства-члена, ответственного за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища*[4], который заменил собой *Дублинскую Конвенцию 1990 г.*[5] *(Дублин I)* и получил название *Дублин II*. Данный Регламент, в отличие от *Дублина I*, устанавливает правила распределения ответственности между государствами-членами за лиц, ищущих убежища, и правила распределения ответственности за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища во всех случаях. Новизна документа в том, что ходатайство о предоставлении убежища должно быть рассмотрено лишь одним государством-участником, даже при условии, что рассмотрение данного ходатайства является прерогативой другого государства-участника. *Дублин II* также предусматривает процедуру передачи лиц, ищущих убежища, другому государству-члену: передача не осуществляется до тех пор, пока государство-член не согласится принять на себя ответственность за лицо, ищущее убежища.

Для понимания эволюции и развития политики ЕС в отношении беженцев важно упомянуть *Директиву о минимальных стандартах для квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев или лиц, нуждающихся в иной форме международ-*

---

4 *Council Regulation (EC) № 343/2003 of 18 February 2003 establishing the criteria and mechanisms for determining the member state responsible for examining an asylum application lodged in one of the member states by third-country national* // [он-лайн] Official Journal L 50 of 25.02.03. Доступ: http://www.europa.eu/scadplus/leg/en/lvb/l33153.htm. Дата доступа: 16.05.2008.

5 *Convention determining the State responsible for examining applications for asylum lodged in one of the Member States of the European Communities* // [он-лайн] Official Journal C 254 of 19.08.1997. Доступ: http://eurlex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexapi!prod!CELEXnumdoc&lg=EN&numdoc=41997A0819(01)&model=guichett. Дата доступа: 16.05.2008.

ной защиты, и содержании предоставляемой защиты[6]. Директива ввела новацию в законодательство ЕС в сфере убежища, закрепив новый статус – субсидиарный (или статус дополнительной защиты). Данный статус предоставляется лицам, не отвечающим критериям, необходимым для признания их беженцами, но относительно которых нарушены ст. 3 *Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод* и ст. 7 *Пакта о гражданских и политических правах*. Это форма дополнительной защиты (в некоторых странах называется вспомогательной или гуманитарным статусом), распространяющаяся на всех лиц независимо от соответствия критериям для получения статуса беженца или в случае отказа в его предоставлении. До недавнего времени в законодательстве стран – членов ЕС и законодательстве ЕС применялось два статуса: статус беженца и временная защита.

Вопрос о процедуре предоставления и лишения статуса беженца решается на основе *Директивы о минимальных стандартах для процедур государств-членов по предоставлению и отмене статуса беженца*[7], цель которой – ввести в Сообществе минимальные рамки процедуры предоставления и лишения статуса беженца. В интересах государств-членов и самих заявителей – обеспечение максимально быстрого принятия решения о предоставлении статуса беженца. Организация процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища осуществляется по усмотрению государств-членов. Любое государство – член ЕС в соответствии с национальными нуждами может ускорить процедуру рассмотрения любого ходатайства, но при обязательном соблюдении стандартов Директивы. Такими стандартами являются требования о том, что: решения о предоставлении заявителю статуса беженца должны приниматься на

[6] *Council Directive 2004/83/EC of 29 April 2004 on minimum standards for the qualification and status of third-country nationals and stateless persons as refugees or as a persons who otherwise need international protection and the content of the protection granted* // [он-лайн] Official Journal L 304 of 30.09.04. Доступ: http://www.europa.eu/scadplus/leg/en/lvb/l33176.htm. Дата доступа: 16.05.2008.

[7] *Council Directive 2005/85/EC of 1 December 2005 on minimum standards on procedures in Member States for granting and withdrawing refugee status* // [он-лайн] Official Journal L 326 of 13.12.05. Доступ: http://www.europa.eu/scadplus/leg/en/lvb/l33140.htm. Дата доступа: 16.05.2008.

основе фактов и, в первую очередь, органами, персонал которых имеет необходимые знания и подготовку по вопросам убежища и беженцев (ст. 10); если лицо подает повторное ходатайство без предоставления новых доказательств или фактов, то государство-член может применить процедуру, отличающуюся от процедуры, обычно применяемой по отношению к заявителям (ст. 15); государства-члены принимают меры по адаптации существующих процедур к специфическим обстоятельствам ходатайств, подаваемых на границе или в транзитной зоне. Процедура рассмотрения ходатайств на границе применяется в основном к тем заявителям, которые не соответствуют требованиям допуска на территорию государства-члена (ст. 16).

Учреждение в 2000 г. *Европейского фонда беженцев*[8] (*European Refugee Fund (ERF)*) считается первым шагом на пути создания ЕЕСУ. Изначально Фонд был утвержден на период 2000–2004 гг., однако был заново утвержден на период с 01.01.2005 г. по 31.12.2010 г.[9] Задача фонда – поддерживать попытки государств-членов по приему беженцев и других перемещенных лиц посредством финансирования приема и процедур по предоставлению убежища, интеграционных программ, возвращения данных лиц. Для целей реализации подобных попыток государств-членов фонд готовит специальные программы для государств-членов, необходимые для создания ЕЕСУ. Имплементация данных программ разделена на две фазы: 2005–2007 гг. и 2008–2010 гг. Государства-члены несут ответственность по имплементации мер, предписанных фондом, и ответственность по координации данных программ на национальном уровне.

Создание единой дактилоскопической базы данных *Евродак*[10] (*Eurodac system*) позволяет предотвратить получение вида

8 *Council Decision 2000/596/EC of 28 September 2000 establishing a European Refugee Fund* // [он-лайн] Official Journal L 252 of 06.10.2000. Доступ: http://www.europa.int/scadplus/leg/en/lvb/133078.html. Дата доступа: 16.05.2008.

9 *Council Decision of 2 December 2004 establishing a European Refugee Fund for the period 2005 to 2010* // [он-лайн] Official Journal L 381 of 28.12.2004. Доступ: http://www.europa.int/scadplus/leg/en/lvb/133078.html. Дата доступа: 16.05.2008.

10 *Council Regulation № 2725/2000 of 11 December 2000 concerning the establishment of "Eurodac" for the comparison of fingerprints for the effective application of the Dublin Convention*. Доступ: http://www.europa.eu/

на жительство одновременно в нескольких странах. Данная система введена во всех странах ЕС, а также в Норвегии и Исландии. Дактилоскопированию подвергаются все ходатайствующие об убежище лица старше 14 лет, а данные об отпечатках пальцев хранятся в специально созданной централизованной базе в течение 10 лет. Помимо отпечатков пальцев, пересылаемых государством-членом в Центральное подразделение, пересылается и информация о том, откуда следует лицо, место и дата подачи ходатайства, пол, личный номер, дата снятия отпечатков пальцев, дата пересылки информации в Центральное подразделение.

В своем *Коммюнике 2006 года*[11] Комиссия ЕС подчеркивает, что подобное практическое сотрудничество между государствами-членами в рамках Евродак и Европейского фонда беженцев очень важно и должно улучшить взаимоотношения между странами-членами посредством ознакомления с практикой государств-членов в сфере предоставления убежища. ЕС стремится обеспечить органы, занимающиеся вопросами предоставления убежища, единым для всех стран-участников механизмом средств, позволяющем государствам-членам почувствовать большее доверие друг к другу и тем самым добиться большей сопоставимости в процедурах.

Все вышеназванные инициативы, по мнению Комиссии ЕС, должны способствовать сотрудничеству между странами-участницами в сфере убежища и должны, самое главное, инициировать создание совместных проектов между ними.

scadplus/leg/en/lvb/133081.html. Дата доступа: 19.11.2007.

[11] *Communication from the Commission to the Council and European Parliament on strengthened practical cooperation – New structures, new approaches: improving the quality of decision making in the common European asylum system Union* // [он-лайн] COM(2006) 67 – not published in the Official Journal. Доступ: http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexplus!prod!DocNumber&lg=en&type_doc=COMfinal&an_doc=2006&nu_doc=67. Дата доступа: 16.05.2008.

Антонина Маслыко
(ЕГУ)

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИКЛАДНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Summary: Using such methods as historical, comparative analysis of legal acts the conclusion has been drawn according to which at that very moment legal regulation of sphere of carrying out of biotechnological research and application of their results is fragmentary which can entail such undesirable consequences as violation of human rights and fundamental freedoms of persons involved in given processes. In this connection it is necessary to undertake certain actions directed at the establishment of legal framework of conducting scientific research in the sphere of biotechnologies and application of results of such research as only the creation of an effective legal framework will allow securing the uniform standard of protection of the persons connected with biotechnological research.

Положительные результаты все более ускоряющегося развития научных исследований в сфере биотехнологий сложно переоценить. Но в то же время нельзя не упомянуть о существовании негативных последствий таких исследований.

Существующие правовые документы международного и регионального характера в большинстве своем носят декларативный характер и не являются обязательными для государств. Кон-

венция Совета Европы о правах человека и биомедицине 1997 г. и Дополнительные протоколы к ней на сегодняшний день являются единственными документами, обязательными для государств-участников. Но в них не определен механизм международного сотрудничества при нарушении установленных запретов.

Именно отсутствие международных конвенциональных документов не позволяет должным образом разрешать противоречия между негативными и позитивными последствиями проведения научных исследований в сфере биотехнологий.

Негативные последствия использования научных достижений в сфере биотехнологий могут выражаться в следующем:

- разработка биологического, генетического (этнического) оружия;
- создание «сверхчеловека», разработка средств контроля поведения;
- клонирование человека;
- торговля человеческими органами и тканями под видом результатов терапевтического клонирования;
- развитие индустрии криминальных абортов с целью получения стволовых клеток эмбрионов и др.[1];
- ксенотраснплантология.

Данную деятельность могут осуществлять как государства в целом, так и террористические организации и отдельные индивиды.

Несмотря на действие контрольных механизмов, установленных Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсичного оружия и об их уничтожении 1971 г.[2], существует возможность ведения так называемой «тихой биологической войны», в которой противник даже не узнает, откуда исходит опасность[3].

---

1 Овчинский В.С. *Ужас биотехнологий*. Доступ: http://www.newsinfo.ru/articles/2006-11-28/item/34564. Дата доступа: 22.12.2007.

2 Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсического оружия и об их уничтожении 1971 г. Доступ: http://www.un.org/russian/documen/convents/bacweap.htm. Дата доступа: 20.12.2006.

3 Овчинский В.С. *Указ. соч.*

В настоящий момент нерешенным остается вопрос, связанный с запретом репродуктивного клонирования человека. Всемирная организация здравоохранения впервые рассмотрела вопрос клонирования человека в 1997 г., подтвердив, что «использование клонирования для репликации человека неприемлемо с этической точки зрения и противоречит человеческой целостности и морали»[4]. В следующем году 51-я сессия Всемирной организации здравоохранения вновь подтвердила, что «клонирование для репликации человеческих существ является недопустимым с этической точки зрения и противоречит принципам человеческого достоинства и целостности»[5]. По состоянию на конец 2004 г. приблизительно 35 стран приняли законы, запрещающие клонирование человека. Если некоторые из них запрещают только клонирование в целях воспроизводства и допускают создание клонированных человеческих эмбрионов в научно-исследовательских целях, то другие запрещают создание клонированных эмбрионов в любых целях.

Разработка Международной конвенции против клонирования человека в целях воспроизводства рассматривается в Организации Объединенных Наций с декабря 2001 г. Генеральная Ассамблея на своей 56-й сессии постановила учредить Специальный комитет для рассмотрения вопроса о выработке международной конвенции против клонирования человека в целях воспроизводства[6]. В результате была принята Декларация ООН о клонировании человека 2005 г., но не международная конвенция.

Кроме разработки Международной конвенции против клонирования человека в целях воспроизводства целесообразно также ставить вопрос о разработке Дополнительного протокола к Конвенции ООН против транснациональной организованной

---

4 Resolution WHA50.37. Cloning in human reproduction. Доступ: http://www.who.int/genomics/publications/governance/wha/wha050/en/index.html. Дата доступа: 22.12. 2007.

5 Resolution WHA51.10. Ethical, scientific and social implications of cloning in human health. Доступ: http://www.who.int/genomics/publications/governance/wha/wha061/en/index.html. Дата доступа: 22.12. 2007.

6 Report by the Secretariat of World Health Organization. *Reproductive cloning of human beings: status of the debate in the United Nations General Assembly*. Доступ: http://www.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB115/B115_ID2-en.pdf. Дата доступа: 22.12. 2007.

преступности 2001 г. о незаконном использовании и распространении биотехнологий[7].

Отсутствие международного документа, запрещающего репродуктивное клонирование человека, создает предпосылки для псевдоклонирования человека, а также человеческих органов и тканей. Вполне вероятны случаи заявлений о клонировании человеческих органов, в то время как на самом деле будет осуществляться криминальный оборот реальных органов и тканей человека под видом продуктов клонирования. Также существует вероятность развития индустрии абортов с целью получения эмбрионов для проведения экспериментов со стволовыми клетками.

Следует упомянуть и о такой неурегулированной законодательно проблеме, как ксентотрасплантация – пересадка клеток, тканей и органов от животного к человеку. Развитие технологий трансплантации позволило достичь значительных успехов в сфере трансплантации органов и тканей от человека к человеку. Но в настоящий момент лица, нуждающиеся в трансплантации, вынуждены находиться в списках ожидания в течение слишком длительного времени. В связи этим ведутся дискуссии об использовании технологий, которые в дальнейшем позволят проводить трансплантацию клеток, тканей и органов от животного к человеку. Но следует отметить тот факт, что при проведении ксенотрансплантации существует высокая степень риска передачи вирусов и болезней от животного к человеку, что, в свою очередь, может стать причиной возникновения различного рода пандемий.

Парламентская Ассамблея Совета Европы в своей Рекомендации 1399 (1999) указала на необходимость проведения оценки рисков и преимуществ, которые может создать практика проведения ксенотрансплантации, а также на необходимость поиска методов, способных снизить вероятность передачи таких болезней[8]. Перед тем как закрепить за ксенотрансплантацией статус общепризнанной практики, необходимо разрешить проблемы

[7] Овчинский В.С. *Указ. соч.*

[8] Recommendation 1399 (1999) on Xenotransplantation. Text adopted by the Parliamentary Assembly of the Council of Europe on 29 January 1999 (8th Sitting). Доступ: http://assembly.coe.int/Main.asp?link=http%3A%2F%2Fassembly.coe.int%2FDocuments%2FAdoptedText%2Fta99%2FEREC1399.htm. Дата доступа: 22.12. 2007.

научного, этического, социального и правового характера. В своей Рекомендации Парламентская Ассамблея Совета Европы наложила мораторий на проведение тестирования трансплантатов из органов животных на людях. В 1999 г. для оценки рисков ксенотрансплантации и разработки соответствующих средств защиты Комитет Министров СЕ создал Рабочую группу, функционирующую под совместным руководством Руководящего Комитета по биоэтике и Европейского Комитета по вопросам здравоохранения[9]. По итогам работы Рабочей группой подготовлена Рекомендация Комитета Министров по вопросам ксенотрансплантации, в которой дается понятие ксенотрансплантации, определяются условия проведения научных исследований в данной сфере, закрепляются принципы охраны здоровья населения, устанавливается запрет на использование отдельных видов животных и др.[10]

Наличие вышеназванных негативных последствий использования результатов научных исследований в сфере биотехнологий свидетельствует о том, что государства должны принимать как на национальном, так и на международном уровнях надлежащие меры для борьбы с биотерроризмом и незаконным оборотом органов, тканей, образцов, генетических ресурсов и генетических материалов (ст. 21 Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека 2005 г.).

Генеральный секретарь ООН в своем докладе «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии» указывает на то, что вероятность использования террористами биологического оружия является «самой важной недооцениваемой угрозой, связанной с терроризмом, для устранения которой остро необходимы новые под-

---

9 Explanatory Report to Recommendation Rec (2003)10 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member states on xenotransplantation. Доступ: http://www.coe.int/t/e/legal_affairs/legal_cooperation/bioethics/activities/xenotransplantation/INF_2003_12e%20xeno%20ER.pdf. Дата доступа: 22.12. 2007.

10 Recommendation Rec(2003)10 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member states on xenotransplantation (Adopted by the Committee of Ministers on 19 June 2003 at the 844th meeting of the Ministers' Deputies). Доступ: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=45827&Site=CM&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75. Дата доступа: 22.12. 2007.

ходы со стороны международного сообщества»[11]. Предотвращение биотерроризма требует новаторских решений, отвечающих конкретному характеру угрозы. Биотехнологии отличаются от ядерных технологий. Вскоре десятки тысяч лабораторий во всем мире станут частью многомиллиардной индустрии. Даже студенты, работающие в небольших лабораториях, будут способны изменять гены. Многие государства-члены рассматривают биологическое оружие как угрозу, исходящую от государств, должную защиту от которой дает Конвенция о биологическом оружии 1971 г. Но в то же время необходимо предпринимать дополнительные меры, направленные на урегулирование деятельности негосударственных субъектов.

В настоящее время гражданское общество предпринимает новые усилия по решению данной проблемы. Международный комитет Красного Креста стремится привлечь внимание правительств, промышленности и ученых кругов к этой проблеме. Международный центр генной инженерии и биотехнологии совместно с различными национальными академиями наук разработал проект кодекса поведения ученых, работающих в области биотехнологий[12].

Эти усилия следует приветствовать, однако, если их не объединить, их эффект будет разрозненным. В настоящий момент все действия должны быть направлены на обеспечение использования прогресса в области биотехнологий на общее благо. Такие усилия должны обеспечить, чтобы ничто не препятствовало получению потенциальных положительных выгод от этих технологий.

В Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи № 60/288 от 20 сентября 2006 г.[13], подчеркивается важное значение предложения Генерального секретаря ООН об

---

11 Доклад Генерального секретаря ООН «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии». Доступ: http://www.un.org/russian/unitingagainstterrorism/ch3.html. Дата доступа: 22.12. 2007.

12 Там же.

13 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/Res/60/288 «Глобальная контртеррористическая стратегия ООН». Доступ: http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/504/90/PDF/N0550490.pdf?OpenElement. Дата доступа: 22.12. 2007.

объединении при содействии ООН усилий основных заинтересованных сторон в сфере биотехнологий, включая промышленные и научные круги, гражданское общество и правительства, в рамках единой программы, направленной на обеспечение использования достижений в области биотехнологий только для общего блага, а не в террористических или иных преступных целях, при должном соблюдении основополагающих международных норм защиты прав интеллектуальной собственности.

В качестве одной из мер по борьбе с биотерроризмом Глобальная контртеррористическая стратегия предлагает ООН совместно с государствами-членами создать единую всеобъемлющую базу данных о биологических инцидентах, с тем, чтобы данная база дополняла базу данных о биологических преступлениях, которую планирует создать Международная организация уголовной полиции.

В расширенном рабочем документе по вопросам прав человека и биоэтики Комиссии по правам человека Экономического и социального Совета ООН[14] высказаны рекомендации, которые подтверждают необходимость создания транснационального форума, объединяющего представителей государств, а также частных организаций и отдельных индивидов. Деятельность данного форума должна быть направлена на создание правового поля, способного сдерживать проявление негативных последствий использования научных достижений в сфере биотехнологий.

Комиссия по правам человека еще в 2003 г. подчеркивала важность признания репродуктивного клонирования человека уголовным преступлением и высказывалась за включение его в перечень преступлений, рассматриваемых Международным уголовным судом[15]. Существующая угроза злоупотребления возможностью проводить различные генетические манипуляции в отношении генов человека может выразиться в массовых нарушениях прав человека.

---

[14] Expanded working paper. Commission on Human Rights. E/CN.4/Sub.2/2003/36 10 July 2003 // [он-лайн] *Specific Human Rights Issues. Human Rights and Bioethics*. Доступ: http://www.unhchr.ch/huridocda/huridoca.nsf/e06a5300f90fa0238025668700518ca4/1e9835c523cdefdbc1256d7c0040e256/$FILE/G0314919.pdf. Дата доступа: 22.12. 2007.

[15] Там же.

В результате бурного развития научных исследований в сфере биотехнологий перед человечеством открываются новые возможности, использование которых в свою очередь порождает массу правовых и этических вопросов. В поисках ответов на эти вопросы мировому сообществу необходимо объединить свои усилия по всем возможным направлениям: разработка и внедрение новых международно-правовых стандартов универсального характера, направленных на предупреждение теневого (криминального) использования биотехнологий, а также стандартов сотрудничества в сфере борьбы с криминальным использованием биотехнологий.

Маргарита Жесько
(ЕГУ)

(НЕ)ПРАВОМЕРНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Summary: Presently, we are fairly often faced with the possibility of property rights restriction. Not always this restriction has the lawful and sound reason. Frequently states exceed their powers in the sphere of regulation of right of property. In the article there are described certain variants of restriction of right of property and analyzed how lawful they are.

Эволюция и современное содержание понятия права собственности. Право собственности понимается по-разному. Его неодинаково трактуют сегодня, оно имело разные смыслы на протяжении развития истории. Так, древнейшему римскому праву единое понятие собственности вообще не было известно. Она первоначально обозначалась как «моя вещь» или «наша вещь». Понятие «собственность» как частно-правовое понятие впервые начало использоваться в конце классического периода в III в. н.э., и определялось термином *proprietes*. Собственность обозначалась формулой *plena in re potestas*, что означало «полное господство над имуществом». Содержание права собственности заключалось в возможности собственника осуществлять действия со своим имуществом: пользоваться собственностью, получать доходы из пользования имуществом в виде естественных плодов либо цивильных доходов, и распоряжаться своим имуществом. Но, хотя собственность и предполагала полное господство над вещью, тем не менее, уже в то время пользование

собственностью имело некоторые ограничения. Так, были частноправовые (пассивные) ограничения, которые заключались в воздержании хозяина от конкретных действий. Также выделялись и публично-правовые ограничения – позитивные. Они требовали от собственника активных действий.

Представители же школы естественного права, в частности Гуго Гроций (1583–1645) и Джон Локк (1632–1704), объясняли возникновение собственности через естественное право и общественный договор. Частная собственность, согласно Локку и Гроцию, наравне с правом на жизнь, свободу и равенство, является естественным правом человека, неотчуждаемым и неприкосновенным, данным ему от рождения и в силу самого факта рождения.

В современной науке право собственности также трактуется по-разному, и зачастую можно столкнуться с некоторыми противоречиями. Так, доктор юридических наук С.И. Архипов в своей статье «Проблема права собственности» выделяет следующие проблемы в определении понятия права собственности: «Во-первых, право собственности понимается как право господства лица над вещью. Но тем самым юристы покидают почву права, поскольку право есть отношение произвола к произволу, лица к лицу, а не лица в вещи (И. Кант). Во-вторых, право собственности традиционно понимается как неограниченное и исключительное право, в то же время, любое право всегда ограниченно, является мерой дозволенного в поведении. В-третьих, его содержание определяется через триаду правомочий собственника: права владения, пользования и распоряжения вещью; при этом допускается, что лицо может передать все три указанных правомочия другим лицам, оставаясь собственником вещи. Следовательно, эти правомочия не раскрывают действительного содержания права собственности, поскольку оно при их отсутствии не исчезает...»[1]. Кроме того, Архипов отмечает противоречия в том, что закреплено в науке и что есть на самом деле. Наука анализирует лишь абсолютные правоотношения, в которых рассматривается только одна сторона, а именно собственник, который имеет ряд обязанных перед ним лиц. В

[1] Архипов С.И. Проблема права собственности // *Известия вузов. Правоведение*. 2007. № 1. С. 43–62.

реальной же жизни обязанные лица не знают о существовании собственника, его вещи и связанных с ней обязательствами.

Ограничение права собственности и его виды. Несмотря на то, что право собственности обычно закреплено в конституции, тем не менее все реже можно встретить формулировки о неприкосновенности частной собственности. Вместо этого выдвигается идея о том, что собственность выполняет социальные функции и что собственника собственность обязывает (конституции Италии, Германии). Право собственности обязывает собственника в действиях со своей собственностью учитывать не только свои интересы, но и интересы общества. Установление пределов права собственности и содержание права собственности с учетом интересов и собственника, и третьих лиц есть задача любого правового государства. Однако как бы хорошо государство ни справлялось с этой задачей, всякие ограничения права собственности влекут за собой множество столкновений. С точки зрения собственника, ограничение права собственности может рассматриваться как ограничение его свободы и самостоятельности. С точки зрения общества, ограничение права собственности необходимо во избежание недобросовестных действий собственника либо для обеспечения общественных интересов.

Ограничение прав собственности может происходить как в пассивной, так и в активной форме. Так, активными ограничениями являются прямые запреты. Поскольку невозможно дать полного перечня правомочий собственника, то ограничения прав собственности осуществляются посредством запретов на конкретные действия собственника со своим имуществом. Также в конституциях закреплена возможность изъятия собственности для государственных нужд в пользу общественных интересов. Причем если в некоторых странах, к примеру в США, собственность может отбираться для общего пользования только со справедливым возмещением стоимости собственности (5-я поправка к Конституции США), то в некоторых странах, например в Беларуси, в определенных случаях собственность отчуждается в безвозмездное пользование (ст. 6.7 КОАП РБ, ст. 16.2 ПИКАП РБ). Кроме того, возможна национализация субъектов хозяйствования, которые обслуживают общественные нужды. К таким субъектам относятся энергетика, связь, транспорт, газ, вода и т.д.

Стоит заметить, что на практике такие положения интерпретируются достаточно широко. Такого рода национализации проходили во Франции, Италии, Великобритании. В условиях военного положения возможно временное изъятие собственности, например, для целей обороны.

Кроме таких активных вмешательств государства в сферу осуществления права собственности есть еще и пассивные формы, которые ограничивают само право собственности. Так, например, во многих государствах иностранцы не могут приобретать землю и природные подземные богатства. Кроме того, бывает так, что из гражданского оборота изъяты отдельные объекты либо они не могут находиться в собственности отдельных лиц[2].

Все перечисленные приемы и действия в большей или меньшей степени ограничивают права собственников. Более того, если посмотреть, как изменилось законодательство по вопросам права собственности в странах Европы по сравнению с XIX в., то можно прийти к выводу, что постепенно право собственности ограничивается все больше. Так, в XIX в. сущность института права собственности «усматривали в простом распределении материальных благ и не уделяли особого внимания их использованию. При таком подходе собственник мог произвольно уничтожать свое имущество и безгранично им распоряжаться. В последующем по мере развития общественного производства с расширением круга объектов собственности центр внимания юридической науки сместился от вопросов владения имуществом к вопросам его пользования и распоряжения. Обществу уже не безразлично, каким образом используются объекты природы, имущественные комплексы с правами юридического лица с точки зрения государственной безопасности, окружающей природной среды, интересов трудового коллектива и т. д.»[3]. Таким образом, пределы осуществления прав собственности постепенно сужаются.

Конкретный пример ограничения права собственности. В качестве примера рассмотрим возможность изъятия земельных участков в Германии. Так, согласно Основному закону ФРГ

---

[2] Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. Учеб. М., 1997. С. 64–65.

[3] Камышанский В.П. Право собственности: пределы и ограничения. М., 2000. С. 67–68.

(п. 3 ст. 14) существует возможность изъятия земельных участков в случаях, если того потребуют интересы общества. Земельные участки могут быть изъяты в пользу федерации, муниципалитетов или организации публичного права. Также допустимо изъятие земельных участков в пользу частных лиц, которые осуществляют конкретные задачи в интересах общества. Интересы общества могут быть следующими: строительство, несущее общественную пользу (объекты общего пользования: дороги, аэропорты, объекты промышленности, энергетики, связи, объекты социального назначения), обеспечение нужд безопасности и обороны, оптимизация границ земельных участков. Кроме того, причинами изъятия земельных участков являются охрана природы, пресечение экологических нарушений, недопущение нерационального использования земли, недопущение выбытия земли из хозяйственного оборота. Изъятая собственность подлежит обязательной компенсации, размер которой определяет закон. Решение об изъятии земельного участка можно обжаловать. Однако, как показывает практика, такие дела могут быть затяжными и длятся несколько лет[4].

Выводы. Очевидно, что сегодня право собственности имеет широкий круг ограничений. Часто законодатели и правоприменители, ориентируясь на общественное благо, забывают, что защищаемое право собственности отдельного индивида также есть общественное благо. Как же провести эту границу между интересами общества и интересами отдельного индивида? На этот вопрос нет конкретного ответа. В любом случае критериями этих границ должны быть: разумность цели, соответствие законодательству, необходимость в демократическом обществе. Действительно ли конкретное ограничение настолько важно для общества, что можно поступиться интересами отдельного лица, и будет ли это решением пропорциональным?

---

[4] Герасин С.И. Изъятие земельных участков в общественных интересах по законодательству Германии // *Государство и право*. 2005. № 2. С. 59–66.

Юлия Гритченко
(ЕГУ)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФРАНЧАЙЗИНГА: ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В РАМКАХ ДОГОВОРА ФРАНЧАЙЗИНГА

Summary: Franchising is developing in the countries with different legal systems and processes of a formulation of the general conditions of contract-enterprise activity. And in accordance with the fact that conclusion of franchising contracts in the international commercial turn gets eventually increasing distribution, problems of the coordination of approaches in regulation of this legal institute in various legal systems become more and more actual. A large quantity of difficulties which businessmens face by entering franchising relations with foreign counterparts, shows obvious necessity to consider franchising as international legal phenomenon. That's why it is necessary to give special attention to a so-called principle of conscientiousness in sphere of franchising relations.

Франчайзинг развивается в странах с разными правовыми системами и процессами формулирования общих условий договорно-предпринимательской деятельности. А в свете того, что заключение договоров франчайзинга с течением времени приобретает все большее распространение в международном коммерческом обороте, то все более актуальными становятся проблемы согласования подходов различных правовых систем в регулировании данного правового института. Огромное количество трудностей, с которыми сталкиваются предприниматели, вступая в отношения франчайзинга с иностранными контраген-

тами, делает очевидной необходимость рассмотрения франчайзинга как международно-правового феномена. Особое внимание следует уделить так называемому принципу добросовестности в сфере франчайзинговых правоотношений.

Так, например, американским участникам франчайзинговых сетей хорошо известно о принципе добросовестности и справедливой торговли и их роли в сфере национального франчайзинга и дистрибьюторских отношений. Однако за пределами США франчайзеры и поставщики сталкиваются с большим многообразием форм данного принципа. Эта проблема даже была в центре обсуждения «круглого стола» в рамках 21-й Ежегодной франчайзинговой конференции (Вашингтон, 2004) [1], проводимой Международной ассоциацией франчайзинга и Международной ассоциацией юристов.

Как уже было отмечено, правовое регулирование франчайзинговых отношений во многом определяется тем, к какой правовой системе относится отдельная страна: к системе общего или континентального права. Не исключение в данном случае и степень влияния принципа добросовестности в сфере франчайзинга.

Так, в США особую группу актов франшизного законодательства составляют законы, которые содержат положения о «справедливых» или «добросовестных» обязательствах сторон договора франчайзинга. Эти нормы были закреплены в федеральных законах об автомобильном дилерском франчайзинге (Automobile Dealer Franchise Act, 15 U.S.C. § 1221–1226 (2004)) [2, *117*] и о нефтесбытовой рыночной практике (The Petroleum Marketing Practices Act, 15 U.S.C. § 2801–2806 (2004)) [2, *118*], касающихся ограничений права франчайзера досрочно прекращать франшизные соглашения и права не возобновлять соглашения с истечением срока действия.

Первым штатом, который принял такой закон, был Делавер. Позже были приняты законы «О франшизных инвестициях» (Гавайи), «О защите франшизных инвестиций» (Вашингтон), «О франшизной практике» (Нью-Джерси и Айова), «О справедливых дилерских отношениях» (Висконсин) [3, *125*]. В начале 1990-х гг. такие законы действовали уже в 17 штатах США, сегодня – в более чем 20 штатах.

Принцип справедливости и добросовестности заложен изначально в Единообразном торговом кодексе США в ст. 1–103 (b) [4, *27*].

Обязательства по соблюдению принципа добросовестности и честной торговли в контексте франчайзинга для Канады – достаточно новое явление. В отличие от Квебека (в котором действует система континентального права), франчайзинговое законодательство Онтарио и Альберты предписывает обеим сторонам франчайзингового договора обязанность соблюдать принцип справедливой торговли (Alberta Franchises Act § 7; Arthur Wishart Act (Franchise Disclosure), 2000, S.O. 2000, § 3) [1].

На практике же правительства провинций (исключая Квебек) предложили осторожно использовать общий принцип добросовестности (или любой его эквивалент) с тем, чтобы роль данного принципа в регулировании франчайзинга была меньшей, нежели в США.

Иная ситуация наблюдается в континентальной правовой системе. Несмотря на отсутствие четкой и единой юридической формулировки принципа добросовестности и справедливой торговли, сам принцип присутствует в большинстве национальных правовых систем стран континентального права, в том числе в странах Европейского Союза. Государства – члены ЕС поразному адаптировали данный принцип к национальному законодательству. В Германии, например, принцип добросовестности и справедливой торговли играет существенную, а зачастую и первостепенную, роль в трактовке условий франчайзинговых договоров. Наряду с Германией, в праве Франции и Италии существует ограничение на включение в условия франчайзингового договора формулировки «на усмотрение франчайзера», так как она может быть причиной того, что суды (прямо или косвенно применяя принцип добросовестности) будут склоняться на сторону франчайзи и игнорировать или минимизировать влияние такого рода усмотрения [1].

Принцип добросовестности также присутствует на общеевропейском уровне в виде Принципов Европейского контрактного права, которые призваны четко определять требования соблюдения добросовестности, порядочности и благоразумия в коммерческом обороте [1].

Таким образом, и система общего права, и система континентального права признают принцип добросовестности в сфере франчайзинга. Однако воздействие данного принципа на франчайзинговые отношения различно. Система общего права в целом и американские суды в частности рассматривают принцип добросовестности как подразумеваемое соглашение в рамках договора франчайзинга между франчайзером и франчайзи. В результате этого франчайзер зачастую может, основываясь на данном соглашении, явно ограничивать права франчайзи или расширять собственные права. В праве стран континентальной правовой системы, наоборот, принцип добросовестности избегает письменной формулировки «на усмотрение франчайзера» и закрепляет требование соблюдения принципа благоразумия в франчайзинговых отношениях.

В белорусском праве принцип добросовестности сформулирован в Гражданском кодексе Республики Беларусь в ст. 2 как принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений: «... добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается, поскольку не установлено иное» [5].

Однако в рамках правового регулирования франчайзинговых отношений данный принцип, как и в большинстве национальных законодательств, не продублирован, что является одной из характерных особенностей национального права в сфере предпринимательства и торговли.

Литература и источники

1. Gray, Plant, Mooty, Mooty & Bennett P.A. The many faces of good faith in international franchising and distribution relationships // [Electronic resource] *GPMemo-International*. July 2004. Code of access: http://www.gpmlaw.com/attorneys/publications.html. Date of access: 17.09.2007.
2. Сосна С.А., Васильева Е.Н. Франчайзинг. Коммерческая концессия. М., 2005.
3. Wiechorek D. The Jowa Franchise Law 1995 Amendment and Some Proposals for 1996 // *Franchise Law Journal*. 1995. T. 15. № 43. P. 125–147.
4. Единообразный торговый кодекс США / Пер. с англ. А.Н. Жильцова. М., 1996.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З.

Ольга Белая
(ЕГУ)

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО ДОГОВОРА ЧЕРЕЗ СЕТЬ ИНТЕРНЕТ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НА ПРАКТИКЕ

Summary: General procedure of concluding a contract is that one of the Parties sends its offer to conclude a contract to the other Party, which accepts the offer to conclude a contract after receiving the offer. There are two main methods of concluding contracts via the Internet (but not the only one), namely concluding a contract using e-mail through the e-letters exchange and concluding a contract using web-sites. While concluding a contract using e-mail there can be problems with defining the precise moment of receiving the e-letter. While concluding a contract using web sites there is a problem of differentiating between offers and the proposal to make an offer. To avoid problems, the information about what these offers constitute of can be placed on the web site itself. Besides, the interpretation of a public offer is not unified in the legal systems of different countries.

Регулирование процедуры заключения договора крайне важно, поскольку именно подобное регламентирование дает возможность в будущем избежать сложностей, связанных с исполнением договора и признанием его действительности. Процесс заключения договора направлен на достижение между сторонами соглашения по всем существенным условиям договора. При этом заключение договора, исходя из природы этой

гражданско-правовой конструкции, предполагает выражение воли каждой из сторон (волеизъявление) и ее совпадение, то есть для достижения конкретного правового результата воля одного лица должна совпадать с волей другого лица.

Общий порядок заключения договора, рассматриваемый в настоящей статье, состоит в том, что одна из сторон направляет другой свое предложение о заключении договора (оферту), а другая сторона, получив оферту, принимает предложение заключить договор. В самом общем виде оферту можно определить как коммерческое предложение заключить договор, которое потенциальная сторона сделки направляет одному или нескольким возможным контрагентам с целью заключения договора [1, *123*]. Сторона, которая направляет коммерческое предложение заключить договор, называется оферентом. Акцепт представляет собой согласие адресата оферты с офертой. Правила по поводу принятия акцепта могут отличаться в разных странах и зависеть, в частности, от способа доставки сообщения с предложением заключить договор.

В мировой коммерческой практике распространена трактовка оферты как заявления о намерении заключить контракт. Такой подход к сути оферты можно раскрыть на следующем примере договора купли-продажи (поставки): оферту может направлять как продавец возможному покупателю, так и покупатель продавцу, причем оферта должна содержать как минимум все существенные условия договора.

Заключение договора через сеть Интернет имеет ряд особенностей, связанных со спецификой среды, в которой осуществляются взаимоотношения между сторонами. Двумя основными способами заключения договора посредством сети Интернет (но не единственными) являются:

а) заключение договора с использованием электронной почты через обмен электронными письмами-сообщениями;

б) заключение договора с использованием веб-сайтов.

Данные способы существенно отличаются друг от друга. Первый способ предполагает направление посредством электронной почты электронного письма с предложением заключить договор на определенных условиях или проекта договора. Такое направление электронного письма или проекта договора будет являться офертой. При этом направляемое электронное письмо

или проект договора должны соответствовать требованиям, предъявляемым к оферте.

За некоторыми исключениями электронную почту можно рассматривать как цифровой аналог обычной почты. Так, контакты между сторонами при заключении сделки осуществляются с помощью электронного средства связи (сети Интернет), вместо традиционного, бумажного, документа используется электронный документ, который подписывается электронной подписью. При передаче информация не сохраняет своего вида (набора букв, цифр и других символов), а трансформируется в набор данных (цифр), который потом расшифровывается. Передача договора, заключаемого с помощью сети Интернет, осуществляется не путем простого физического вручения, а через компьютерную сеть. Электронная почта существенно быстрее обычной.

При заключении договора через сеть Интернет с использованием электронной почты могут возникнуть сложности с определением момента получения электронного письма: считается ли оно полученным с момента получения провайдером адресата или только с момента доставки на компьютер адресата? Согласно Директиве 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета от 8 июня 2000 г. «О некоторых правовых аспектах услуг информационного общества, в том числе электронной коммерции, на внутреннем рынке» (далее – Директива об электронной коммерции) заказ и подтверждение поступления заказа считаются полученными, когда у лиц, которым они адресованы, появилась возможность доступа к ним [2]. Однако Директива об электронной коммерции не разъясняет, будет ли считаться достаточным поступление соответствующего сообщения провайдеру получателя, от которого получатель может забрать сообщение в любое время, или необходимо, чтобы сообщение поступило на компьютер получателя. Следует предположить, что снизить связанные с такими расхождениями в подходах риски поможет подробное изложение условий взаимодействия сторон, порядка заключения договора, а также указание наиболее важных условий в направляемых сторонами друг другу сообщениях. При этом можно порекомендовать включить эти условия в само сообщение, а не прикреплять в виде дополнительных файлов, которые могут быть утрачены при пересылке (например, некоторые

программы удаляют из пересылаемого по электронной почте письма прикрепленные файлы определенного вида). Таким образом, при заключении договора с использованием электронной почты через обмен электронными письмами-сообщениями сторонам необходимо четко знать, что является моментом отправления и получения электронного сообщения.

Второй способ – заключение договора с использованием веб-сайтов (веб-сайт, сайт – место расположения информационного наполнения сервера [3, *513*]; сервер – устройство, ориентированное на работу в режиме сети Интернет и, в частности, хранящее и представляющее во внешнюю сеть данные, организованные в виде веб-страниц [3, *513*]; веб-страница – страница сервера [3, *513*]) путем нажатия обусловленного символа на веб-странице (щелчка по иконке[1]). Какое-либо лицо предлагает свои товары и услуги, размещая информацию о них в графическом, текстовом или звуковом формате на интернет-странице (понятие «интернет-страница» – синоним понятия «веб-страница»). Другое лицо, желающее воспользоваться размещенным предложением (клиент, заказчик), заполняет на этом же сайте некую форму, указывая сведения о себе и, если это необходимо и/или возможно, определяет условия договора и подписывает эту форму электронной подписью. Вместо использования электронной подписи возможно введение номера кредитной карточки, банковского счета либо иных личных (персональных) данных, позволяющих достоверно установить конкретное лицо, заключающее договор. Если клиент не введет какую-либо идентифицирующую его информацию, возможно предположить, что в такой ситуации из-за невозможности установления заключающего договор лица договор будет считаться не заключенным, так как при использовании компьютера, заполнении определенной формы и нажатии кнопки-символа «согласен» («Submit», «I Agree») возможно точно установить лишь IP-адрес (IP-адрес – 32-битная цифровая система, разработанная для идентификации сетевых компьютеров в сети Интернет. Состоит их четырех наборов чисел. В десятичной форме каждое число может принимать значение от 0 до 225 и отделяется от других точкой, например: 128.56.211.209 [3, *502*]), с которого был осуществлен вы-

[1] «Щелчок по иконке» (англ. *click-wrap*) – это неустоявшийся термин, можно встретить также «клик по иконке» и др.

ход в сеть Интернет, заполнена форма и нажата кнопка-символ «согласен».

После заполнения формы клиент нажимает помещенную, как правило, в конце формы кнопку-символ «согласен», «Submit» или «I Agree». Согласие клиента на заключение договора может выражаться не в нажатии кнопки-символа «согласен» («Submit», «I Agree»), а во введении номера кредитной карточки, банковского счета либо иных данных, позволяющих достоверно установить лицо, заключающее договор. Информация, предоставленная клиентом, поступает на сервер. Иногда с сервера может приходить подтверждение полученной информации.

Форма выражения акцепта посредством щелчка по иконке представляется возможной и не противоречащей законодательству Республики Беларусь. С недавнего времени такой способ заключения договоров признается и за рубежом. В частности, в США возможность заключения таких договоров впервые была подтверждена в одном из дел, рассматриваемых в Калифорнии в 1998 г. [4, *336*].

При заключении договора с использованием веб-сайтов возникает проблема разграничения собственно оферты и предложения делать оферты (вызова на оферту). Так, согласно п. 2 ст. 14 Конвенции Организации Объединенных Наций от 11 апреля 1980 г. «О договорах международной купли-продажи товаров» (далее – Конвенция о международной купле-продаже) предложение, адресованное неопределенному кругу лиц, рассматривается лишь как приглашение делать оферты, если только иное прямо не указано лицом, сделавшим такое предложение [5, *183–200*]. Таким образом, если используемое в Конвенции о международной купле-продаже понятие «оферта» перенести в электронную среду, то компания, размещающая в сети Интернет или в других открытых сетях информацию о своих товарах (работах, услугах), должна рассматриваться лишь как приглашающая делать оферты лицам, имеющим доступ к соответствующему сайту. В таком случае предложение товаров или услуг через Интернет не представляет собой оферту. По законодательству Республики Беларусь содержащее все существенные условия договора предложение, из которого усматривается воля лица, делающего предложение, заключить договор на указанных в предложении условиях с любым, кто отзовется, призна-

ется публичной офертой (п. 2 ст. 407 ГК Республики Беларусь). В то же время реклама и иные предложения, адресованные неопределенному кругу лиц, рассматриваются как приглашения делать оферты, если иное не указано в предложении (п. 1 ст. 407 ГК Республики Беларусь).

Во избежание проблемных ситуаций, связанных с толкованием того, является ли размещенное на сайте предложение товаров (работ, услуг) офертой или только приглашением делать оферту, владелец сайта может поместить на сайте информацию о том, чем на самом деле являются такие предложения.

Следует иметь в виду, что существенные условия сделки не всегда поддаются однозначному определению одной стороной. Например, существенным условием одного из наиболее распространенных договоров купли-продажи является количество товара (п. 1 ст. 14 Конвенции о международной купле-продаже товаров, п. 3 ст. 425 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Покупателю дается возможность определить количество приобретаемого товара в бланке заказа. В таком случае веб-страница содержит предложение делать оферты, а заполненный и отправленный бланк заказа – оферту.

Трактовка публичной оферты не единообразна в правовых системах различных стран. Хрестоматийным является пример о выставленном в магазине товаре с указанием его цены. Например, согласно законодательству ФРГ, США такое выставление товара квалифицируется как приглашение делать оферты. Офертой будет высказанное желание приобрести товар. В то же время печатные издания и телевизионные демонстрации, содержащие существенные условия договора, везде признаются публичной офертой. Необходимо иметь в виду, что публичные оферты, как правило, применяются во внутренней торговле. Для международной купли-продажи не характерен приводимый пример публичной оферты в форме выставления товара в витрине с указанием его цены. Белорусским субъектам хозяйствования при заключении внешнеэкономического договора следует также помнить императивные требования Указа Президента Республики Беларусь № 7 от 04 января 2000 г. «О совершенствовании порядка проведения и контроля внешнеторговых операций» (с изменениями и дополнениями) [6]. В названном указе содержится

перечень условий, который должен содержать внешнеэкономический контракт.

Приведенное выше расхождение в различных правовых системах порождает определенные сложности при заключении международного коммерческого договора через Интернет и при разрешении споров между участниками электронной торговли, которые находятся физически под юрисдикцией разных государств.

Чем же является предложение, размещенное на веб-сайте? В результате анализа технических особенностей Интернета напрашивается вывод о том, что, скорее всего, оно все же ближе к выставленному в магазине товару. Покупатель имеет возможность приобрести товар или услугу, не покидая интернет-страницу, а при покупке, например, компьютерной программы может даже протестировать ее. Представляется, что такой подход наиболее благоприятен для тех, кто размещает в сети Интернет предложение о продаже товара (услуги). Однако в данном случае следует также не забывать о разных подходах в национальных законодательствах к выставленному в магазине товару.

Высказывается мнение, что парадигма «приглашение к переговорам» может и не подходить для бездумного перенесения в условия Интернета [7, *4*]. Один из возможных критериев для проведения различия между связывающей офертой и приглашением к переговорам может основываться на характере прикладных систем, используемых сторонами.

Так или иначе в большинстве государств, также и в Республике Беларусь, этот вопрос еще не нашел своего закрепления в национальном законодательстве. В любом случае при заключении договора с использованием веб-страниц необходимо помнить, что законодательства государств, под юрисдикцией которых находится деятельность интернет-сайта, могут использовать разные трактовки предложений, помещенных на сайте. Так, в Германии размещенная на сайте информация признается приглашением делать оферты, это связано с общим признанием выставления товаров в магазине, например в витрине, «вызовом на оферту».

Довольно часто интернет-предложения содержат не все существенные условия и являются приглашением делать оферты. В этом случае клиент заполняет форму, определяя в ней недо-

стающие условия, вводит иные необходимые данные (номер кредитной карточки, банковского счета и т.д.), а затем отправляет ее, нажимая, как правило, кнопку «Согласен». Эта заполненная форма – оферта. Значит, для того, чтобы договор считался заключенным, необходимо получение клиентом подтверждения лица, распространяющего товары (работы, услуги) через данный сайт, о согласии заключить договор на изложенных в форме условиях, то есть необходимо получение акцепта. На практике создание и направление акцепта в такой ситуации занимает довольно-таки малый промежуток времени.

Таким образом, заключение договора через сеть Интернет возможно с использованием двух описанных выше способов. Договор считается заключенным с момента получения лицом, направившим оферту, ее акцепта или с момента подписания договора акцептантом электронной подписью. Однако из этого правила есть исключения: моментом заключения реального договора, все существенные условия которого оговорены на сайте, все равно является момент фактической передачи имущества, которую в большинстве случаев невозможно осуществить по сети (для заключения реального договора кроме достижения соглашения сторон требуется еще и передача предмета договора). В том случае, если какой-либо договор требует нотариального заверения или государственной регистрации, то он вступает в силу только с момента осуществления соответствующих действий, которые в Интернете пока не производятся. Исключением также является почтовое правило англо-саксонской системы права, в соответствии с которым если оферта предусматривает направление акцепта по почте, то акцепт приобретает юридическую силу с момента отправления, а не с момента получения.

Литература и источники

1. Внешнеэкономическая деятельность: Учеб. / Ю.М. Ростовский, В.Ю. Гречков. М., 2004.
2. О некоторых правовых аспектах услуг информационного общества, в том числе электронной коммерции, на внутреннем рынке: Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета от 8 июня 2000 г. // Шамраев А.В. Правовое регулирование информационных

технологий (анализ проблем и основные документы). Версия 1.0. М., 2003. С. 317–327.
3. Воройский С.С. Информатика. Новый систематизированный толковый словарь-справочник (Введение в современные информационные и телекоммуникационные технологии в терминах и фактах). 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
4. Калятин В.О. Право в сфере Интернета. М., 2004.
5. О договорах международной купли-продажи товаров: Конвенция Организации Объединенных Наций, 11 апреля 1980 г. // Международное частное право. Сб. нормат. актов / Сост. Г.К. Дмитриева, М.В. Филимонова. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004.
6. О совершенствовании порядка проведения и контроля внешнеторговых операций: Указ Президента Республики Беларусь от 4 января 2000 г. № 7 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Минск, 2008.
7. Электронное заключение договоров: справочная информация. Записка Секретариата Комиссии ОНН по праву международной торговли. 2003. Режим доступа: http://www.uncitral.org/stable/wg4-wp104add1-r.pdf.

Татьяна Беляева
(ЕГУ)

ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ ПОРЯДКА СОВЕРШЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ОБЩЕСТВОМ СДЕЛОК С ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬЮ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АФФИЛИРОВАННЫХ ЛИЦ

Summary: The institution of Affiliated Persons deals with a particular sensitive problem related to such issues as the corporate structure of the companies, protection of the minority shareholders and responsibility of the group of companies as well as the directors liability. The legal concept of the affiliated persons is well known in many legal traditions. However it does not mean that it raises no problem at all or it is no longer subject of discussions and academic disputes. In thesis took place the overview of the contracts and relations with the affiliated persons and their legal assessment. Finally it is important to discuss legal instrument related to the protection of all stakeholders and companies themselves in the case when contracts are concluded with the affiliated persons.

Одним из инструментов баланса интересов между участниками хозяйственного общества является институт сделок с заинтересованностью. Идея данного института весьма проста – поставить все сделки хозяйственного общества, выгоду от которых может извлечь лицо, оказывающее или способное оказывать непосредственное влияние на управление обществом, под контроль всех акционеров через введение специальной процедуры их одобрения.

Как правило, последствия несоблюдения процедуры заключения сделок с заинтересованностью аффилированных лиц заключаются в том, что:

1) сделка, в совершении которой имеется заинтересованность, совершенная с нарушением предусмотренных требований, может быть признана недействительной по иску общества или акционера. При этом последствия признания сделки недействительной остаются неблагоприятными для сторон, так как в большинстве случаев обусловлены двусторонней реституцией;

2) заинтересованное лицо несет перед обществом ответственность в размере убытков, причиненных им обществу.

Неоднозначным является вопрос о том, какие именно нарушения относительно порядка совершения сделок, в отношении которых имеется заинтересованность, могут являться существенными для признания сделки недействительной. В зарубежном законодательстве, например, одним из основных условий удовлетворения исков о признании таких сделок недействительными служит наступление для общества неблагоприятных последствий в связи с произведенной сделкой. Так, согласно Закону о торговых товариществах Франции[1], сделки с заинтересованностью, заключенные без предварительного разрешения Совета директоров, могут быть аннулированы, если такие соглашения имели неблагоприятные последствия для корпорации. Наступление неблагоприятных последствий требуется и для удовлетворения исков к директорам о возмещении ущерба.

В Акционерном Законе ФРГ[2] реституция по сделкам с заинтересованностью ничем не обусловлена, но право Германии относит к сделкам с заинтересованностью очень узкую группу сделок. По искам акционеров к директорам акционеры должны обязательно доказать причинение ущерба, причем не обществу, а им самим.

В английском праве наличие ущерба для признания сделки с заинтересованностью недействительной не требуется, однако

---

1 Ст. 105 Закона о торговых товариществах Франции // Акционерное общество и товарищество с ограниченной ответственностью: Сб. зарубеж. законодательства / Сост. В.А. Туманов. М.: БЕК, 1995. С. 184–185.

2 Акционерный закон ФРГ от 6 сентября 1965 г. // Акционерное общество... С. 87–173.

акционеры не являются надлежащими истцами по таким искам[3]. По искам акционеров к директорам ситуация аналогична немецкой. В английском акционерном праве существует т.н. принцип надлежащего истца, согласно которому если ущерб нанесен компании, то по искам о возмещении такого ущерба надлежащим истцом может быть только компания, за некоторыми исключениями, применяемыми только при определенных обстоятельствах и на жестких условиях. Аналогичный принцип проводится и в правовом регулировании исков о признании недействительными сделок с заинтересованностью. Истцом по таким искам может быть только компания. Немецкий закон вообще не предоставляет акционерам права на иск о признании недействительными сделок с заинтересованностью. Из всех рассматриваемых правовых систем лишь французская предоставляет акционерам право на такой иск.

Таким образом, в основных правовых системах Европы акционерное право либо вообще не предоставляет акционерам права на иск о признании недействительными сделок с заинтересованностью (Англия, Германия), либо, предоставляя им такое право, допускает удовлетворение такого иска лишь при условии, что спорная сделка повлекла неблагоприятные последствия для акционерного общества (Франция).

Отметим, что положения российского (Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах») и белорусского законодательства (Закон от 09.12.1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах») пока не предусматривают в качестве обязательного элемента для подачи иска акционером наличие причиненного ущерба, что ставит под сомнение большое количество сделок, возможно, никоим образом не причинивших ущерба акционерному обществу и акционерам. Следует отметить, что в Республике Беларусь уже предложен проект Закона «О внесении дополнений и изменений в Закон Республики Беларусь "О хозяйственных обществах"», в котором предусмотрена норма, согласно которой сделка с заинтересованностью может быть признана недействительной лишь при «наличии доказательств убытков, понесенных хозяйственным обществом, по

3 Companies Act 1985, Part X «Enforcement of Fair Dealing by Director». Цит. по: Butterworths Company Law Handbook (8th ed.). Butterworths, London, Dublin and Edinburgh, 1991. P. 201–225.

причине нарушения порядка совершения этой сделки». Данный проект пока не прошел правовую экспертизу, и о судьбе принятия и реализации вносимых им изменений говорить пока рано.

Ограничение круга сделок, требующих особого порядка заключения, уравновешивается разработанным механизмом ответственности заинтересованных лиц, которая предполагает, во-первых, обязанность по возмещению причиненных убытков (доплата до справедливой цены) и, во-вторых, уголовную ответственность. Так, в Акционерном законе ФРГ имеется раздел «Использование влияния на общество», состоящий из одного параграфа «Обязанность по возмещению ущерба» (§ 117), и подраздел «Особая проверка. Предъявление требований по возмещению ущерба» (§ 142–147). Французский Закон о торговых товариществах непосредственно предусматривает свыше 100 составов преступлений и характеризуется возрастанием строгости уголовного наказания (достаточно вины в форме неосторожности)[4]. Интересным является тот факт, что по праву Великобритании ненадлежащее раскрытие директором компании информации о своей заинтересованности в сделке (а не сам факт заключения сделки) является основанием для привлечения его к уголовной ответственности, то есть данное деяние рассматривается как серьезное преступление, и государство в превентивных целях устанавливает крайне жесткую уголовную ответственность за его совершение.

Необходимо признать, что в условиях российской и белорусской действительности вряд ли будут столь же эффективными подобные меры (отсутствие у менеджеров имущества, на которое можно обратить взыскание, и сомнения в действенности мер по ужесточению уголовной ответственности). По крайней мере, уже закрепленная в законодательстве обязанность членов органов управления по возмещению убытков, причиненных юридическому лицу, к исправлению ситуации не приводит.

Таким образом, признание сделки недействительной – оружие большой разрушительной силы. Оно ударяет по интересам и самого общества, и его кредиторов, и иных лиц. Предоставив акционерам право на иск о признании недействительными сделок с заинтересованностью, необходимо сбалансировать интересы акционеров и вышеуказанных лиц. Как уже упоминалось,

4 Кулагин М.И. Избранные труды. М., 1997. С. 78.

во многих странах Европы акционерное право вообще не предоставляет акционерам права на иск о признании недействительными сделок с заинтересованностью, а если предоставляет, то допускает удовлетворение такого иска лишь при условии, что спорная сделка повлекла неблагоприятные последствия для акционерного общества.

Учитывая все изложенное, предлагается обусловить предоставление акционерам права на иск о признании сделок с заинтересованностью недействительными обязанностью акционеров доказать, что совершение сделки причинило убытки обществу либо имеются основания полагать, что такие убытки неизбежно будут иметь место в будущем.

Подобная норма учитывает интересы акционеров, но дает определенные гарантии обществу и его кредиторам от возможного злоупотребления акционерами своими правами. Данная норма дала бы возможность акционерам реагировать оперативно, не дожидаясь причинения реального ущерба обществу, если по обстоятельствам дела видно, что такой ущерб обязательно будет иметь место. Предлагаемая конструкция учитывает не только прямой ущерб, но также упущенную выгоду.

IV.
(НЕ)АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ

Ольга Сасункевич
(ЕГУ)

ГЕНДЕР КАК ПОЛЕЗНАЯ КАТЕГОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ФЕМИНИСТСКАЯ КРИТИКА НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Summary: The main purpose of this article is to show how feminists' perspective in humanities redefines dualistic foundation of classic knowledge, particularly of economic theory. Neoclassic economy which can be defined by such categories as rationality, objectivity, effectiveness, and optimization does not describe women's experience of economic participation. For overcoming of this discursive deprivation feminists' theorists propose to change "disciplinary paradigms" of economic theory.

> ...термин «гендер» был предложен теми, кто утверждал, что женские исследования фундаментально трансформируют дисциплинарные парадигмы. Ученые-феминисты давно указывали, что женские исследования не только добавят новый предмет исследования, но и вызовут критический пересмотр исходных посылок и стандартов существующей научной работы.
>
> **Джоан Скотт. Гендер: полезная категория исторического анализа**[1]

Эпиграф, вынесенный в начало данного текста, представляет собой отрывок из работы известной феминистки и историка

[1] Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 405.

Джоан Скотт, которая является одним из основополагающих авторов гендерной теории. Основная идея ее известной статьи «Гендер: полезная категория исторического анализа» заключается в том, что гендерные исследования позволяют не просто привнести что-то новое в традиционные научные дисциплины, а «трансформировать дисциплинарные парадигмы», то есть изменить основные, кажущиеся незыблемыми постулаты классического знания.

Феминистские теоретики сделали значительный вклад в подобные трансформации, расширив или полностью переопределив предметное поле таких фундаментальных наук, как философия, социология, история. Экономическая теория долгое время оставалась вне поля зрения феминистских авторов. С одной стороны, экономическое положение женщин является одним из основных исследовательских направлений в гендерной теории, с другой, сами основы экономики редко подвергаются ревизии с точки зрения феминистской эпистемологии. Это связано с двойственным характером экономического знания, которое, являясь, безусловно, социальной теорией, одновременно претендует на объективность и беспристрастность, характерную в представлении многих в первую очередь для естественных наук. То есть экономика не всегда воспринимается как гуманитарное знание или, по крайней мере, претендует на доминирующее положение среди других гуманитарных дисциплин.

В данной работе, опираясь на тексты известных феминистских философов и экономистов, я делаю попытку проанализировать самые общие постулаты экономической неоклассической теории, которые не описывают всего разнообразия экономики как науки, но в то же время являются основой господствующей экономической идеологии, берущей свое начало в протестантской этике и являющейся базисом современного западного капитализма.

Неоклассическая экономика и концепция «экономической рациональности» Макса Вебера

Ключевыми концептами, которыми может быть охарактеризована неоклассическая экономическая теория, являются понятия «эффективность», «оптимизация», «рациональный выбор», «объективность». Более подробно об основных понятиях нео-

классической экономической парадигмы пишет Джулия Нельсон в своей книге «Феминизм, объективность и экономика», в которой предлагается наиболее последовательная и полная критика современной экономики с позиций феминистской эпистемологии.

Дж. Нельсон указывает на принципиальный дуализм классического западного знания, являющийся следствием философии Декарта и находящий свое отражение в большинстве социальных наук, в том числе в экономике[2]. Философский дуализм означает, что в парах противопоставленных друг другу категорий всегда есть категория доминирования и категория подчинения. При этом категория доминирования всегда обладает положительными характеристиками и выступает в качестве идеала или нормы, тогда как категория подчинения по сравнению с категорией доминирования рассматривается как отклонение от нормы, как нечто со знаком «минус»: «Универсалистская точка зрения, отождествляющая мужское с общечеловеческим и сводящая женское ко второстепенной позиции "иного", зиждется на классической системе таких дуальных оппозиций, как культура/природа, активный/пассивный, рациональный/иррациональный, мужской/женский. Дуалистический способ мышления задает бинарные различия для того, чтобы упорядочить их в соответствии с иерархической шкалой властных отношений»[3].

Как пишет Элизабет Гросс, «дихотомическое мышление неизбежно выстраивает в иерархию, в табель о рангах два поляризованных понятия, в результате чего одно становится привилегированным, а другое приниженным, подчиненным, негативным противопоставлением. ...главное же понятие определяет себя посредством исключения другого и выстраивает в этом процессе свои собственные пределы и границы, чтобы создать собственную идентичность»[4].

Как показывают феминистские теоретики, эта оппозиция, которую я и называю здесь философским дуализмом, является

---

2 Nelson J. A. Feminism, Objectivity and Economics. New York, USA: Routledge, 1996. P. 31.

3 Брайдотти Р. Различие полов как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2000. С. 229.

4 Гросс Э. Изменяя очертания тела // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. С. 605.

основанием всей системы классического знания. И если мы будем говорить о любом направлении феминистского анализа, будь то критика неоклассической экономики, или философии, или истории, мы всегда будем сталкиваться с попыткой в первую очередь преодолеть дуалистические основания этих наук, являющиеся, таким образом, главной мишенью феминистской критики.

В экономической науке как, безусловно, классической дисциплине есть доминирующие категории, которые являются легитимными для экономического знания, рассматриваются как основные объекты экономического исследования и, следовательно, выступают в качестве определяющих для понимания неоклассической экономики. Такими категориями являются, в частности, публичность, индивидуализм, эффективность, объективность, научность, формальность, автономность, рациональность и свобода выбора. Одновременно, исходя из логики дуализма, этим категориям противопоставляются другие, маргинальные понятия, которые, как правило, находятся за пределами экономического знания и не рассматриваются в качестве важных концептов экономического анализа. К ним, например, относятся приватность, социальная обусловленность, субъективность, ненаучность, ориентированность на других, зависимость, эмоциональность, сконструированность личного выбора социальными условиями[5].

По мнению Дж. Нельсон, данные категории соотносятся с расхожим представлением о мужском и женском, когда мужское мыслится в понятиях публичного, автономного, индивидуального, рационального, а женское – как эмоциональное, приватное, природное, субъективное. Таким образом, неоклассическая экономика предстает перед нами как сугубо мужская реальность, рассматривающая женский опыт как маргинальный и не оказывающий решающего влияния на экономические процессы[6].

«Мужские» по своей сути категории рациональности и эффективности являются ключевыми для капиталистической системы. Об этом, в частности, пишет Макс Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма». С точки зрения Ве-

5 Nelson J. A. Op. cit. P. 33.
6 Ibid. P. 343.

бера, капитализм не имеет ничего общего с иррациональным стремлением к наживе, к денежной выгоде, к предпринимательству, которые существовали «во всех эпохах и странах мира»[7]. Напротив, капитализм представляет собой четко регламентированную и рациональную деятельность по получению прибыли.

Капитализм, который, согласно Веберу, мог возникнуть только на основе западной культуры, характеризуется «рациональной организацией свободного труда в форме предприятия»[8]. При этом под «организацией свободного труда» следует понимать научно обоснованное расчленение производственного процесса, «способствующее устранению "органического" предела, установленного природой»[9]. Расчленение производственного труда призвано служить повышению эффективности деятельности предприятия. Таким образом, речь в данном случае как раз и идет об экономической рациональности, направленной на получение прибыли.

По мнению Вебера, понятие «экономической рациональности» как сущности капитализма тесно связано с протестантизмом, который стал доминирующим направлением религиозной мысли в некоторых странах Западной Европы в XVII–XVIII вв.

Основным догматом кальвинизма, который в результате борьбы с католицизмом стал доминирующим протестантским учением в таких странах, как Нидерланды, Франция, Англия, является учение об избранности к спасению. Согласно этому догмату те, кто будет спасен, уже предопределены, и повлиять на это предопределение своими поступками невозможно, т.е. «божественное милосердие в такой же степени не может быть утеряно теми, кому оно дано, в какой оно недостижимо для тех, кто его лишен»[10]. По Веберу, этот догмат является определяющим для становления индивидуализма и рационализма протестантской этики, которые находят свое дальнейшее воплощение в капитализме. Рациональное и бережливое отношение к труду и его результатам является для протестантов способом прославления Бога на земле. Поэтому разумное стремление к достатку

[7] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М., 1990. С. 45.
[8] Там же. С. 50.
[9] Там же. С. 84.
[10] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. С. 142.

не порицается, а, напротив, поощряется. Однако это стремление должно быть умеренным, не предполагать значительной роскоши и богатства, но при этом требовать постоянного участия в трудовой деятельности. По мнению Вебера, такой пуританский образ жизни стоял «у колыбели современного "экономического человека"»[11].

Таким образом, понятие «экономического человека», или *Homo economicus,* является центральной фигурой капиталистической экономической системы и тесно связанной с ней неоклассической экономики[12]. Как отмечает исследовательница Барбара Хопкинс, основными чертами «экономического человека» являются руководство собственными интересами и автономность. Он сам выбирает те контракты и сделки, в которые он вступает, и обменивает товары свободно. Он не зависит от других индивидов, свободен от предписаний государства, касающихся того, где и как ему следует работать и какие товары он может потреблять. «Экономический человек» действует как агент свободного рынка, и только рынок может дать ему возможность быть тем, кто он есть[13]. Таким образом, *homo economicus*, который, по Веберу, возникает благодаря протестантской этике, является воплощением идеологии капитализма, основанной на представлениях об автономном, имеющем возможность свободного выбора субъекте.

Как пишет Дж. Нельсон, *homo economicus* – «центральная фигура в восхвалении индивидуальности, не связанной с природой или обществом. Однако люди не появляются на земле просто так, из ниоткуда. Их рожают женщины и заботятся о них как о зависимых детях, социализированных в семье и малых группах. Этот аспект человеческой жизни часто рассматривается как несущественный, неинтересный и даже само собой разумеющийся. Однако именно это и есть то, что принято называть "женской работой" и что, как правило, остается за пределами экономического и научного анализа»[14].

---

11 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. С. 263.

12 Hopkins B. E. Women and Children Last: A Feminist Redefinition of Privatization and Economic Reform // Out of the Margin: Feminist Perspectives on Economics / Ed. by E. Kuiper and J. Sap. London, NY: Routledge, 1995. P. 250.

13 Ibid.

14 Nelson J. A. Op. cit. P. 38.

Экономика в контексте гуманитарного знания: феминистская перспектива

Экономическое знание можно с большой долей условности разделить на два типа. С одной стороны, речь идет об экономической теории, или экономике как науке, когда уместно говорить об объекте и методологии экономического анализа, а также о месте экономики в контексте других социальных наук. С другой стороны, экономические теории и подходы, пусть и разработанные в академических кругах, оказывают определяющее влияние на те экономические процессы, которые происходят в реальной жизни: на сегрегацию рынка наемного труда, размер доходов, получаемых мужчинами и женщинами, уровень жизни людей, имеющих различные структурные возможности, и т.п.

Оба из описанных мной аспектов экономического знания являются предметом критики феминистских теоретиков.

Основы современной экономической мысли заложены в Новое время, когда наука основывалась «на жестком иерархическом дуализме маскулинного и феминного, который проявляется в жестком разграничении и противопоставлении объективного и субъективного, разума и тела, абстрактного и конкретного, факта и ценности, истины и мнения... Скрытая асимметрия маскулинного и феминного как главного и маргинального лежит также в основе экономического знания: публичное (рынок, государство) противостоит приватному (семья), мужская деятельность (наука, бизнес) – женской (услуги, уход и воспитание), рационализм, объективность и автономия – эмоциональности, субъективности, зависимости»[15].

Кроме того, именно в Новое время произошел переход от традиционного общества (когда доминирующей концепцией взаимоотношения человека и природы было представление о пассивности человека перед окружающим космосом) к обществу модерна (когда человек стал рассматриваться как «повелитель» природы, ее объективный исследователь)[16].

При этом науки, воплощающие модернистский проект возвышения человека над окружающей его действительностью, получили статус доминирующих. Речь идет, в первую очередь,

---

15 Журженко Т. Дискурс рынка и проблема гендера в экономике // *Общественные науки и современность*. 1999. № 5. С. 180.

16 Nelson J. A. Op. cit. P. 26.

о математике, физике, астрономии, т.е. о том знании, которое априори считается объективным и позволяет познавать природу и подчинять ее себе.

Экономика в этом отношении имеет двойственный характер. С одной стороны, являясь социальной наукой, она не может претендовать на статус математического или физического знания, которое долгое время считалось приоритетным. Предметная область экономики, по определению Дж. Нельсон, является «более мягкой» по сравнению с естественными или техническими науками, поскольку так или иначе связана с изучением общественных явлений[17]. При этом постулаты, основанные на экономической теории, не носят характер абстрактных и полностью объективных законов, как в случае с математикой или физикой. Очень точно, на мой взгляд, эта мысль сформулирована Э. Панеях, когда она говорит о том, что «статистика в социальных науках, в экономике особенно – это не то же самое, что результат измерений в физике или химии. Эти цифры производят люди для других людей, и в этот процесс замешаны отношения власти, деньги, карьера, самооценка участвующих лиц, в конце концов»[18].

Но одновременно среди социальных наук экономика считается наиболее объективной и непредвзятой, способной выводить теории, имеющие статус «законов» и «аксиом». Возможно, именно поэтому экономическая теория в меньшей степени поддается ревизии со стороны феминистских и других неклассических теоретиков. Экономика не всегда воспринимается как социальное знание, но рассматривается как такая теория, основные постулаты которой не подлежат сомнению.

Таким образом, среди социальных наук выстраивается своеобразная иерархия, в которой экономика занимает доминирующее положение[19]. Дж. Нельсон иллюстрирует данный тезис примером ранжирования академических публикаций в научных журналах. По ее словам, если социолог или политолог публикуются в экономическом журнале, то это рассматривается как большое достижение и своего рода признание престижа и на-

---

17 Ibid. P. 27.

18 Панеях Э. Правила игры для российского предпринимателя. М., 2008. С. 23.

19 Nelson J. A. Op. cit. P. 28.

учности публикации. Если же, наоборот, экономист публикуется в политическом журнале, а политолог – в социологическом, то такая публикация может не рассматриваться в качестве признания профессиональной компетентности[20].

Как пишет Татьяна Журженко, «рост легитимности и гегемонии языка экономики как средства описания социальных проблем свидетельствует о превращении экономической теории в "универсальную науку об обществе" (именно так она маркирует себя сегодня в лице неоклассической школы)»[21].

«Невидимость» в неоклассической экономической теории многих социальных проблем и отсутствие в ней большей части маргинализированных агентов социального действия вызвало необходимость ревизии основных постулатов современного экономического знания. Одним из подходов для такого пересмотра стала феминистская эпистемология, базирующаяся на отказе от доминирующей посылки гендерной нейтральности рынка и, соответственно, экономической теории.

Современная феминистская экономика берет свое начало в 1960-х гг. с переоценки взглядов марксистов и неоклассических экономистов на социальную роль женщины[22]. Первым аргументом в споре с неоклассическими экономистами стала разница между теоретической оценкой значения для семьи дохода, получаемого женщиной, и ее реальным вкладом в семейный бюджет[23]. С точки зрения неоклассического представления о мужчине-кормильце, женский доход является вторичным для материального обеспечения семьи. Однако, как показали феминистские экономисты, данный подход не имеет ничего общего с реальностью многих женщин, доход которых является существенной частью семейного бюджета[24]. Данный аргумент обнажил ту самую «невидимость» многих социальных агентов (например, матерей-одиночек; женщин, чьи мужья в силу разных обстоятельств не работают или чей доход превышает доход их мужей), о которой я говорила выше.

20 Ibid.

21 Журженко Т. Анализ положения женщин в переходной экономике: в поисках феминистской эпистемологии // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 160 –171. [http:/www.owl.ru/library/040t.htm]

22 Kuiper E., Sap J. Introduction // Out of the Margin... P. 3.

23 Ibid.

24 Kuiper E., Sap J. Op. cit. P. 3.

Заключение

«Рынок не имеет пола» – это расхожее представление неолиберальных идеологов, восходящее к основным постулатам неоклассической экономики, на практике оказывается далеким от действительности. Вот что пишет Е. Гапова: «Идеальный работник в конкурентной системе нового капитализма только теоретически является бесполым. В новой экономике, где ничто не должно мешать получению прибыли, "личные проблемы" работника как бы выносятся за скобки. Корпорации все равно, как он их решает, однако от этого они не исчезают сами собой ни из жизни общества, ни из жизни "глобальных" работников: ими просто занимается кто-то другой. В этот момент, когда происходит разделение на тех, чья жизнь подчинена профессиональному "производству себя", и на тех, кто будет заниматься "семейными делами", в систему включается пол с его проблемами автономии. ...мужчины, в связи с их меньшей занятостью работой по воспроизводству, получают преимущества перед женщинами»[25]. Однако для обоснования этого преимущества, обусловленного различной структурной позицией женщин и мужчин, связанной в том числе с неравнозначностью оценки их экономического опыта, необходимы тонкие идеологические механизмы (например, представление о «материнском инстинкте» как основном поведенческом мотиве всех женщин; всевозможные концепции поддержки материнства (а не отцовства или родительства)). Феминистская критика неоклассического экономического знания и основанной на ней идеологии помогает по-новому взглянуть на кажущиеся очевидными явления нашей повседневной жизни и увидеть в них скрытые на первый взгляд отношения власти-подчинения.

[25] Гапова Е. О заботе и работе. http://pigbig.livejournal.com/178104.html.

Борис Павлов
(ЕГУ)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: БИОВЛАСТЬ И ТЕЛО ЖЕНЩИНЫ-МАТЕРИ

В условиях роста популярности на постсоветском пространстве работ французского философа Мишеля Фуко, в последние годы появились научные публикации, затрагивающие гендерную проблематику телесности. Мы не сможем понять этот поворот в развитии социальной теории без анализа социальных изменений, которые придали гендерным аспектам телесности особую значимость.

Группа факторов, поставивших вопрос о телесности в центр политической проблематики, связана с демографическими изменениями в Европе. Эти изменения М. Фуко назвал «биополитикой» (сюда относятся изменения в структуре населения, сопровождаемые старением обществ).

Биовласть (термин, предложенный М. Фуко) указывает на пространство проблематизации человеческой жизни, сформированное многообразием практик биомедицины, занятых производством человека в качестве «субъекта» и «объекта».

В концепции М. Фуко речь идет о «сделанном субъекте» – точке приложения различных технологий и нормативных дисциплин. Таким образом, меняется сам масштаб рассмотрения, который переходит на микроуровень и где значимым оказывается понятие «язык» с его дискурсивными практиками, а также понятия «власть», «желание», «тело».

Задача правительства, приверженного концепции «биовласти», – «внедрить механизмы безопасности» в область, связанную с качеством жизни[1].

Если просмотреть белорусскую прессу последних лет, то становится понятно, что безопасность – самая актуальная проблема для современной белорусской власти. Официальные средства массовой коммуникации Республики Беларусь заполнены материалами о демографической безопасности. Демографическая безопасность – состояние защищенности социально-экономического развития государства и общества от демографических угроз, при котором обеспечивается развитие Республики Беларусь в соответствии с ее национальными демографическими интересами[2].

Белорусской властью определена роль женщин в решении демографических проблем страны. Их призывают рожать больше детей. В одном из своих выступлений А.Г. Лукашенко сказал, что «белорусская земля в состоянии прокормить не десять, а все тридцать миллионов жителей, и сегодня государство искренне желает поддержать женщину в ее самой важной миссии на Земле!»[3]. Джоан Скотт пишет о том, что демографические кризисы порождают политики, способствующие повышению рождаемости, которые настаивают на эксклюзивной важности материнской и репродуктивной функциях женщин[4].

В сфере идеологии средства массовой коммуникации играют свою специфическую роль для сохранения существующего порядка. Итальянский исследователь А. Грамши отмечал, что средства массовой информации вовлечены в процесс «инкорпорирования» – введения основных составляющих мировоззрения во все базовые структуры общества, что помогает доминирующим группам представлять свои интересы как интересы всего общества[5].

---

1 Фуко М. Нужно защищать общество. СПб., 2005. С. 261.

2 Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» № 80-З от 4 января 2002 г. // *Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь*. 2002. № 7. 2/829.

3 Нас обязательно будет больше // *Советская Белоруссия*. 2006. № 48. 15 марта.

4 Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // *Гендерные исследования*. 2000. № 5. С. 142–171.

5 Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методоло-

Опросы, осуществляемые белорусскими телеканалами, показывают сообразованное с государственной идеологией единодушие респондентов о необходимости наличия в семье троих детей (нужно отметить, что в Беларуси лишь 6% семей воспитывают троих и более детей).

«Так как у работающих женщин детей меньше – они делают в жизни иные выборы, – то более богатое общество всегда пытается "освободить" женщин для воспроизводства, отобрав у них возможность выбора»[6]. Отпуск по уходу за ребенком до трех лет связан для женщин со значительной потерей социального капитала. Многочисленные исследования говорят о том, что обладание социальным капиталом связано с более высоким социально-экономическим статусом, влиянием на других людей, информированностью, финансовым благополучием, карьерой, удовлетворенностью жизнью, здоровьем, продолжительностью жизни[7]. Таким образом, женщины, воспитывающие детей, не обладают необходимыми ресурсами, чтобы действовать в обществе как свободные индивиды.

В современном обществе происходит радикальная децентрация точек приложения биовласти, которые распространяются в сферу публичных дискурсов и практик, где решающую роль играют средства массовой информации. Большое количество изображений детей, роддомов и женщин с грудными детьми, представленных на фотографиях, плакатах, и соответствующие статьи к ним в прессе являются доказательством того, что белорусское государство проводит активную демографическую политику, составляющим элементом которой является идеология материнства. Белорусская власть создает образ женщины, для которой главная функция и обязанность – это рожать новых граждан Республики Беларусь. Такого рода подход позволяет с разных сторон взглянуть и на объект воздействия. Объектом пропаганды выступает и собственно женщина (в той или иной мере получающая свою дозу пропаганды через средства массовой коммуникации), и ее ближайшее социальное окружение. Та-

гия анализа и практика исследований. М., 1999. С. 25.

6 Гапова Е.И. Жены «русских» программистов, или женщины, которые едут вслед за мужчинами // Семейные узы: модели для сборки / Под ред. С. Ушакина. М., 2004. С. 409–431.

7 Сивуха С.В. Гендерное измерение социального капитала. Доступ: http://gender.undp.by/gender_research14.html. Дата доступа: 05.03.2007.

ким образом, достигается внедрение идеологии в индивидуальное сознание и последующее подкрепление социальной средой. Это – власть дискурсивная, «капиллярная», и ею пронизано все белорусское общество.

Биовласть регулирует общественную жизнь изнутри, интерпретируя, поглощая и заново формируя ее. Власть может лишь тогда достичь действительного контроля над жизнью, когда она становится неотъемлемой жизненной функцией, которую каждый индивид принимает и выполняет по собственному согласию. В разных странах постсоветского пространства идеология приобретает различные оттенки. В Республике Беларусь она тесно связана с демографическим дискурсом. Будущее страны ставится в зависимость от репродуктивной мощи женщин. Задачи семьи фактически сводятся к деторождению и социализации детей, а отношения супругов рассматриваются как производная от их функции родительства.

Биополитика в Республике Беларусь связана с демографическими изменениями в структуре населения, сопровождаемыми старением общества. Власть представляет женщин как «более телесных», чем мужчин, в некотором смысле как представляющих само тело. Ценность женщины заключается в матрицу репродукции, чем оправдывается исключение ее из институтов занятости и общественной жизни в целом. Белорусская власть основывается на социальных представлениях о биологических различиях между полами, в соответствии с которыми, исходя из своих биологических функций, женщина должна выполнять особые социальные задачи. Осуществляемые властью репродуктивные политики женского тела состоят в редукции личности женщины до уровня ее тела, которому в патриархатном обществе отводится роль своеобразной машины для деторождения.

Ирина Реброва
(ЕГУ)

ДРУГАЯ ВОЙНА: ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ ОДНОГО УСТНОГО ИНТЕРВЬЮ

Summary: In the article I tried to study the problem of woman in the war from the point of the traumatic nature of female experience. The analysis of one oral interview showed the depth of the problem of sexual violence during the war. The impossibility of the women-victims of these relations to describe their experience, the absence of the special psychological and social services during the postwar period, which can help women to overcome their troubles, show us the problems of "study of the past" and the policy of the oblivion. The declared problems require further study.

Тема сексуального насилия на войне стала обсуждаться в научной литературе сравнительно недавно. Появились публикации об искалеченных женских судьбах во время войн второй половины XX в. Проблемы, затронутые в статьях Е. Мещеркиной, С. Камысовой, И. Жеребкиной, требуют дальнейшего изучения и внимания со стороны общественности[1]. Уже ни для кого не секрет тот факт, что «погибающие на войне мужчины удостаиваются чести героев... а изнасилованные и убитые женщины не числятся в героях, им не ставят памятников. Те, кто выжил, носят

[1] См.: Мещеркина Е. Массовые изнасилования как часть военного эпоса // *Гендерные исследования*. 2001. № 6; Касымова С. Война и насилие в Таджикистане: всего несколько слов... // Там же; Жеребкина И. Удовольствие от войны или война есть жизнь // Там же. http://www.gender.univer.kharkov.ua/gurnal/gurnal-06-03.pdf.

свое унижение в себе»[2]. В 1990-е гг. феминистские исследовательницы смогли приоткрыть завесу табуированности травматического женского опыта во время военных кампаний благодаря появлению отдельных сообщений в средствах массовой информации, возможности поговорить с самими женщинами. Изучение истории Великой Отечественной войны в российской историографии во многом осуществляется в рамках официальной государственной идеологии. Изучение женского опыта осложняется поиском информантов, которые предпочитают забыть и никогда не вспоминать свой опыт унижения.

В данной статье предполагается проанализировать одно устное интервью с целью обозначить новые проблемы изучения истории Великой Отечественной войны. Интервью проходило в квартире информантки осенью 2007 г. Бабе Наде (назовем информантку так для облегчения процесса описания) летом 2007 г. исполнилось 90 лет. В назначенный час мы пришли в квартиру бабы Нади, но дома ее не застали: ее купали соседи. Некоторое время бабушка приходила в себя после принятия ванны, и у нас было время рассмотреть интерьер квартиры. Информантка живет одна уже несколько лет, детей у нее не было, муж умер. По свидетельствам соседей, родственников у нее тоже нет – помогают по хозяйству и присматривают за бабушкой соседи.

Нас поразило убранство двухкомнатной квартиры информантки: везде на стенах были развешены иллюстрации девушек и женщин, аккуратно вырезанные из популярных в советское время журналов «Крестьянка», «Работница и селянка», календарей и газет. Многие иллюстрации уже выцвели и потускнели, однако хозяйка их не снимает. Некоторые иллюстрации прикреплены к дверям и зеркалам. Разные по размеру и качеству, они создают ощущение тоски по красоте и, возможно, связаны с личными переживаниями бабы Нади. Эти иллюстрации, равно как и множество поздравительных открыток и настенных календарей к очередным годовщинам Победы в Великой Отечественной войне – предмет неподдельной гордости хозяйки квартиры. Она бережно хранит открытки и приветственные адреса как главное доказательство ее причастности к Победе. Газетные заметки с поздравлениями в адрес ветеранов, как и женские пор-

2 Мещеркина Е. Указ. соч.

треты, занимают почетные видные места в квартире, а не аккуратно спрятаны в коробочки.

Спрашиваем: «А зачем вы вешаете фотографии на стены?». Информантка отвечает: «А потому что я хочу быть с ними, с этими солдатами».

Создается впечатление, что интерьер квартиры как бы призван легитимировать факт участия информантки в Великой Отечественной войне, а женские портреты – своеобразный плач по потерянной и погубленной молодости, которая пришлась на военное время.

Следует оговориться, что вопросник, с которым мы пришли на интервью, предполагал разговор в несколько ином направлении. В тот период мы реализовывали проект по сбору устных воспоминаний фронтовиков и мирных жителей, чьи воспоминания были бы связаны с Кубанью. Полученный материал[3] сперва не вызвал особого нашего восторга – он мало относился к проекту, аудиозапись была перенасыщена отступлениями от разговора и в целом не претендовала на качественное устноисторическое интервью. Однако спустя некоторое время, при более детальном прослушивании пленки, стал очевиден уникальный характер данного интервью для изучения женского военного опыта и политики памяти и забвения. Некоторое время спустя мы решили провести повторное интервью, но оно оказалось невозможным из-за ухудшения самочувствия информантки.

Если попытаться восстановить жизненную историю рассказчицы, то получится следующая картина. Информантка 1917 г. рождения, родом из станицы Марьянская Краснодарского края. У нее был старший брат, который погиб во время войны. Отец умер еще до начала Великой Отечественной войны, видимо, после смерти отца семья переехала в Краснодар. Информантка застала начало войны в этом городе, пережила начальный период оккупации Краснодара, а затем в 1942 г. ее мобилизовали по возрасту. Она попала в 12-й корпус противовоздушной обороны. Служила в Украине и Румынии рядовой, а затем сержантом. Ее корпус некоторое время был в оккупации. Наблюдается путаница в названии населенных пунктов, где приходилось воевать информантке. Восстановить маршрут передвижения кор-

3 Интервью с Разумной Н.С. Архив устной истории СНО ККубГТУ, ф. СКК-07, д. КК13.

пуса, воссоздать ход боевых операций по материалам интервью не представляется возможным (впрочем, такую задачу невозможно решить в принципе, опираясь только на источники личного происхождения), однако интервью является уникальным в контексте интерпретации событий военной поры, изучения травматического женского опыта выживания в военных условиях.

Информантка была образована, поэтому постоянно находилась в части, на разведку и на передовую ее не посылали. После войны демобилизовалась и устроилась работать на нефтебазу, где познакомилась с будущим мужем. Детей не было, муж умер в конце 1990-х гг., и с тех пор она осталась одна. Никакой информации об иных родственниках нам не удалось получить. Можно предположить, что родственников у нее либо нет, либо они находятся в ссоре, так как в настоящее время присматривают за бабой Надей только соседи.

При анализе текста интервью мы использовали понятие травмы и забвения. Предположим, что в судьбе информантки произошли какие-то события в пору ее военной молодости, которые она старалась забыть всю жизнь. Наше предположение может быть подтверждено словами информантки о своем военном опыте: «А вообще, как вам сказать, это трудная история, сколько уже лет прошло, я стараюсь все забыть».

Исследователи социальных процессов в 1990-е гг. стали задаваться вопросом о том, почему концепт травмы, возникший столетием раньше (прежде всего в медицине и психиатрии), стал центральной проблемой культурного воображения рубежа XX–XXI вв. Одним из теоретиков суть культурной травмы была выражена как «колебание между памятью и забвением»[4]. Существуют культурное (польский социолог П. Штомпка[5]), социологическое (американский социолог Дж. Александер[6]) и психологическое (Доминик Ла Капра[7]) измерения травмы. Следует также отметить исследования психоаналитической традиции: от клас-

---

4 Leys R. Trauma: A Genealogy. Chicago: University of Chicago Press, 2000.

5 Штомпка П. Социальное изменение как травма // *Социологические исследования*. 2000. № 1.

6 Alexander J.C. On the Social Construction of Moral Universals: The ‘Holocaust’ from War Crime to Trauma Drama // *European Journal of Social Theory*. 2002. Vol. 5 (1).

7 LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // *Critical Inquiry*. 1999. Vol. 25 (Summer).

сического психоанализа З. Фрейда, реабилитирующего смысл забвения, теории архетипов К.Г. Юнга до концепции Т. Адорно[8], связанной с анализом концептов «комплекс вины», «проработка прошлого» и др. Культурная травма понимается как разрыв традиции, потеря смысла и неопределенность в будущем. Преодолеть любую культурную травму можно, лишь «проработав» ее в поиске причин и объяснений, в частичном забвении, в какой-то мере – амнезии[9]. П. Штомпка рассматривает культурную «травму как процесс»[10], который последовательно развивается, проходя 6 стадий: структурное и культурное прошлое; травматические события или ситуации; особые способы определения, интерпретации, выражения или толкования травматических событий; травматические симптомы (определенные схемы поведения и представлений); посттравматическая адаптация; преодоление травмы.

Перечисленные подходы изучения памяти и забвения могут быть использованы при анализе текста интервью с бабой Надей. Попытаемся проследить логику повествования информантки и ответить на вопрос: **травма какого рода была нанесена войной информантке и какими средствами она говорит/умалчивает о ней?**

Процесс интервью для информантки является своего рода ритуалом, центральным действием которого становится легитимация собственного жизненного военного опыта. Еще в самом начале интервью баба Надя просит принести ее удостоверение участника Великой Отечественной войны. Документ – это официальное подтверждение причастности информантки к войне и, соответственно, к Победе. Для нее важным является не вспоминание мест пребывания части во время войны, а удостоверение, которое может снять все имеющиеся вопросы и доказать факт ее участия в войне. Нужно обязательно показать документ, так как «они [интервьюеры] *не видели,* что я *фронтовик*» (курсив мой. – *И.Р.*). Может быть, поэтому она так настойчиво требует принести и показать удостоверение, которое хранится в самой дальней части спальни, рядом с другими важными документами. «Вот паспорт [*показывает*], вот – о том, что я участник

8 Адорно Т. В. Неприкосновенный запас. www.nz-online.ru/index.phtml
9 Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.
10 Штомпка П. Указ. соч.

[Великой] Отечественной войны, вот мое свидетельство, еще что надо… где-то еще что-то есть. У меня вот, это, сейчас уже мои друзья, у меня столько было тут: и ордена, и всякие медали – вот видишь, это не я же писала». Удостоверение ветерана Великой Отечественной войны – важное доказательство для информантки ее принадлежности к «касте» ветеранов. Информантка таким образом утверждает свой военный статус в глазах посторонних людей. Возможно, ранее ее упрекали в том, что она не участвовала в военных действиях (она сама признается, что была в штабе, под покровительством офицеров, и участия в военных действиях не принимала), поэтому удостоверение – главное свидетельство причастности к военному прошлому, оно ставит ее на один уровень с мужчинами – участниками войны, которые сражались и погибали на передовой.

Лейтмотив доказательства своей причастности к фронтовикам прослеживается в ходе всего интервью. Баба Надя неоднократно просит нас проверить ее слова: «…ну и еще в корпусе, даже если вы не поверите, можете в корпус пойти и проверить, что работала у вас [*называет свою девичью фамилию, имя и отчество*]. И они вам скажут, но все ж там теперь молодые… все равно, наверное, знают, военкомат меня всегда поздравляет, всегда». Поддержка официальных лиц – еще одно неоспоримое доказательство «ветеранства» информантки. Зачем нужно привлекать обширный комплекс подтверждения факта своего участия в войне? Нашей целью было интервьюирование бывших фронтовиков, и, следовательно, когда мы попросили бабу Надю рассказать о своем опыте, мы нисколько не сомневались в ее военном прошлом. Может быть, в постоянных доказательствах нуждается сама информантка, ей есть что скрывать, она никогда не ходила в атаку, возможно, ее упрекали в послевоенное время тем, что она ненастоящая фронтовичка? И теперь на закате жизни ее единственной целью становится легитимация своего военного опыта, что латентно прослеживается в убранстве квартиры и открыто – в беседе с незнакомыми ей людьми.

Во время проведения интервью баба Надя часто якобы не могла расслышать вопрос и потому отвечала не по теме. Сама переводила разговор, пытаясь уйти от ответов. Ссылалась на старость, глухоту и болезни. Тем не менее она прекрасно слышала наши переговоры вполголоса. Тогда у нас появилось пред-

положение, что апелляция к глухоте была лишь поводом не проговаривать какие-то пережитые события военной поры. Еще одним приемом ухода от ответов было проявление радушного гостеприимства. Вместо рассказа информантка то и дело предлагала нам угоститься печеньем, отведать кисломолочные продукты. Она искренне обижалась, когда мы каждый раз отказывались кушать, а предлагали продолжить разговор. Анализируя текст интервью, мы обнаружили, что информантка переходила к разговорам об угощениях, когда речь заходила об отношениях девушек корпуса с немцами, когда вопросы касались взаимоотношений с противником на фронте.

Центральной проблемой интервью стал по воле самой информантки рассказ о сексуальных отношениях и насилии на войне. Это травматический опыт информантки, который она несла в себе всю жизнь и о котором она не могла не сказать перед смертью. Однако говорила она завуалированно, придерживаясь укоренившейся в сознании советской идеологии, и штампами советского времени. Она говорила не о своем личном опыте, а об опыте других девушек, а она, как последняя инстанция нравственности, осуждает сношения девушек с немцами. «У нас корпус был девичий. Он подчинялся генералу, строго было, очень строго. Ну, среди девчат были некоторые, которые могли нарушить, ну, я чего-то забыла, это уже все забытое». Информантка неоднократно подчеркивала, что она, «чтоб вам сказать почестному, на передовой не была, я все время в корпусе... Я обслуживала офицерский состав. Я от них не отходила, все время с ними была. А я в корпусе служила, прямо в корпусе, поэтому я не была отчуждена от своих солдат, все время в офицерском составе работала».

Отвечая на вопрос о том, можно ли привыкнуть к войне, баба Надя сказала: «Надо было прятаться, чтоб тебя не послали на передовую, чтоб еще какой-нибудь гадости не было. Были девчата, которые гуляли, Боже сохрани». Каким образом можно было спрятаться молодой привлекательной девушке на войне? Единственным способом избежать передовой был поиск покровителя, а им мог стать человек, обладавший властным ресурсом, как правило, командир или военный из старшего офицерского состава.

На войне обостряются все отношения социального порядка. Люди жили последним днем, потому что смерть могла настиг-

нуть каждого уже в следующую секунду. Сексуальные отношения могли происходить и по взаимному согласию. Для женщин секс мог стать поводом для появления покровительственных отношений и, соответственно, возможностью выжить на войне. Искали покровительства у лиц, которые обладали властным ресурсом: советских офицеров, которые могли оставить женщину «при себе» в тылу (как, видимо, в случае с информанткой), противников, которые имели как минимум провиант. «Были такие девчата, которые поддавались им, все что хочешь. Немцам, конечно, если они там чем-то там угощают, они там с ними бывают, и все потом их наказывают за это дело».

Властью обладали не только генералы и старший офицерский состав. Согласно патриархальной модели поведения, власть над женщиной имел любой мужчина части. Наказать провинившуюся женщину, извлекая при этом выгоды для себя, мог каждый мужчина в корпусе. «В памяти, ну как вам сказать, что было самое неприятное, – наши предатели были такие дешевые, что они могли и тебя продать, и скажут: а чего ты не идешь с немцем? А чего ты не погуляешь с ним? Так скажут тебе, а ты ему дулю скрутишь, а он тебе по морде за это даст, или штрафные, или даст трое суток дежурить, и так бывало». Информантка подчеркивает, что «были такие девчата, которые легко поддавались им [немцам], а им потом наши давали прикурить». Секс, таким образом, являлся товаром для своих и чужих[11].

Жизнь девушек на войне осложнялась по причине зависимости от биологии и сексизма. Существуют особые точки напряжения, такие как циклы менструации, беременность, аборты, рядом с которыми находятся другие факторы напряжения, порожденные сексизмом, такие как унижение, приставание, надругательство, сексуальный обмен. За сношения с немцами девушек в корпусе информантки наказывали, «заставляли работать в нашем корпусе, где мы жили. Они уборкой занимались, они что-то еще делали, а потом их посылали в разведку, а потом их посылали на передовую».

Подчеркнем, что в начале интервью мы попросили бабу Надю рассказать о своем личном военном опыте. Нам важно было за-

[11] См.: Рингельхайм Дж. Женщины и Холокост: переосмысление исследований // Антология гендерной теории / Сост., комментарии Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск, 2000. С. 254–280.

фиксировать рассуждения и рассказ о личных эмоциях, переживаниях и впечатлениях информантки. В итоге рассказчица, во-первых, вывела нас в совершенно иное проблемное поле, а во-вторых, часто подменяла описание личного опыта рассказом о других девушках. Она сама постоянно подчеркивала свою непричастность к девушкам, которые имели связи с немцами.

Зачем информантка использует такой метод повествования? Кого и в чем она пытается убедить, играя на противопоставлении «они» – плохие, падшие, ведущие аморальный образ жизни – и «я» – положительная героиня, образец нравственности и благопристойности? Это попытка обелить себя перед собой и посторонними людьми, выступающими в данном ритуале очищения главными акторами-судьями. На наш взгляд, такой способ описания своего прошлого выводит нас на проблему переживания личного травматического опыта. «Коллективная память – это память о моральной обязанности осуществлять справедливость или допускать ее воплощение»[12]. Официальная политика памяти о Великой Отечественной войне не могла включать женский опыт сексуального насилия ввиду его дискредитирующего характера для героизации участников войны. Женщины, столкнувшиеся с проявлением сексизма и насилия, в мирное время становились заложницами официальной политики памяти и соответственно вынуждены были «проработать свое прошлое». Поэтому информантка в настоящее время говорит о лично пережитом опыте от третьего лица, одновременно выступая судьей и подсудимой.

Идеологические установки советского времени глубоко врезались в коллективную память и нашли отражение в памяти индивидуальной. Благодаря рассказам участников и очевидцев Великой Отечественной войны о своем опыте создаются образы и представления, которые включаются в состав культурной памяти. По ним можно рассматривать проблемы динамики взаимоотношения зафиксированных в коллективной памяти представлений о прошлом, сохраняемых в силу традиции или востребованных меняющейся общественно-политической реальностью.

В устных воспоминаниях настоящего времени все меньше можно встретить официальные штампы прошлых лет. Тем не ме-

12 Рикёр П. Указ. соч. С. 7.

нее нарратив остается в массе своей политизированным. Коммунистическая идеология стала частью индивидуального сознания. Поэтому люди вспоминают советское прошлое с ностальгией. В их сознании не наблюдается внутреннего противоречия между заветами коммунизма и реальной обстановкой.

Тема сексуальности была табуирована идеологией советского времени, остается нежелательной и в настоящее время. Информантка сама поднимает тему отношений с немцами и советскими офицерами во время войны. Ей, по-видимому, необходимо выговориться, освободиться от груза, который висел над ней всю ее жизнь. Однако прямо говорить о своем опыте она не может по причине давления официальной идеологии на ее личный опыт. Озвучивая опыт других девушек в корпусе, она сама сразу переключает разговор в иное русло (предлагает перекусить) или долго молчит. Если в случае с доказательством своего участия в войне информантка просит проверить ее слова непосредственно в военкомате и ветеранских организациях, то когда она рассказывает об опыте падших женщин и своей незапятнанной репутации, ее слова мы проверить не можем. О своих однополчанках она говорит во множественном числе и обезличенно. Постоянно в рассказе присутствует противопоставление «я-они». «Да Боже сохрани, чтоб я к немцам пошла, нет. Но разговаривать с ними могла. Если они придут и начинают, а у нас же девчонки были такие дешевые, что могли пойти. Ты их выругаешь, если я старшиной была, так они еще ему доложат, а он тебе грубить начинает, а ты ему по-немецки, что нельзя так делать, нельзя. Она ж приедет и домой, и что она скажет дома родителям, как она себя вела там. Тяжело». Когда люди стоят на грани жизни и смерти, они меньше всего будут думать о морали и о том, «что скажут родители». Информантка говорит о своих наставлениях девушкам, чтобы в который раз подчеркнуть свое превосходство над ними, предстать в образе невинной девушки, которая даже во время войны думала о нравственности. Позже она оговорится, что ее муж упрекал, когда она ходила в театр. Возможно, он ревновал к ее военному прошлому, не доверял ей. В молодости она была привлекательна и даже красива (о чем свидетельствуют многочисленные фотографии в семейном альбоме), интерьер квартиры с иллюстрациями девушек наглядно доказывает внимание информантки к внешности,

телу. У бабы Нади не было детей. Не потому, что она не хотела иметь их: объяснение – в ее военной молодости. Известно, что женщины на войне прибегали к различным способам народной медицины, чтобы избавиться от нежелательных последствий отношений с мужчинами. В результате «народных экспериментов» над своим телом, а также различного рода венерических заболеваний женщина в лучшем случае становилась бесплодна. Нередки были случаи смертельного исхода.

Война прежде всего направлена против женщин. Женщина на войне умирает не единожды. Она умирает каждый раз, когда погибают ее дети, когда в одночасье рушится ее дом, ее семья, будущее, когда ее сопровождает постоянный страх быть изнасилованной. Женщины действительно боятся, боятся своих и чужих мужчин, поскольку мужчины не оставили свою агрессивную маскулинность на поле боя или у порога своего дома. Эта маскулинность вошла в их дом, вторглась в сферу их личной жизни[13].

Воспринимать рассказы о сексуальном насилии в годы войны не так легко, тем более их пересказывать. Некоторые считают, что говорить о таких вещах неприлично; дискуссии о сексуальности оскорбляют память либо о мертвых, либо о живых[14], либо о войне вообще. Для других это слишком тяжело и болезненно. Есть и такие, кто считает это незначительным на фоне развития патриотических идей, связанных с великой Победой. Предпринятый анализ устного интервью показывает глубину проблемы сексуального насилия на войне. Невозможность для женщин – жертв подобных отношений открыто рассказать о своем опыте, отсутствие в послевоенный период специальных психологических и социальных служб, которые помогли бы женщинам преодолеть случившееся, выводит нас на проблемы проработки прошлого и политики забвения. Остается надеяться, что современное поколение исследователей сможет выслушать, изучить и озвучить травматический опыт женщин – участниц Великой Отечественной войны.

---

13 Папич Ж. Национализм, война, тендер. Экс-феминизм и экс-маскулинность экс-граждан экс-Югославии // *Гендерные исследования*. 1999. № 2. С. 17.

14 Рингельхайм Дж. Указ. соч. С. 259.

Инна Жаркевич
(БГУ)

ЖЕНЩИНА КАК СУБЪЕКТ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Феминистские исследования в области военной безопасности развенчали миф о женщинах как пассивных объектах войны (беженцы и жертвы массовых изнасилований, вдовы и матери, лишившиеся сыновей) и показали их в качестве активных субъектов (как прямых, так и косвенных) – от непосредственных участников вооруженных конфликтов до активистов антивоенных групп. Данные этих исследований противоречат утверждениям радикального феминизма о «женщине как воплощении культуры мира и ненасилия» и отвергают бинарную оппозицию женщины–мир/мужчины–агрессивность. Вопрос, задаваемый американской исследовательницей Синтией Энлоу[1] о том, как объяснить то, «что женщина в герилье с автоматом в одной руке, а в другой – с младенцем, говорит, что воюет для защиты ребенка? Каким образом она говорит то же, что и женщины, протестующие против войны, чтобы спасти своих детей?», как нельзя более емко подчеркивает сложность и неоднозначность проблемы множественности гендерных ролей женщин в вооруженных конфликтах и тех причин, которые лежат в основе выбора той или иной стратегии участия в них.

Существенным моментом развития исследования проблематики «женщины и вооруженные конфликты» стал отход от ка-

---

[1] Enloe C. Maneuvers. The International Politics of Militarizing Women's Lives: Review. Los Angeles: University of California Press, 2000. P. 418.

тегории «женщина» к категории «гендер», что позволило обнажить сложность властных отношений и взаимосвязей не только между гендерными ролями мужчин и женщин (женщина, являющаяся одновременно матерью солдата и антивоенной активисткой, жительницей оккупированной территории и проституткой, обслуживающей оккупантов), но и между гендерными ролями самих женщин («добропорядочная» мать-патриотка и антивоенная активистка, «честная» работница военного завода и «бесстыжая» проститутка, обслуживающая солдат иностранных военно-морских баз). Новый подход позволил также увидеть женщин в их «укорененности» в исторических контекстах и специфических условиях их жизней.

В литературе по теме «женщина и война», где женщины позиционируются не только в качестве жертв, описываются две главные стратегии вовлечения женщин в вооруженный конфликт: в качестве комбатантов и в качестве участников антивоенных женских движений. При этом последней стратегии уделено большее количество исследований, что связано с длительной историей женского движения за мир, а также популярной теории об изначально присущей женщине этике заботы и ответственности, проистекающей из опыта материнства. Несмотря на это, эмпирические данные об участии женщин в военных отрядах, формируемых по добровольному принципу, опровергают теорию о женщине как изначально миролюбивом и справедливом существе в противовес агрессивным мужчинам.

Более того, в современном мире появляются новые гендерные роли. Человек с оружием в руках более не является исключительно мужчиной. Женщины во многих странах получили доступ в армию. В Израиле, где служба для женщин является обязательной, они составляют 36% состава армии, в ЮАР – 11%, в США – 11%. Поэтому женщины в современном мире могут быть не только жертвами войны, но и ее активными проводниками. А жертвами становятся мужчины-пленники в тюрьмах Ирака, подвергающиеся пыткам и издевательствам со стороны женщин-офицеров[2], пришествие которых в армию, видимо, совершенно

[2] Имеется в виду скандал об издевательствах американских военнослужащих, среди которых были и женщины, над военнопленными в тюрьме Абу Грей в Ираке.

не изменило ее характера самого маскулинизированного социального института.

Столь распространенный феномен широкого участия женщин в военизированных партизанских отрядах по всему миру, в национально-освободительных войнах (в маоисткой армии в Непале женщины составляли до 50%, в сандинистской армии в Никарагуа – до 30% и т.д.) заставляет задуматься о причинах, побуждающих женщин активно включаться в вооруженную борьбу.

Выбор женщин определяется множественностью социальных и исторических контекстов, в которых они действуют. Мотивации женщин, добровольно вступающих в подпольные группы, отличны от мотивов женщин, пополняющих ряды профессиональных армий. Исключенность женщин из сфер безопасности и обороны, освобождение их от главного гражданского долга – службы в армии негласно превращало их в граждан второго сорта. Поэтому стремление женщин получить доступ в вооруженные силы, а также столь широкое их участие в национально-освободительных движениях многими исследователями объясняется как средство обеспечить равенство с мужчинами в сфере гражданства[3]. Так, вступление женщин как Никарагуа, так и США в ряды соответственно сандинистской и американской армий во многом определялось потребностью в эмансипации. В случае Никарагуа – эмансипация в широком смысле: для улучшения положения всех женщин, включения их в публичную сферу жизни при новом режиме; в случае США – эмансипация в узком плане: для улучшения своего социально-экономического и личностного положения в обществе.

Однако мотивации женщин этим не исчерпываются. Можно утверждать, что часто женщины не сами берут оружие – их вынуждают сделать это. Их роли комбатантов обусловлены невозможностью удовлетворить базовые потребности семей, а также отсутствием мужчин, традиционно исполнявших данные роли. Так, участие женщин в повстанческой маоистской армии в Непале представляло собой стратегию выживания в условиях отсутствия мужчин, которые мигрировали из сельских районов

3 Yuval Davis, Nira. Gendered militaries, gendered wars // *Nationalism: critical concepts in political science* / ed. by John Hutchinson; Anthony D Smith. London; New York: Routledge, 2002. P. 1571–1595.

страны в города или в соседнюю Индию, а также стратегию защиты своих семей от правительственных военизированных отрядов. В 1980-е гг. в ЮАР женщины были вынуждены перейти от участия в гражданских инициативах к вступлению в герильи из-за сноса правительством целых «черных» районов внутри городов, самостоятельно построенных и обустроенных женщинами. Рассматриваемые правительством в качестве нелегалов и неграждан, не имеющих права жить в городах со своими мужьями, женщины стали матерями-одиночками при живых и любящих мужьях. Выбор, сделанный ими в пользу участия в герильях, также свидетельствует о невозможности обеспечить выживание другими способами. Когда методы гражданских инициатив, гражданского неповиновения не действуют, остается один выбор.

Модель участия в конфликте (мирная или военная стратегия и их эволюция) часто зависит от того, какой идентичности придается большее значение (нации, этносу или полу) или специфичности их пересечения в каждом конкретном случае. В случае бывших колониальных народов приоритет борьбы за национальную независимость становился естественным выбором женских движений. Двойной гнет своей и чужой патриархальной системы привел к солидарности не с женщинами Запада, а со своими мужчинами, которые не меньше женщин страдали от колониальной политики.

По мере созревания и укрепления национальной идентичности происходит формирование других коллективных идентичностей, их усложнение и, как следствие, изменение стратегий женских движений. Так, на первоначальном этапе палестино-израильского конфликта женщины по обе стороны солидаризировались с политикой, проводимой своими правительствами/партиями (Израиль/Палестина), однако на определенном этапе агрессивная политика милитаризма, оправдываемая во имя нации, была поставлена под сомнение женщинами, которые задавали вопрос: «Чью безопасность обеспечивает данная политика и за счет чьих жизней?». Приоритет национальной идентичности уступает место общечеловеческой идентичности, которая позволяет объединиться в единое движение представителям воюющих стран. Наиболее яркие примеры тому – антивоен-

ные движения в Израиле/Палестине и бывшей Югославии[4]. Движения, основанные на опыте материнства, в своей деятельности поднялись выше заботы о судьбах своих сыновей, сделав акцент на судьбах всех людей по обе стороны огня, которые так или иначе оказываются в него втянуты. Если данное движение, основанное на материнской идентичности, было глубоко антинационалистично, антимилитаристично по своей сути, то другие материнские движения, как в Сербии, так и в Хорватии, можно назвать провоенными, основанными на идеологии национализма и гордости за «Великую Сербию» и своих сыновей, которые ее защищают. Данный пример еще раз подчеркивает, что действия, основанные на одинаковых идентичностях и одинаковых мотивах, могут быть противоположны по внутреннему содержанию и целям.

Несмотря на довольно значительное присутствие женщин как в армиях, так и в националистических движениях, более видимое участие женщин в антивоенных движениях и движениях против диктатур (Израиль, Аргентина, Югославия, Россия, Шри-Ланка, Ирландия, ЮАР, Сальвадор) позволяет задать вопрос – воспринимаемый многими исследователями с большим скептицизмом – о том, насколько специфический женский опыт способствует занятию ими данной позиции. Я думаю, что нельзя полностью отвергать гипотезу о специфической этике справедливости, присущей многим женщинам, так как анализ так называемых «case-studies» показывает, что участие женщин в вооруженных конфликтах часто продиктовано необходимостью, а вступление в профессиональную армию женщины используют как средство личной эмансипации или карьерного роста, никак не думая об армии как институте, призванном обеспечивать безопасность государства, то есть при необходимости убивать «врагов».

Однако какая бы ни избиралась стратегия вовлечения в вооруженный конфликт, участие женщин в военных действиях даже в качестве прямых их субъектов не меняет ни гендерного порядка в армии, ни гендерного режима в обществе (пример – армии Израиля, США, где ответственные посты в армии и мини-

---

[4] Neugebauer Monica E. Domestic Activism and Nationalist Struggle // *The women and war reader* / ed. by Lorentzen, Turpin. NY: New York University Press, 1998. P. 177–183.

стерствах обороны занимают мужчины или женщины, которые приняли «мужские» законы этих институтов, не говоря уже о неизменности сути политики этих государств, которые являются наиболее милитаризированными в современном мире). Женщины, столь активные в партизанских движениях, первыми оказываются выкинутыми на обочину новых постколониальных государств, становясь лишь символами нации – то есть женами и матерями героев, но никак не самими героинями. Участие женщин в антивоенном движении не приводит к их участию в мирном процессе (Израиль, Югославия). Антивоенные группы не участвовали ни в палестино-израильском мирном процессе, ни в северо-ирландском. Лишь в случае ЮАР, где роль женщин в движении против апартеида была признана даже ведущей партией АНК, они смогли добиться участия в процессе выработки новой конституции, однако лишь после проведения еще одной двухлетней кампании.

В связи с этим встают вопросы: какой потенциал для изменения существующей структуры властных отношений и социальных практик содержат две основные стратегии участия в вооруженных конфликтах – мирная и военная? Что они несут для развития самих женщин и того общества, в котором они живут? Какие глубинные мотивации лежат в основе той или иной стратегии участия в конфликте и как само участие женщины в конфликте меняет ее восприятие мира? Вопросы антивоенных феминистских групп: «Изменят ли женщины армию или армия сама изменит женщин?» или: «Является ли патриархат неотъемлемой частью милитаризма или лишь барьером к полной милитаризации женщин?» – закономерно проблематизируют прямое участие женщин в вооруженных конфликтах, их милитаризацию как стратегию достижения равенства. Однако под большим сомнением остается и то, насколько глубоко одни лишь антивоенные движения могут влиять на милитаризированную основу современных государств. Может ли давление извне системы стать альтернативой изменению системы изнутри? Очевидно, что данные вопросы требуют дальнейшего исследования и осмысления.

Марина Кузнецова
(ЕГУ)

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ ВИЗУАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ

Summary: The article contains gender analysis of visual representations of teacher's professional identity. Representation in visual culture influence social performances, directing daily social practices, and by that design all types of identity. In clause the mechanism of two-way influence of gender and professional identity, been represented in the Belarusian professional editions for the teachers, is opened.

Информационная эпоха оказала существенное влияние на коммуникацию в человеческом сообществе, существенно трансформировав многие социальные процессы. Ответственность за формирование нового субъекта в современном мире в значительной мере несет визуальная культура. «Наша идентичность формируется в окружающем нас визуальном поле – посредством Интернета, просмотра глянцевых журналов, чтения газет, просмотра телевидения...»[1]

Гендерные репрезентации в различных областях социального информационного пространства оказывают воздействие на гендерную идентификацию воспринимающего их индивида. Взаимодействие процессов конструирования и интерпретации

[1] Усманова А. Между искусствознанием и социологией: о предмете и методе визуальных исследований // Визуальные аспекты культуры. 2006: Сб. науч. ст. / Под ред. В.Л. Круткина, Т.А. Власовой. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. С. 10.

гендера при активном участии социального актора приводит к производству новых значений, и таким образом осуществляется непрерывное конструирование гендерной идентичности как на индивидуальном или групповом уровне, так и в масштабах всего социума.

Образ учителя, создаваемый СМИ, отражает представления общества о роли, предназначении, качествах и чертах человека, выполняющего возложенные на него функции. Гендерная система белорусского общества не в последнюю очередь опирается на профессиональную сегрегацию по признаку пола, направляя женщин в профессии, связанные с воспитанием и уходом. Гендерная идентичность продолжает использоваться в качестве основополагающей для формирования профессионального образа учительницы.

Формирование профессионального самосознания, профессиональной идентичности учителя является важным объектом для «государственного разума». Государственные идеологические аппараты, функционирующие на всех уровнях общественного устройства, действуют через различные социальные институты: образовательные, религиозные, правовые, политические, профсоюзные. К государственным идеологическим аппаратам Альтюссер относит и средства массовой коммуникации (пресса, радио, ТВ), и культурные учреждения (искусство, литература, спорт и т.д.)[2].

Функции идеологии – в поддержании «правильных отношений», сохранении и упрочении положения доминантности-подчинения в обществе. Идеология существует на символическом, бессознательном уровне, посредством репрезентаций многообразных идентичностей. Говоря языком Г.Ч. Спивак, необходимо понять механизмы сложных и изменчивых дискурсивных и материальных процессов, посредством которых идентичности приписываются, отторгаются или принимаются, и где сами эти процессы никак не отмечены – поскольку именно незаметность обусловливает их эффективность[3].

---

2 Althusser L. Ideology and ideological state apparatuses, in Mapping Ideology / Zizek S., ed. Verso. 1994. P. 129.

3 Спивак Г.Ч. Может ли угнетенный говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. СПб., 2001.

Существующие в обществе гендерные отношения призваны обеспечивать и воспроизводить общественное устройство. Нэнси Фрэжер, исследуя причины гендерной иерархии, приходит к выводу о существовании двух видов взаимно усиливающих друг друга несправедливостей: социально-экономической и культурной. Социально-экономическая несправедливость проявляется в политико-экономической структуре общества – эксплуатации, маргинализации, депривации определенной гендерной группы. Второй тип несправедливости – культурная, или символическая, укорененная в социальных паттернах репрезентации, интерпретации и коммуникации. Проявляется в виде культурного доминирования – когда человек «подпадает под паттерны интерпретации и коммуникации, которые ассоциированы с другой культурой и чужды его собственной; непризнания – когда человек невидим в репрезентационных, коммуникативных и интерпретативных культурных практиках; неуважения – когда человек постоянно опорочивается или унижается в стереотипных публичных репрезентациях и-или повседневных взаимодействиях»[4].

Несправедливость экономическая и культурная так сплетены между собой, что диалектически они усиливают друг друга. Культурные нормы, которые незаслуженно дискриминируют кого-то в обществе, институционализированы в государстве и экономике, в то же время экономическое неравенство препятствует равному участию в создании культуры, в публичных сферах и в повседневной жизни.

Гендерные стереотипы в системе патриархатной картины мира декларируются следующими тезисами.

Главное для женщины – семья, материнство, забота о других. Именно эти направления должны быть для нее важнейшими. Женская любовь – это растворение в любимом человеке, жертвенность, отказ от своего мира.

Повышение престижа роли домохозяйки. Для женщины вполне достойно здесь самореализовываться. Следовательно, социальная политика должна быть направлена на освобож-

4 Фрэжер Н. От перераспределения к признанию? Дилеммы справедливости в «пост-социалистическую эпоху» // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. С. 26.

дение женщины от необходимости работать в общественной сфере.

Устойчивость и надежность семьи зависит от наличия в ней опоры и главы в лице мужчины. Главное для него – работа, дело. Жена – его «тыл», который обеспечивает мужу условия для реализации его ролей[5].

Результатом доминирующего дискурса является порочный круг культурного и экономического угнетения.

В современной белорусской гендерной культуре мы наблюдаем воспроизводство бинарных позиций – т.е. мужчина/женщина, культура/природа, общественное/частное, сила/слабость, разум/тело, рациональность/эмоциональность. Эти понятия конструируются как противоположные, без каких-либо точек взаимопроникновения или смешения. Более того, один из членов оппозиции при этом всегда наделен более привилегированным положением, и, в свою очередь, понятия, стоящие по одну сторону оппозиции, объединены общей ассоциативной связью. Так, мужчина ассоциируется с силой и рациональностью, а женщина – со слабостью и эмоциональностью; женщина представляется как существо частное, домашнее, в то время как мужчина – существо политическое, общественное и т.п. Как показывают «археологические» раскопки Фуко по истории социальных институтов, понятие об истинной природе вещей, о том, что является натуральным (сущностным) и естественным, а что – девиантным и неестественным, зависит от конкретного социально-исторического периода и напрямую связано с доминантными на тот период нормами и правилами[6].

Особенности гендерной несправедливости состоят в андроцентризме, где царит властная система норм, отдающих превосходство чертам, ассоциируемым с маскулинностью. Все, что кодируется как фемининное, – обесценивается. Механизм обесценивания воспроизводится существующей идеологией, использующей весь имеющийся в ее распоряжении государственный идеологический аппарат. Профессиональная сегрегация, выражающаяся и в феминизации педагогической деятельности, представляет поле производства доминирующего дискурса.

---

[5] Воронович В.М. Если не я, то кто // *Образование и воспитание*. Мн., 2006. № 10. С. 15, 17.

[6] Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 431–456.

То, что мы связываем с понятием «педагог», включает совокупность образцов поведения, навыков, обычаев, весь фон социокультурных практик, ориентирующих личность на выработку определенных качеств, необходимых представителю данной профессии. На фоне этих общих для профессиональной культуры практических навыков развиваются идеологии и ценности педагогического сообщества. Каждая из таких культурных практик подразумевает момент классификации, оценивания, или, говоря словами М. Вебера, наделения ограниченного сегмента бессмысленной неупорядоченности смыслом и значением с точки зрения людей. «Тем самым происходит одновременный и реципрокный (обратимый, взаимный) процесс упорядочения, иерархизации социальных отношений и культурной легитимации, оправдания существующих иерархий. Речь идет о социальном конструировании неравенства путем оформления и закрепления образцов и образов социальной структуры в репрезентативной культуре общества. Эти образы воспринимаются как должное, не подлежащее сомнению, и все последующие возможные вариации сравниваются, подравниваются, нормируются в соответствии с закрепленным каноном»[7]. СМИ являются проводником идей доминирующего класса, где репрезентация гендерных отношений воспроизводит доминирующий дискурс, поддерживает социальную иерархию и легитимирует гендерную культуру. Определенный гендерный порядок регулирует жизнь и деятельность людей и направлен на поддержание существующих отношений по поводу власти в обществе.

Роль средств массовой информации как образцов и проводников доминантных дискурсов в настоящем широко изучается социологией. Дэвид Бакбиндер, изучавший репрезентацию гендерной идентичности в кино, видео и печати, так отмечает важность анализа материалов СМИ, художественной литературы и искусства: культурные тексты – это нечто большее, чем просто нарративы и образы. Они (культурные тексты) отражают модели и идеологии, (существующие) вовне, в культуре, и (придавая им форму через нарратив, пример и иллюстрацию) укрепляют их и проектируют обратно в культуру[8].

---

7 Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурная репрезентация гендерных отношений // *Высшее образование в России*. 2001. № 4. С. 3.

8 Де Флер Мелвин, Балл-Рокич Сандра. Теории массовой коммуникации.

«Визуальная реальность» предстала как «культурный конструкт», и вследствие этого может быть прочитана и подлежать интерпретации в такой же мере, как и любой литературный текст. «Визуальность перестала восприниматься как вторичное» или подчиненное измерение культурной практики. «С точки зрения гендерной истории следует отметить, что при всей "сомнительности" использования визуальной культуры *как источника* – именно в силу автономности визуального языка, бессознательных интенций визуального текста (который проговаривает то, о чем общество предпочитает молчать, а психоаналитику затем приходится расшифровывать) и его меньшей цензурированности (со стороны власти) визуальные медиа и изобразительные искусства иногда предоставляют больше информации для размышлений историков, чем письменные документы, в которых лакун значительно больше – по крайней мере в том, что касается репрезентации женщин в истории»[9].

Сообщение, которое опирается на визуальную метафору и использует ее в качестве центрального элемента своей структуры, становится носителем определенной идеи, концепта.

Репрезентации в визуальной культуре влияют на социальные представления, направляя повседневные социальные практики, и тем самым конструируют все типы идентичности – и гендерные, и профессиональные. Репрезентативная культура организует ориентацию людей в повседневной жизни, оказывая влияние на формирование «образа – Я», где гендерная и профессиональная «интерпелляции» взаимно обусловлены.

Какие же образы предлагают нам средства массовой информации? Какие идеологические установки транслирует «государственный разум» для «означивания отношений власти»?

Фокусом нашего анализа будут являться репрезентации женских и мужских образов в профессиональной газете белорусских учителей – во-первых, с точки зрения представленности мужчин и женщин на страницах газеты и, во-вторых, в сравнении видов деятельности. Было проанализировано 35 номеров «Настаўніцкай газеты» («НГ») с февраля

М., 2001. С. 350.

9 Усманова А. Визуальный поворот и гендерная история // Гендерные истории Восточной Европы / под ред. Е. Гаповой, А. Пето и А. Усмановой. Мн.: ЕГУ, 2002. С. 49.

по апрель 2008 г. Особый интерес представляет репрезентативность полов на самом важном по видимости пространстве «НГ» – на ее первой странице. Без преувеличения можно сказать, что большинство читательской аудитории газеты составляют женщины. Тем не менее, несмотря на огромное количество женщин, посвящающих себя карьере в среднем образовании, «НГ» чрезвычайно скудна в репрезентации успешных женщин учителей и администраторов. При поверхностном анализе визуальных образов на первой странице НГ обращает на себя внимание следующий факт. Большинство всех номеров имеет чисто «мужское высокостатусное лицо: президент Беларуси – 3 номера, президенты Азербайджана, Казахстана, послы Франции и Сирии – 4 номера, министр образования – 8, ректоры вузов – 3, декан – 2, профессора – 2, директора гимназий, лицеев – 4. Женщины: профессора – 2 номера, директор школы – 1, преподаватель вуза – 1, психолог – 1. Мужчины появляются на первой странице 26 раз, женщины – 5.

Поскольку первая страница в средствах массовой информации всегда идеологически нагружена и легитимирует властные отношения, то мы можем говорить о доминирующем властном дискурсе, своеобразной маргинализации женщины в профессиональной деятельности.

Работа традиционно понимается как деятельность в публичной сфере, приносящая экономическую прибыль и дающая ресурс для доминирования. Гендер – полезная категория анализа экономики, и сферы приложения сил мужчин и женщин, представленные в репрезентациях, отражают характер доминирования в профессиональной деятельности. Если анализировать репрезентации деятельности женщин и мужчин в «НГ», то картина получается следующая: женщины (деятельность в порядке убывания) получают цветы – 6 фотографий, танцуют – 4, демонстрируют различные костюмы – 2, играют с детьми – 2, гладят белье, играют на музыкальных инструментах, плачут, возлагают цветы, читают книгу, работают за компьютером. Мужчины: вручают дипломы, грамоты – 4 фотографии, работают за компьютером – 4, произносят речь – 2, работают с документами – 2, представляют новое оборудование, обучают военному мастерству, представляют победителей олимпиад. Анализ репрезентаций, представленных на по-

следующих страницах «НГ», позволяет выявить следующие профессии, предназначенные для женщин: педагоги-психологи, учителя, хореографы, экскурсоводы, руководители ансамблей народного творчества. Мужчины представлены через высокостатусные виды деятельности: руководители, работники силовых ведомств, руководители методических объединений, учителя информатики, математики (что в иерархии школьных предметов занимает ведущие позиции). Таким образом, репрезентация профессиональной деятельности отражает ситуацию отчуждения женщины от ресурсов – как властных, так и экономических. Борьбу за легитимное видение мира, за символический социальный капитал женщины проигрывают. В обыденном сознании фемининность женщины продолжает традиционно измеряться ее способностью к эмоциональному и дешево оцениваемому в денежном отношении труду заботы, ухода и воспитания, что в свою очередь ассоциируется с принадлежностью к малопрестижной домашней сфере.

Если переходить к анализу визуального образа женщины-учительницы, то начать хочется с того ощущения, которое вызывает этот образ. Понимающая, добрая, нежная, открытая, спокойная, домашняя, романтичная – такой предлагается быть современной учительнице. Если сравнивать с типажами, которые предлагались в советское время (фильмы «Весна на Заречной улице», «Доживем до понедельника», «Большая перемена»), то нетрудно обнаружить отличия. Обязательным атрибутом внешности учителя был строгий деловой костюм, удобная обувь на небольшом каблуке, строгая прическа. В современной интерпретации все по-другому: на смену костюму пришла свободная блузка с закатанными рукавами, мягко ниспадающая юбка. Современная учительница украшает свой образ – серьги в ушах призваны подчеркнуть женственность и красоту. Меняется прическа – длинные волосы, свободно падающие по плечам. Раскрытые ладони рук – они готовы поддержать, ободрить, приласкать. Взгляд женщины направлен вдаль. Он выражает спокойствие и некую отстраненность от внешних событий – они происходят в той сфере, где сосредоточены ресурсы и власть, а она не претендует на эту сферу, ей достаточно того, что она будет «дарить любовь, залечивать раны».

Такой хочет видеть общество современную учительницу. Такая личность не будет конфликтовать – она понимающая. Такой личностью можно управлять – она мягкая и податливая. Она с успехом будет реализовываться в частной сфере – будет хорошей матерью, хозяйкой, женой, без сожаления отдав публичную сферу в руки мужчин, ибо она – женщина – логично продолжает свою миссию, предназначенную ей обществом. Общество предписывает быть феминной – власти с таким учителем проще решать задачи собственного воспроизводства.

Итак, легитимация профессиональной идентичности учительницы происходит путем принижения социального статуса в публичной сфере, предписывая компенсироваться в частной, используя «женскую эксцессивность» в качестве ведущего капитала. Культурная несправедливость отказывает женщине в доступе к власти, к экономическим ресурсам, репрезентируя профессиональную деятельность через низкооплачиваемые и низкостатусные идентичности.

Особенности гендерной несправедливости состоят в андроцентризме, где царит властная система норм, отдающих превосходство чертам, ассоциируемым с маскулинностью. Все, что кодируется как феминное, обесценивается.

Для достижения культурной справедливости необходима трансформация социальных паттернов репрезентации, интерпретации и коммуникации. Культурные и символические изменения должны повлечь переоценку культурных стереотипов, дающих привилегии маскулинности и обесценивающих все женское.

Литература

1. Спивак Г. Может ли угнетенный говорить? // *Введение в гендерные исследования*. Ч. 2: Хрестоматия. СПб., 2001.
2. Усманова А. Между искусствознанием и социологией: о предмете и методе визуальных исследований // *Визуальные аспекты культуры 2006*: Сб. науч. ст. / Под ред. В.Л. Круткина, Т.А. Власовой. Ижевск: ГОУВПО, Удмуртский государственный университет, 2006.
3. Фрэжер Н. От перераспределения к признанию? Дилеммы справедливости в «пост-социалистическую эпоху // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. СПб., 2001.

Светлана Вилюк
(ЕГУ)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКИХ И МУЖСКИХ ОБРАЗОВ В БЕЛОРУССКИХ МЕДИА В КОНТЕКСТЕ ПРАЗДНИКА 8 МАРТА

Молчи, женщина! Твой день – 8 Марта.
Поговорка

Праздник 8 Марта, являющийся в Беларуси государственным, представляет интерес для исследования, так как традиционно считается «праздником пола». Объектом исследования в моей работе являются женские и мужские образы, репрезентируемые в белорусских медиа накануне этого праздника и в связи с ним.

В работе проанализированы материалы белорусских масс-медиа в период с 2004 по 2007 г. Источниковой базой послужили печатные и интернет-версии белорусских государственных и независимых изданий («БелГазета», «Белорусская деловая газета», «Народная газета», «Советская Белоруссия», районные издания Гомельской области), программа «Контуры» телекомпании ОНТ от 12.03.2006 г., а также новостные сообщения с официального сайта ОНТ.

Современный женский праздник берет свое начало с выступлений работниц швейных и текстильных предприятий Нью-Йорка, организовавших массовую акцию протеста 8 марта

1857 г.[1] Решение о ежегодном праздновании Международного женского дня было принято в 1910 г. на 2-й международной конференции социалисток в Копенгагене по предложению Клары Цеткин. Впервые праздник был широко отмечен в ряде европейских стран в 1911 г., в России – в 1913 г.[2] С 1966 г. в СССР Международный женский день стал официальным государственным праздником и нерабочим днем[3]. Постепенно праздник потерял свой первоначальный смысл: стал деполитизированным[4] и начал походить на античный женский праздник (в Древнем Риме раз в году и матроны, и рабыни получали подарки и пользовались особым вниманием[5]).

Праздник приобрел черты карнавального торжества[6] с его функцией социальной разрядки и практиками смены статусов, что отражается в материалах белорусских СМИ, говорящих об исключительности поведения по отношению к женщинам в этот день. Интересна и дата проведения «женского праздника» – 8 марта: конец зимы – начало весны можно назвать сезоном карнавалов, устраиваемых во многих странах. С карнавалом праздник «роднит» также сопровождающая его некоторая фривольная атмосфера, когда женщина выступает как пассивный объект, ждущий мужского внимания, которое последнему вменяется чуть ли не в обязанность.

Государственные медиа делают праздник главной темой, в отличие от независимых изданий, затрагивающих его вскользь.

---

1 Kaplan T. On the Socialist Origins of International Women's Day // *Feminist Studies*. 1985. No 11. P. 163. http://www.emancipatie.nl/_documenten/vvnl/doc/2006/KaplanSocialistOrigins.pdf. Дата доступа: 14.04.2007.

2 Большой энциклопедический словарь. СПб.: Норит, 1998. С. 710.

3 Википедия http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%8C. Дата доступа: 11.04.2007.

4 Жбанков М. Не отзывайтесь на «милую»! Восьмое марта как день всех недолюбленных [Интервью с Усмановой А.Р.] // *Белорусская деловая газета*. 2006. 7 марта. http://bdg.press.net.by/2006/03/2006_03_07.1594/1594_4_1.shtml. Дата доступа: 17.03.2007.

5 Паймеева Л. Немного истории // *Современное образование*. 2006. № 3 (108). http://www.edit.muh.ru/newspaper/so_2006/03/st16.htm. Дата доступа: 05.04.2007.

6 Усманова А.Р. Ритуалы равноправия, женщины и кинематограф. Сценарий («Институт культуры»).

Мужские образы, репрезентируемые в белорусских медиа, прежде всего характеризуются словом «сила», реже – «ум». Часто употребляется словосочетание «сильный пол». Особый случай – это районные еженедельные газеты, которые посвящают первую половину номера милиционерам-мужчинам (4 марта – День милиции), вторую – женщинам. Таким образом, наличествует дихотомия: мужчины-защитники/женщины – защищаемые объекты. Специальным, «праздничным» образом мужчины в белорусских медиа является образ «джентльмена-романтика», дарящего женщине цветы. Образ мужчины в этот праздник несколько изменяется – он становится «менее суровым», что объясняется белорусскими медиа «влиянием весны».

При конструировании образа женщины в белорусских медиа чаще всего используются эпитеты, характеризующие внешность и душевные качества. Женщины описываются как заботливые и ждущие заботы, добрые, отзывчивые, любящие, любимые, страстные, трудолюбивые, загадочные. Наиболее часто встречающееся в описаниях СМИ состояние женщин накануне 8 Марта – это пассивное ожидание: ожидание самого праздника, ожидание действий мужчины, его поддержки (мужчина выступает как предполагаемая опора и защита). Что касается ролей женщин, то центральное место среди репрезентаций, предлагаемых белорусскими (государственными) медиа, занимает роль женщины-матери, что является во многом следствием государственного заказа. В белорусских государственных медиа женщина почти всегда мать, в то время как мужчина почти всегда не отец. Белорусские независимые газеты также репрезентируют женщину как любовницу и сексуальный объект (что не артикулируется явно в государственных СМИ). Распространенным образом в белорусских медиа является образ женщины – спутницы мужчины: спутницы знаменитых мужчин, жены дипломатов и политиков, боевые подруги-партизанки и т.п. Что касается непосредственно профессиональной деятельности, то в белорусских (государственных) медиа чаще всего представлены работницы бюджетной сферы (учительницы, врачи, почтальоны, чиновники), сферы обслуживания (продавцы, парикмахеры), сельские работницы, представительницы творческих профессий и шоу-бизнеса (певицы, актрисы, писательницы, модели, спортсменки). В характеристике женщины как работника всегда при-

сутствует упоминание ее привлекательной внешности, независимо от того, какой деятельностью она занимается. Что касается социальных проблем женщин, то они практически не затрагиваются, за исключением проблемы работорговли. Белорусские государственные СМИ рапортуют о президентской политике поддержки женщины в роли матери. Гендерная проблематика затрагивается крайне редко. Первое место в белорусских медиа отводится ритуальной и потребительской стороне праздника: выбору цветов и подарков, советам, как одеться и где провести этот день.

Международный женский день репрезентируется в белорусских медиа как аполитичный праздник женщин. Женщина становится в этот праздник не просто «видимой», она становится пристально рассматриваемым объектом, однако репрезентации и женских, и мужских образов в белорусских медиа не выходят за рамки существующих гендерных ролей.

Ольга Сасункевич
(ЕГУ)

ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК СТРАТЕГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ТРУД В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (WELFARE STATE)

Право на труд является одним из наиболее значимых социально-экономических прав в современном обществе. Реализация этого права обеспечивает гражданам любого государства возможность самореализации, финансовую независимость, доступ к различным интеллектуальным ресурсам.

В белорусском законодательстве равенство возможностей в реализации права на труд предусмотрено статьей 32 Конституции, согласно которой женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и другой сферах деятельности, а также условий для охраны их труда и здоровья.

Положения Конституции конкретизируются в нормах различных отраслей права, в частности, особенности трудовых правоотношений с работниками регулируются Трудовым кодексом. Экспертиза Трудового законодательства, проведенная И.М. Чистяковой и И.А. Чутковой, позволяет говорить о Беларуси как о социально ориентированном государстве (welfare state)[1].

---

[1] Чистякова И.М., Чуткова И.А. Гендерная экспертиза законодательства,

Формирование концепции социально ориентированного государства началось в XIX в., когда процессы урбанизации и индустриализации потребовали выработки новых подходов к решению социальных проблем[2].

Широкое понятие *welfare state* включает проблемы образования, здоровья, социальной безопасности. В более узком значении под welfare state понимается возможность реализации социальных прав в случаях болезни, рождения детей, безработицы и бедности и т.п.

На первый взгляд, концепция социальной политики представляет собой вполне адекватные меры по защите государством базовых прав своих граждан.

Однако, по мнению европейских исследователей, на самом деле в большинстве стран Западной Европы эта концепция реализуется в виде патерналистского отношения к женщине, которое ставит ее в изначально невыгодные условия по сравнению с мужчинами. Норвежская исследовательница Хельга Хенрнес объясняет это тем, что с выходом женщин на рынок труда произошло смещение их зависимости из частной сферы (зависимость от отца, а затем мужа) в сферу публичную, когда роль отца или мужа стало играть государство[3].

В европейских исследованиях разработаны различные модели социально ориентированного государства. Однако наиболее интересной для меня представляется подход Д. Сейнсбери, поскольку в нем содержится не только критика социального государства с позиций феминистского дискурса, но и позитивные возможности этой идеологии.

Сейнсбери выделяет три режима гендерной политики, характерных для различных социально ориентированных государств:

1) режим *«мужчина-кормилец» (male breadwinner regime)*, основанный на прямом разделении труда между мужчинами и женщинами. Женщинам и мужчинам предписываются различные социальные роли. Замужество и семья дают определенные преимущества и социальные гарантии. Отсутствие семьи и от-

---

регулирующего трудовые отношения. http://pravo.kulichki.com/dop/otdk/otdk0185.htm.

2 Silius H. Feminist Perspectives on the European Welfare State // Thinking Differently: A Reader in European Women's Studies edited by Gabriele Griffin and Rossi Braidotti. P. 32.

3 Ibid. P. 35.

каз от вступления в брак не поощряются. Мужчинам предписывается содержать семью, взамен на это они получают от государства социальные и налоговые привилегии. Женщины реализуют себя в роли жены, что ослабляет их статус на рынке труда. Их основная обязанность – заботиться о муже и детях в форме неоплачиваемого труда. Незамужние и разведенные женщины остаются социально незащищенными;

2) режим *разделенных ролей (the separate roles regime)* сохраняет модель разделения труда между мужчинами и женщинами. Однако, в отличие от предыдущей модели, и мужской труд по материальному обеспечению семьи, и женский труд по заботе о семье считаются равноценными. Работа по обеспечению заботы о семье становится частично оплачиваемой. Тем не менее на рынке труда сохраняется принцип приоритета мужчины как человека, материально обеспечивающего семью;

3) режим *индивидуальной стратегии в материальном обеспечении и заботе (the individual earner-carer regime)* принципиально отличается от двух вышеописанных режимов. В нем отдается предпочтение равным правам. Предполагается, что женщины и мужчины могут одновременно и зарабатывать деньги, и заботиться о себе. Это значит, что социальные права делегированы не семье, а отдельным личностям. Раздельное налогообложение женатых людей позволяет рассматривать мужа и жену как равноправных участников рынка труда. Нивелирование значения брака как основы социальной защищенности является основополагающим элементом данной системы[4].

Конечно, в реальной жизни мы редко можем столкнуться с существованием каждого из этих режимов в чистом виде. Скорее, можно говорить о комбинации различных элементов каждого режима.

Говоря о Беларуси, достаточно сложно определить, какая из приведенных выше моделей наиболее точно могла бы охарактеризовать существующий здесь гендерный режим. Ведь классификация Сейнсбери основана исключительно на опыте западноевропейских государств.

Тем не менее, на мой взгляд, очевидно, что (по крайней мере, в наиболее общем виде) применительно к нашей стране можно говорить о первом гендерном режиме, режиме «мужчины-

[4] Silius H. Op. cit. P. 41–42.

кормильца». В Беларуси и мужчины, и женщины вовлечены в сферу наемного труда. Однако это вовлечение отнюдь не равноценно. Женщины работают в менее оплачиваемых и менее социально престижных отраслях. Эти отрасли чаще всего связаны именно с обслуживающим трудом. Таким образом, забота о семье даже как вид трудовой занятости продолжает восприниматься в качестве обязанности женщины, которую она должна выполнять на практически бесплатной основе.

Приоритет в материальном обеспечении семьи все равно признается за мужчиной. Так что государству необходимо регулировать рынок труда таким образом, чтобы позволить мужчине реализовать подобный социальный заказ. Поэтому отрасли, в которых работают преимущественно мужчины, являются более статусными и хорошо оплачиваемыми, даже когда речь идет о труде, не требующем высокой квалификации и образования. Поэтому замужество и материнство продолжают рассматриваться как наиболее удачная жизненная стратегия для белорусских женщин.

Конечно, в Беларуси значительное внимание уделяется охране материнства, при этом предполагается, что материнство не отрицает для женщины возможности реализовывать свое право на труд. Однако, по мнению некоторых феминисток, чрезмерная опека материнства является еще одним фактором, который препятствует женщинам наравне с мужчинами реализовать свое право на труд[5]. Данный тезис актуален и для Беларуси. Гендерная экспертиза Трудового кодекса позволяет сделать вывод о том, что многие нормы трудового законодательства являются дискриминационными для женщин и мешают им в реализации своих прав на труд[6]. В первую очередь это связано как раз с теми нормами, которые регулируют охрану материнства. Вследствие этого женщинам, как правило, сложнее найти хорошо оплачиваемую работу, доля женщин среди безработных превышает долю мужчин, женщинам сложнее выстраивать свою карьеру в сфере наемного труда из-за предвзятого отношения, потери квалификации за время декретного отпуска, ограничений, налагаемых трудовым законодательством на использование труда беременной женщины и женщины, находящейся в декретном отпуске.

5 Silius H. Op. cit. P. 36.

6 Чистякова И.М., Чуткова И.А. Указ. соч.

Таким образом, социальная политика белорусского государства является, по сути, дискриминационной для женщин и препятствует реализации женщинами закрепленных за ними прав, в частности права на трудовую деятельность.

В качестве стратегии по преодолению данного ограничения многие исследователи, точку зрения которых я вполне разделяю, называют женское предпринимательство. Поскольку предпринимательство является одной из разновидностей самозанятости, оно не регулируется трудовым законодательством. Следовательно, многие социальные преференции, которые предусмотрены Трудовым кодексом и которые, как я уже отмечала выше, ослабляют позицию женщин на рынке наемного труда, на предпринимательниц не распространяются.

Наибольший интерес для меня представляет индивидуальное предпринимательство (ИП). ИП – это официально принятое название категории субъектов хозяйствования, которые осуществляют свою деятельность в статусе физического лица и могут использовать труд не более трех наемных работников (по крайней мере, до 1 января 2008 г.). В настоящий момент в Беларуси зарегистрировано 190 тысяч ИП.

Индивидуальное предпринимательство имеет более низкий порог входа по сравнению с другими сферами малого бизнеса, а также не требует таких больших финансовых вложений, которые необходимы, например, для регистрации юридического лица. Возможно, именно поэтому среди белорусских индивидуальных предпринимателей количество мужчин лишь незначительно превышает количество женщин. Согласно данным Министерства по налогам и сборам, доля женщин среди индивидуальных предпринимателей составляет 47%, доля мужчин – 53%, т.е. количество самозанятых в предпринимательстве мужчин всего лишь незначительно превышает количество женщин.

С одной стороны, данный факт является, безусловно, позитивным, учитывая, что вообще среди самозанятых (т.е. не только в бизнесе) доля мужчин превышает долю женщин на 25,8%, при этом количество мужчин-работодателей составляет 80,1%, а доля женщин – 19,9%.

С другой стороны, индивидуальное предпринимательство является социально непрестижным видом бизнеса. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты исследования «челноч-

ного» бизнеса как одной из наиболее развитых сфер индивидуального предпринимательства, проведенного Т. Андреевой в Самаре[7]. Исследовательница отмечает, что «большинство информантов считают челночный бизнес понижением своего социально-профессионального статуса. При этом мужчины гораздо реже идут на это понижение социального статуса, чем женщины»[8].

Большинство предпринимательниц приходит в бизнес с целью материального обеспечения семьи. Как я уже отмечала, в условиях социальной политики белорусского государства женщина часто не может полностью реализовать свое право на труд и обеспечить свою семью, особенно если речь идет об одиноких женщинах с детьми. По результатам экспертного социологического опроса женщин-предпринимательниц, проведенного в мае 2004 г. в Минске, 36% женщин пришли в бизнес для того, чтобы создать себе и своей семье достойные условия жизни; 34,7% женщин свой приход в бизнес связывают с состоянием безработицы, потому что у них не было возможности трудоустроиться[9].

Как отмечает Т. Андреева, «подобная самозанятость казалась наиболее простым способом временного и быстрого заработка. Характерно, что все "челноки" отмечают, что собирались заниматься этим бизнесом временно, чтобы решить материальные трудности, связанные с поддержанием семьи»[10].

Среди основных ресурсов, которые необходимы для организации и ведения предпринимательской деятельности в сфере торговли, Т. Андреева выделяет следующие: знания и умения, связанные с данным видом деятельности, которые они полу-

[7] Поскольку феномен индивидуального предпринимательства в Беларуси практически не изучен, я считаю целесообразным и оправданным приведение результатов исследований аналогичного опыта постсоветских стран. Кроме того, в фокусе исследования Андреевой – частные предприниматели России, статус которых аналогичен статусу индивидуальных предпринимателей в Беларуси.

[8] Андреева Т. Челночный бизнес как стратегия домохозяйства: анализ результатов эмпирического исследования // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: сб. науч. статей / Под ред. Л.Н. Попковой, И.Н. Тартаковской. Самара, 2003.

[9] Лукашова О. Состояние и перспективы развития женского предпринимательства. http://bbwom.net/ru/articles/13/detail/11/back.html.

[10] Андреева Т. Указ. соч.

чают от друзей, коллег, родственников; материальные ресурсы, которые они берут в долг у знакомых или родственников либо используют личные накопления, помощь семьи по домашнему хозяйству и в бизнесе, ресурсы здоровья и времени.

Что касается семьи, то данный ресурс, по мнению Андреевой, является одновременно и барьером на пути развития бизнеса, его укрупнения.

Подтверждением данного тезиса могут служить результаты проведенного мной пилотажного интервью. Респондентка, которая занимается реализацией детской одежды second-hand на рынке «Ждановичи», с одной стороны, отмечает, что в бизнесе ей помогают муж и дочь, а начала она заниматься предпринимательской деятельностью при помощи старшего сына. В то же время некоторые моменты интервью указывают на то, что ради семьи ей пришлось, например, перестать ездить за рубеж для закупки товара, что могло бы поспособствовать развитию бизнеса.

Кроме того, если члены семьи задействованы в бизнесе полностью и дополнительных источников дохода семья не имеет, то получается, что большая часть прибыли уходит на ее содержание. Поскольку вся прибыль уходит на содержание семьи, финансовых ресурсов на расширение и развитие своего бизнеса у женщины не остается. Следовательно, переход в статус юридического лица становится затруднительным.

Таким образом, сосредоточенность всей семьи в сфере индивидуального предпринимательства является экономически неэффективной стратегией, связанной к тому же с определенными рисками. Ведь если вся семья находится в материальной зависимости от одного бизнеса, то в случае его неуспешности и ликвидации материальная обеспеченность семьи ставится под угрозу.

Если же бизнес успешен и никакая ликвидация ему не грозит, то это предполагает, что предпринимательница должна обладать достаточным количеством времени для его эффективного ведения. Тогда домашние обязанности в идеале должны распределяться между другими членами семьи. Если же женщине приходится задействовать семью в бизнесе, то перераспределение домашних обязанностей становится затруднительным. Например, в проведенном мной интервью муж респондентки имеет постоянное место работы, но в то же время он помогает ей в

бизнесе. В итоге домашние обязанности выполняет сама предпринимательница или перед работой, или после. К тому же из интервью следует, что ее предпринимательская деятельность как раз и является способом более эффективного совмещения занятости и домашнего труда, поскольку на работе с фиксированным графиком этой эффективности добиться сложнее. Таким образом, по словам респондентки, ей приходится отказаться от бизнес-поездок (которые, кстати, приносили ей удовольствие) в пользу выполнения домашних обязанностей.

Выходом из перечисленных ситуаций, которые препятствуют развитию женского предпринимательства, является использование в бизнесе труда наемных работников. Индивидуальные предприниматели законодательно ограничены тремя работниками. Это ограничение было введено Декретом № 4 в 2004 г.

Однако 29 декабря 2006 г. президентом был подписан указ № 760 «О внесении изменений и дополнений в Указ № 285». И самое первое изменение коснулось рынка наемного труда. С 1 января 2008 г. «деятельность индивидуального предпринимателя может осуществляться только с привлечением членов семьи и близких родственников (супруг (супруга), родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные), родные братья и сестры, дед, бабка, внуки)».

Таким образом, государство на законодательном уровне закрепило семейственность бизнеса индивидуальных предпринимателей и предпринимательниц, что, как я уже отмечала, является экономически нерациональным и препятствует развитию бизнеса ИП.

Конечно, предполагаемые последствия нововведений в равной степени коснутся и предпринимательниц, и предпринимателей. Можно сказать, что Указ № 760 – это удар по всему индивидуальному предпринимательству как «классу». И многие эксперты прогнозируют, что количество ИП с 2008 г. значительно сократится. И это вовсе не значит, что все они перейдут в статус юрлиц. Поскольку многие из предпринимателей не имеют достаточных материальных средств для перерегистрации своего бизнеса, то значительной части ИП придется или сократить объем своей деятельности, или ликвидировать ИП.

Как я уже отмечала, социальная политика белорусского государства такова, что мужчина менее дискриминирован на рынке

труда, чем женщина. Сфера труда сегрегирована таким образом, что мужской труд оплачивается выше, чем женский. Поэтому даже если индивидуальный предприниматель не сможет продолжать вести свой бизнес, шансов найти высоко оплачиваемую работу на рынке наемного труда у него значительно больше, чем у предпринимательницы. Более того, женщины, как правило, обладают меньшими финансовыми возможностями и социальными связями для того, чтобы продолжить активно развивать свой бизнес в новых условиях. Поэтому можно предположить, что женщинам будет сложнее, чем мужчинам, повысить свой статус, перерегистрировавшись в юридическое лицо.

Это может привести к тому, что сфера индивидуального предпринимательства станет более феминизированной. Поскольку женский труд, как правило, ценится меньше, чем мужской, особенно в гендерном режиме «мужчины-кормильца», то феминизация индивидуального предпринимательства приведет к его обесцениванию как сферы малого бизнеса. Следовательно, индивидуальным предпринимателям станет сложнее получить кредиты под развитие бизнеса, они не смогут привлекать в свой бизнес никакие инвестиции. Поэтому женщины, которые избрали индивидуальное предпринимательство в качестве способа занятости в условиях дискриминационной социальной политики, снова оказываются в менее выгодном положении по сравнению с мужчинами.

Ирина Соломатина
(ЕГУ)

(НЕ)УЗНАВАЕМОЕ «ПУБЛИЧНОЕ ЖИВОЕ»

Summary: In this article the author attempts to analyze media representations of the public figures of different genders (portraits of the Belarusian musicians) or in other words undertakes the gender analysis of the media images made by the photographer V. Titov for the magazine "Entertainment and Rest Today".

Как-то раз мне предложили сходить на фотографическую выставку и поделиться своими впечатлениями. Передо мной стояла задача вербализации фотографического опыта, т.е. я должна была попытаться нечто сказать после непосредственного контакта с фотографиями. Но сначала необходимо было осмыслить увиденную мною фотографическую поверхность. Сюзанн Зонтаг писала, что величайшая мудрость фотографического изображения говорит нам: «Такова поверхность, а теперь думайте, чувствуйте, постигайте... вычисляйте, какова должна быть реальность при данном поверхностном обличии»[1].

Итак, выставка «20 маленьких портретов для "больших" людей» фотографа Валерия Титова выполнена для журнала «Развлечения и отдых сегодня» («РиО»), об этом свидетельствовали логотипы данного журнала, размещенные на афише и календарях. Эта же выставка, но под названием «Публичное живое» размещена на сайте фотографа (www.valerytitov.com), и именно оттуда я возьму один сегмент (состоящий из шести фотографий) для дальнейших рассуждений.

[1] Сюзанн Зонтаг. О фотографии // Мир фотографии / Сост. В. Стигнеев, А. Липков. М., 1998.

Перед нами портреты белорусских музыкантов, вокалистов, телевизионщиков. Один женский и пять мужских. Цель моих дальнейших размышлений будет заключаться в том, чтобы проанализировать медиарепрезентации публичных фигур разного пола, или, другими словами, осуществить гендерный анализ медиаобразов, сделанных В. Титовым для «РиО».

СМИ воздействуют на нашу повседневную жизнь разными способами; учитывая возможное (со)существование многообразных жизненных стилей и практик, они выделяют различные группы (гендера(ов), статуса(ов) и пр.) и задают определенные образцы поведения/потребления, которые в дальнейшем представляются как нормативы индивидуального поведения/потребления/выбора. Так, являясь трансляторами гендерной символики, СМИ формируют и нормализуют гендерные образцы/роли, т.е. «естественные» представления о *мужественности* и *женственности*, которые оказывают определенное символическое давление/воздействие на массовое сознание и повседневные практики людей.

Периодическое иллюстрированное издание «РиО» существует пять лет, представляя собой коммерческий проект, целью которого является получение прибыли. Журнал адресован городской аудитории, он репрезентирует определенные символические коды городской идентичности, задает *образцы* поведе-

ния через формирование и нормирование «стандарта» городской жизни, где потребление развлечений и отдых становятся значимым способом организации повседневных практик. Современная городская личность должна иметь особое мировоззрение, выработанное в городской среде. Опыт города предполагает не только посещение кафе, клубов, театров, выставок, концертов и т.д., но и знание своих «больших» людей *в лицо*.

Портреты, выполненные В. Титовым и размещенные на страницах журнала, сопровождаются текстовыми материалами, т.е. репрезентация определенных моделей пола происходит как в вербальных текстах, так и визуальных. Меня будут интересовать последние, фотопортреты, при исполнении которых фотограф В. Титов, и это мы можем (у)видеть, использует разные технологии создания визуальных образов публичных фигур: женщин и мужчин. Известно, что конвенции репрезентации женщин и мужчин различны, следовательно, существуют некие (социальные, культурные и пр.) механизмы, посредством которых их принято изображать по-разному. До определенного времени считалось, что воссоздаваемое с помощью репрезентации значение связано с отображаемым объектом, человеком, идеей или событием, существующими в реальности, т.е. что значение находится внутри реального мира (мир уже обладает значением) и язык (вербальный/визуальный) всего лишь отражает этот смысл/значение[2]. Но этот подход не объяснял наличие/отсутствие различных/многообразных репрезентаций одного и того же явления в разных культурах.

Несколько позже анализировать репрезентацию стали в другой плоскости – не ища сходства между репрезентацией и социальной реальностью, а делая сравнения между различными репрезентациями, функционирующими в данном культурном пространстве и времени.

С точки зрения этого (конструктивистского) подхода, смысл/значение не находится в реальном мире, а каждый раз заново конструируется и реконструируется посредством работы репрезентации (означивающих практик) в процессе коммуникации, непосредственно отражая ее социальный контекст. Именно этот подход позволяет объяснить культурный и политический смысл многочисленных образов мужчин и женщин, которыми пере-

2 Screening: Лекция Стюарта Холла.

полнены масс-медиа, и доказать, что культурные концепты (*мужественность/женственность*) конструируются внутри и посредством образов, а не являются чем-то уже «данным» в готовом виде и навсегда.

«Репрезентация – это процесс, посредством которого субъекты культуры используют язык (или любую другую систему знаков) для производства значений. Объекты репрезентации не обладают смыслом сами по себе (он рождается в процессе интерпретации и коммуникации, кодирования и декодирования текстов) и зависят от культурного контекста»[3].

Все мы являемся агентами социализации и с детства усваиваем те гендерные образцы/роли, которые предлагаются телевидением, книгами, журналами и т.д. Наше знание (все, что мы воспринимаем) социально сконструировано, типизировано и подогнано под «объективные» определения доминирующей культуры *через* и *в* дискурсах определенной символической системы. С другой стороны, любое событие еще на этапе представления, до его вовлечения в коммуникативную ситуацию посредством масс-медиа, облечено в дискурсивную оболочку, состоящую из уже существующих определений, имеющихся знаний, извлеченных из общественного мнения и других информационных источников. Таким образом, аудитория оказывается и получателем сообщения, и его источником/средой, откуда черпаются мнения, знания, коллективные определения, идеологические клише[4]. Стюарт Холл заметил, что в реальности процессы коммуникации имеют не линейный, а петлеобразный характер: производство сообщений, их циркуляция, потребление и затем воспроизводство образуют единый цикл. Но возникают определенные разрывы/помехи между кодами «источника» и кодами «получателя» сообщения в момент передачи «из» и «в» дискурсивную форму, такие искажения неизбежны в процессе трансформации события в сообщение, при движении значения от отправителя к получателю. По мнению С. Холла, реальные собы-

3 Усманова А. Холл (Hall) Стюарт // Постмодернизм. Энциклопедия. Мн., 2001. С. 941–946; Hall S. The Work of Representation // Representation: Cultural Representations and Signifying Practices / ed. S. Hall. Milton Keynes, 1997.

4 Усманова А. Указ. соч.

тия не существуют для нас, пока они не опосредованы языком или другими знаковыми системами, т.е. не названы.

В основном получая информацию о мире из масс-медиа, мы сталкиваемся с тем, что любые знаки, вовлеченные в массовую коммуникацию, перестают быть носителями ясного и разделяемого всеми универсального значения, они начинают функционировать полисемично[5]. Например, такое событие, как рождение ребенка, может быть представлено в масс-медиа различными способами. В рамках церковного дискурса ребенок описывается как религиозная ценность – святая «*жизнь*»; в медицинском дискурсе – *зародыш,* показан как нуждающийся в пренатальной терапии; в дискурсе социальной политики – *плод,* который необходимо охранять в интересах государства[6]; в феминистском дискурсе – как индивидуальный *выбор* женщины. Таким образом, различные дискурсы борются за «объективное/правильное» описание социальной реальности, или, другими словами, существуют многочисленные формы борьбы за доминирующее значение в культурном поле. Волошинов считал, что

---

5 Усманова А. Указ. соч.

6 Мещеркина Е. Феминистский подход к интерпретации качественных данных // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учеб. пособие. Харьков; СПб., 2001. С. 220.

дискурс идеологичен, так как он возникает между социально организованными индивидами и не поддается пониманию вне его контекста: «дискурс, взятый… в качестве феномена культурного общения… не может быть осмыслен независимо от породившей его общественной ситуации»[7].

Итак, вернемся к анализу и интерпретации фото изображений «больших» людей Титова, выполненных для «РиО». Единственный в выбранном мною блоке женский портрет публичной фигуры сопровождается надписью: «*Руся, гр. INDIGA*».

Перед нами статичное по форме визуальное изображение молодой, хрупко сложенной женщины. Легкий наклон фигуры на снимке образует диагональ, которая все же привносит определенную динамику, направленность и неустойчивость. Она смотрит на нас/зрителей, уверенно «*возвращая*» наши взгляды. Возникает двоякий образ. С одной стороны, сохраняется состояние сфокусированности[8] на себе самой. С другой, открытое обращение к каждому в отдельности (прямой взгляд) может прочитываться как призыв к активному действию, например, так: «Я сама достигла личного успеха, и ты можешь» (не будем забывать, что это портрет «большого» человека). Доверительные отношения в этом случае устанавливаются для того, чтобы зритель мог идентифицировать себя с активной позицией Руси. «*Возвращение взгляда*» можно было бы интерпретировать как визуальное сопротивление попытке «объективирования» себя, но медиаобраз героини как активного и независимого субъекта взгляда дает сбой в процессе более пристального анализа.

---

[7] Майнхоф У. Дискурс // Контексты современности-II. Хрестоматия / Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во КГУ, 1998. С. 25–26.

[8] Юрчак А. По следам женского образа // Женщина и визуальные знаки / Под ред. А. Альчук. М., 2000. С. 69.

Первое, что бросается в глаза, – фигура полуобнажена; если вспомнить полотна Рубенса или Мане, можно предположить, что это «*художественно представленное*» (раздетое) женское тело. Но… Возникает определенный диссонанс: если это портрет «большого» человека / публичной фигуры, имеющей некие профессиональные достижения, то почему она репрезентируется обнаженной? Поза постановочна и сексуальна. Руся – вокалистка группы «INDIGA» – не играет, а держит/сжимает в руках музыкальный инструмент (кларнет), видимо потому, что в целом она играет сексуальную женщину. Здесь явно присутствует некая связь между женщиной и инструментом. Кларнет может быть метафорически воспринят как фаллический символ (по смутному сходству: длинный и тонкий) и в то же время метонимически прочитан через ассоциацию с музыкой («Концерт для кларнета с оркестром» Моцарта). Кларнет является самым совершенным по чистоте, звучности и техническому устройству в группе духовых инструментов[9]. Может быть, Руся как певица (подобно кларнету) обладает чистым, выразительным вокалом?

Кларнет, прикрывающий обнаженную грудь вокалистки, разделяет/членит ее тело на части: верхнюю, с гордо приподнятым лицом и распущенными по обнаженным плечам волосами, и нижнюю, соблазнительный обнаженный живот и бедра. Цельное раскрепощенное тело распадается, фрагментируется, автономизируется, но отделенные фрагменты сохраняют свою особую объектную привлекательность, определяющую суть женского пола. Сексуальные формы внешности подменяют личность – это главный коммуникативный код, посредством которого и осуществляется визуальная коммуникация. Вокалистка оказывается в позиции сексуального/патриархатного подчинения и соответствует традиционной ролевой модели. «Мужчины смотрят на женщин. Женщины воспринимают себя как то, на что смотрят. Это определяет не только большинство отношений между мужчинами и женщинами, но и отношение женщин к самим себе. Наблюдающий в женщине – мужчина; наблюдаемый – женщина. Женщина… превращает себя в *объект* визуального наблюдения», – подметил Джон Берджер[10].

---

9 http://ru.wikipedia.org/wiki

10 Гощило Е. Новые члены (members) и органы: политика порнографии // Женщина и визуальные знаки. С. 129.

По мнению теоретика современного искусства художника-фотографа Виктора Бергина, понятие *объективации/эксплуатации* имеет отношение к понятию «отчуждение» и относится к марксистской теории товарообмена, когда образ/тело женщины интерпретируется как товар, а сексуальность рассматривается как культурный продукт, а не врожденный/биологический элемент пола. Мужской взгляд, сталкиваясь с загадкой женской сексуальности, создает свое *воображаемое* представление о женском мире и женской сексуальности, которое и питает тайное наслаждение/удовольствие «человека с камерой», собственная речь модели ему не интересна[11]. Объектом желания становится сама структура сексуальности, эротизируется само гендерное различие.

Но женщина как объект мужского взгляда не является всего лишь жертвой. Зависимость между контролером/активным субъектом и контролируемым/пассивным объектом взаимна и сложна. Использование ресурсов женской сексуальной привлекательности за пределами приватно-семейной сферы желания и любовных отношений становится способом извлечения определенных благ и/или манипулированием другими. Манипулирование является эффективной стратегией, которой пользуются как женщины, так и мужчины. Но женщины долгое время были структурно исключенными/вытесненными из публичной сферы, и теперь они прибегают к любым доступным, даже гендерно маркированным стратегиям, чтобы добиться позиции в публичном пространстве, мобилизуя не только профессиональное умение, но и разнообразные ресурсы обольщения мужчин и манипулирования ими. Нелегитимная сексуально-эротическая «женская власть» существует, поддерживая/воспроизводя патриархатный порядок, так как существуют барьеры включения женщин в публичную сферу на равных правах с мужчинами[12].

В постсоветское время, благодаря рекламе, произошло избавление от запрета на публичный показ обнаженного жен-

---

11 Аристархова И. Ослепляющий взгляд теорий репрезентации // Женщина и визуальные знаки. С. 192–193.

12 Здравомыслова Е., Темкина А. Патриархат и «женская власть» // Российский гендерный порядок: социологический подход [коллективная моногр.] / Отв. ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007.

ского тела, но не мужского. Мужское тело на портретах фотографа Титова предельно скрыто.

Портрет «Пит Павлов» представляет собой статичное изображение мужчины, контуры которого почти сливаются с темным фоном. Легкий наклон, также как и на предыдущем снимке, образует диагональ, привносящую определенную направленность. Специально принятое положение тела скрывает его от зрителей, в отличие от тела Руси, полностью представленного для обозрения. Внимание привлекают мужественное лицо – оно подчеркнуто, освещено, ему нет конкурентов на снимке – и сильные руки на темном фоне. Исследователи обнаружили, что в изображениях в печатных изданиях мужчин и женщин лицо выделяется в разной степени, и назвали это явление *фэйсизм (face-ism)*. Фотоизображения в прессе акцентируют внимание зрителей на лицо у мужчин, и тело – у женщин. Может показаться, что этот факт не имеет большого значения, но эксперименты Арчера и других показали, что голова/лицо ассоциируются у зрителей с интеллектом, личностью и характером, и средства массовой информации приписывают эти характеристики прежде всего мужчинам. Таким образом, имеет место дифференциальное усиление лица у мужчин и тела – у женщин[13].

Пит сидит закинув ногу на ногу (свободная западная поза), облаченный в синие джинсы, желтую рубашку, темный пиджак и шарф в полоску, черную шляпу с узкими полями... Именно с помощью таких реквизитов и такой мизансцены фотограф создает образ гитариста группы «N.R.M.» («Незалéжная Рэспýбліка Мрóя» – белорусская рок-группа).

В пародийной книге «Рок-гитара для "чайников"» автор обещает любому помочь стать рок-гитаристом – «а что может быть *круче*? Только быть секретным агентом... и иметь "черный пояс" по карате. Но даже если вы... Джеймс Бонд... – ...играть на рок-

13 Шон Бурн. Гендерная психология. http://www.1gay.ru

гитаре круче... здесь и искусство, и страсть, и драйв, и стихи, и возможность завести слушателей...»[14] Этот текст, как и фотография Пита, хорошо иллюстрирует суть конструирования «образа» рок-гитариста, основанного на принципе *цитатности*[15]. Смысловой эффект достигается путем демонстрации определенных легко прочитываемых знаков-образов. Читатель/зритель узнает исходный контекст и вспоминает уже виденные, тиражируемые в западном массовом искусстве образы независимого, уверенного в себе, одинокого героя, жизнь которого наполнена приключениями, опасностью и победами. Этот концепт западной маскулинности предполагает веру в индивидуальную свободу личности, символические фрагменты такой мужественности присутствуют в альтернативной культуре[16]. Но внешние «*показатели содержания*» (синие джинсы, желтая рубашка, пиджак в полоску, шляпа с узкими полями) ни *показательной* функции (ориентирующей и отсылающей к другим смысловым уровням), ни *содержательной* функции (разъясняющей суть происходящего) здесь не выполняют[17], так как отсутствует контекст и совокупность символичных, культурных и ментальных знаков, которые позволили бы определить белорусское происхождение рок-гитариста Пита Павлова. Без этого распознавания/узнавания скрытого контекста, который не равнозначен незаметности, «показатели» данного типа мужественности на снимке существуют лишь благодаря своей способности не совпадать друг с другом в пределах сложенной комбинации, т.е. разрозненные «цитаты» без *основной* темы превратились в самостоятельный текст, не существующий и невозможный вне своей цитатности. Западная маскулинность за проявлениями рок-гитариста Пита не скрывается, она конструируется в процессе репрезентации теми самыми *проявлениями*, которые считаются ее *результатами* (поза, одежда, мизансцена). Где же тогда «большой» человек Пит Павлов? Или же мы сталкиваемся с «*наличием отсутствия*» основного *лица* на портрете, подписанном «Пит Павлов».

---

14 http://www.dialektika.com/books/5-8459-0767-5.html

15 Ушакин С. «Человек рода он»: футляры мужественности // О муже(N)-ственности. М.: НЛО, 2001.

16 Здравомыслова Е., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности.

17 Ушакин С. Указ. соч.

Выбранных мной публичных фигур (Русю и Пита) объединяет общий род деятельности: они представляют альтернативную независимую музыкальную среду Минска. Но, как мы могли увидеть, их медиапортреты, сделанные для «РиО», не узнаваемы в «буквальном смысле». Их репрезентации, выполненные в патриархатной парадигме, способствуют зрительскому узнаванию (*мимоходом*) наиболее консервативных образов *мужественного мужчины* и *женственной женщины*, где мужчина – талантливый, независимый, умный, а женщина – эротическое существо, неполноценный субъект, интересы которого определяются не профессиональной деятельностью, а сексуальной зависимостью от мужчин, способных оценить ее внешность/тело.

При всей видимости существования разнообразных гендерных моделей/имиджей в современном культурном пространстве Минска, их обнаружение в СМИ (в частности в «РиО») остается проблематичным, но любая репрезентация представляется крайне желанной, так как без нее (вспомним Холла) нет и самой альтернативной среды. Такая ситуация напоминает определенный компромисс интересов: альтернативные музыканты, исключенные из публичного пространства РБ, прибегают к любым доступным стратегиям для использования *возможности быть увиденными*, но это не приводит к обнаружению самих субъектов независимой среды. Крайне важным в таком случае становится понимание необходимости сопротивления самим патриархатным политикам репрезентации, ведущим к подчинению и эксплуатации, отчуждающим индивида от того, что он/она производит, и привязывающих их к ложным фиксированным идентичностям (по полу, по профессии и пр.).

В отличие от Беларуси, в России существуют разнообразные субкультурные издания, на страницах которых представлено «необычное» и часто эпатажное гендерное разнообразие[18]. Это расслоение традиционной гендерной модели разбивает единство и вызывает перегруппировку сил. Несмотря на то, что субкультура – достаточно закрытая среда, она все же воздействует на доминирующую культуру и трансформирует ее, т.е. «борьба в культуре и за культуру» все же идет.

[18] Omel’chenko E. My Body, My Friend? Provincial Youth Between the Sexual and Gender Revolutions // Ashwin S. (ed.) Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. London: Routledge, 2000. P. 137–167.

Татьяна Щурко
(ЕГУ)

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАРУШЕНИЙ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Summary: This research lets us to analyze the peculiarities of constructing the "eating disorders" by the consideration of the main dimensions of its constructing. In the research we use rather new methods, such as, study of Internet communities and e-mail interview.

Введение

На сегодняшний момент достаточно актуальной является проблема, касающаяся нарушений «образа тела». Все большее количество людей оказывается одержимым идеей достижения идеальной внешности. Как результат – миллионы людей истощают себя физическими упражнениями, ложатся под нож хирурга, злоупотребляют диетами, тратят время и деньги на другие, не менее рискованные способы борьбы за совершенную внешность. Ценой за мечту об идеальном теле становятся воспаления, уродливые шрамы, инфекции, расстройства пищевого поведения, вплоть до крайних форм – анорексии или булимии[1], искаженное восприятие собственного тела, зависимость от психоактивных веществ, депрессия и т.д. Одними из наиболее распространенных нарушений «образа тела» являются нервная анорексия и булимия.

---

[1] Анорексия, булимия – нарушения пищевого поведения, связанные с искажениями «образа тела».

Однако современный уровень развития психологической и психиатрической науки не дает нам точного и полного ответа на вопрос о механизмах и факторах, являющихся пусковым механизмом в возникновении нарушений пищевого поведения, до сих пор нет точного представления, каким образом определенные причины вызывают изменения в «образе тела» человека. Недостаточность изученности данной проблемы связана также с проблемами проведения именно социологического исследования, а не психиатрического. Единственное место, где можно встретить человека с диагнозом «нарушение пищевого поведения», – это больница, и чаще всего именно психиатрическая больница. На собственном опыте я убедилась, что желание провести исследования в больнице наталкивается на огромное количество трудностей. Например, доступ в медицинские учреждения такого типа является закрытым и ограниченным и свободен лишь для медицинских исследователей. Но если и удается получить разрешение на проведение исследования, то можно столкнуться с негативным отношением со стороны испытуемых, которые воспринимают исследователя как часть данной системы, из которой им очень хотелось бы вырваться. За пределами больницы чаще всего найти людей с нарушениями пищевого поведения практически невозможно, что связано с тем, что люди с подобным заболеванием часто скрывают наличие проблемы и отказываются идти на контакт с людьми, не имеющими подобных проблем.

Большие возможности для исследователя открывает интернет-пространство – как для поиска людей с нарушениями пищевого проведения, так и для изучения самого виртуального пространства по данной тематике. В интернет-пространстве люди чувствуют себя более раскованными, т.к. создается ощущение анонимности и безопасности, они легче идут на контакт и соглашаются принять участие в исследовании.

Таким образом, в представленном в данной статье исследовании использовался достаточно новый, особенно для постсоветских социологических исследований, метод сбора информации – анализ интернет-сообществ. Кроме того, данные, полученные этим методом, были подкреплены анализом данных, полученных с помощью e-mail-интервью.

Использование интернет-пространства для проведения качественного исследования

Как отмечает М. Кастельс, сеть Интернет уже в 1990-х гг. стала основой глобальной компьютерной коммуникации, она постепенно связывает между собой большинство сетей. В середине 1990-х гг. она связывала 44 тыс. компьютерных сетей и около 3,2 млн хост-компьютеров во всем мире, имея приблизительно 25 млн пользователей и быстро расширяясь[2].

Таким образом, все больше и больше людей получают доступ к всемирной сети. Американские исследователи Р. Хамильтон и Б. Боуэрс указывают на то, что для многих людей интернет-пространство становится пространством, где они могут организовывать различные сообщества и вступать в них, а также и ресурсом информации[3].

Соответственно для современного исследователя открываются огромные возможности для проведения исследования в интернет-пространстве, и здесь мы можем обозначить ряд направлений: во-первых, непосредственное исследование интернет-пространства – сайтов, сообществ дискуссионных групп и т.д., причем исследователь может как просто описывать данные пространства, так и быть активно включенным в коммуникационный процесс, а во-вторых, проведение опроса, интервью с использованием данного пространства и его возможностей.

Отметим, что современные западные исследователи все чаще обращаются к использованию интернет-пространства и его возможностей для проведения исследования.

Мюрэй (Murray) и Сиксмит (Sixsmith) в 1998 г. провели 21 электронное интервью с пользователями Интернета из Австралии, Канады, Нидерландов, Великобритании и США с целью определения валидности e-mail-интервью как метода для качественного исследования[4]. Кураси (Curasi) в 2001 г. провел ис-

---

2 Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

3 Hamilton R.J., Bowers B.J. Internet recruitment and e-mail interviews in qualitative studies // *Qualitive health research.* 2006. July. P. 821–835.

4 Meho L.I. E-Mail Interviewing in Qualitative Research: A Methodological Discussion // *Journal of the American society for information science and technology*. 2006. № 57 (10). P. 1285.

следование с использованием как e-mail-интервью, так и обычного интервью в режиме реального времени с целью сопоставить данные этих двух видов интервью и на основании результатов разработать способы по повышению эффективности e-mail-интервью[5]. Проведенные исследования методов работы с интернет-пространством позволяют выделить основные их особенности, достоинства и недостатки и представить их в виде следующей таблицы.

Преимущества и недостатки исследования в интернет-пространстве и e-mail-интервью (на основании работ Р. Кумбера[6], Н. Иллингворта[7], П. Чена и С. Гинтона[8], Р. Гамильтона и Б. Бауэрса[9], Л. Мехо[10])

Преимущества	Недостатки
Исследование в интернет-пространстве	
1. Географическое разнообразие выборки 2. Отсутствие внешних контролеров за процессом исследования 3. Больше возможностей для доступа к недееспособным людям 4. Четкое определение выборки 5. Формат добровольного участия 6. Более свободный доступ к информации 7. Сведены до минимума материальные и временные затраты	1. Ограниченность выборки (согласно исследованиям в США, большинство пользователей Интернет составляют люди с высоким образованием и хорошим материальным положением) 2. Вероятность фальсификации данных испытуемыми 3. Негативная реакция на присутствие исследователя в пространстве, например, сообщества, интерпретация этого как вторжение в приватную зону[11]

[5] Meho L.I. Op. cit. P. 1285.

[6] Coomber R. Using the Internet for Survey Research // [online] *Sociological Research Online*. 1997. Vol. 2, no. 2. Режим доступа: http://www.socresonline.org.uk /socresonline/2/2/2.html. Дата доступа: 04.02.2008/

[7] Illingworth N. The Internet Matters: Exploring the Use of the Internet as a Research Tool // [online] *Sociological Research Online*. 2001. Vol. 6, no. 2. Режим доступа: http://www.socresonline.org.uk/6/2/illingworth.html. Дата доступа: 04.02.2008.

[8] Chen P., Hinton S.M. Realtime Interviewing Using the World Wide Web // [online] *Sociological Research Online*. 1999. Vol. 4, no. 3. Режим доступа: http://www.socresonline.org.uk/socresonline/4/3/chen.html. Дата доступа: 07.03.2008.

[9] Hamilton R.J., Bowers B.J. Op. cit. P. 821–835.

[10] Meho L.I. Op. cit. P. 1284–1294.

8. Удобный режим работы для исследователя	
E-mail-интервью	
Информанты	
– Доступ к людям с особенностями (люди с физическими недостатками, из географически разнообразных мест) – Электронное интервью позволяет принять участие в исследовании тем, кто чувствует себя более уверенным в письменной речи, нежели в устной, а также отдает предпочтение коммуникации он-лайн, нежели в режиме реального времени	– Отсутствие репрезентативности: выборка, составленная из пользователей всемирной компьютерной сети, нерепрезентативна по отношению к генеральной совокупности – жителям исследуемого региона в целом[12] – Выборка ограничена лишь теми, кто имеет доступ к Интернету – От участников исследования и самого исследователя требуется наличие навыков в он-лайн-коммуникации
Материальные затраты	
E-mail-интервью требует меньше материальных затрат: – требует меньше затрат, чем исследование с использованием телефона или поездок в другие города и т.д.; – не требует затрат на транскрибирование, т.к. информация уже находится в электронном виде	Низкие материальные затраты для исследователя могут быть в свою очередь высокими для участника исследования, например, высокая оплата доступа к Интернету
Временные затраты	
– Исследователь не тратит время на транскрибирование, т.к. информация уже находится в электронном виде – Интервьюирование может происходить не с одним человеком, а с несколькими одновременно – Исследователь и интервьюер имеют больше времени, чтобы отреагировать на вопрос-ответ	– Интервью может потребовать несколько дней или недель на проведение

Поиск выборки	
Поиск участников осуществляется посредством e-mail, сообществ, дискуссионных групп и т.д., что свидетельствует о разнообразии направлений в поиске выборки, возможности осуществления тематического поиска по интересам и т.д.	Приглашение принять участие в исследовании может быть удалено до того, как оно будет прочитано
Особенности процесса интервьюирования	
– Электронное интервью создает у его участников ощущение анонимности, что в большей мере стимулирует их к участию в исследовании – Электронное интервью дает участникам больше времени ответить на вопросы, находясь при этом в знакомой обстановке (дома или на работе) – Более удобный режим работы, как для участника исследования, так и для исследователя – Электронное интервью способствует избежанию проблем, которые могут возникнуть при столкновении исследователя и участников лицом к лицу, как, например, влияние предрассудков в отношении типа кожи, расы, пола и т.д. – Заменой невербальной речи могут выступать специальные символы, которые активно используются при общении в режиме он-лайн	– Испытуемые могут в любой момент прервать исследование даже на начальном этапе – Вероятность фальсификации данных со стороны участников исследования – Многие участники исследования могут быть не очень хороши в письме и легче выражают свою мысль вербально, соответственно в ходе исследования может отмечаться бедность высказываний – Отсутствие доступа к данным о невербальной коммуникации

[1] Frankel M.S., Siang S. Ethical and legal aspects of human subjects research on the Internet. A report of a workshop. Washington DC, June 10–11, 1999. Режим доступа: http://www.aaas.org/spp/dspp/sfrl/projects/intres/main.htm. Дата доступа: 07.03.2008.

[2] Стребков Д.О. Социологические опросы в Интернете: возможности и ограничения. Режим доступа: http://ecsocman.edu.ru/db/msg/183323. Дата доступа: 07.03.2008.

Как отмечают Р. Хамильтон и Б. Боуэрс, теоретические основания e-mail-интервью недостаточно разработаны из-за отсутствия исследований, которые помимо стандартных видов интервью включали бы и e-mail-интервью[11]. Л. Мехо, суммируя исследования в отношении e-mail-интервью, составил список основных моментов, на которые следует обращать внимание для успешного проведения исследования:

1) приглашение принять участие в исследовании желательно осуществлять индивидуально, нежели делать рассылку или оставлять информационное сообщение;

2) при отправлении сообщения обязательно помечать тему, например «Исследовательское интервью», с целью избежать удаления письма до того, как оно будет прочитано;

3) потенциальному участнику исследования необходимо представить себя и информацию о своем профессиональном статусе;

4) необходимо объяснить, каким образом и почему тот или иной человек был выбран как потенциальный участник сообщества и откуда был взят его адрес;

5) четко указать, для чего проводится интервью и какова роль участника в исследовании, процедуру проведения интервью, какого типа вопросы будут, как быстро надо отвечать и т.п.;

6) обеспечение анонимности данных[12].

Таким образом, исследования в интернет-пространстве и e-mail-интервью с позиции, в основном, западных исследователей выступают как методы, которые могут быть использованы наравне с традиционными методами. Однако они требуют осмысления преимуществ и недостатков, разработки четкой процедуры и способов их использования, что возможно лишь при использовании данных методов на практике, апробировании их на эмпирическом материале.

Описание методов исследования

Представленное в данной статье исследование предполагало использование следующих методов: исследование интернет-сообществ, дневников и e-mail-интервью.

---

[11] Hamilton R.J., Bowers B.J. Op. cit. P. 821–835.

[12] Meho L.I. Op. cit. P. 1284–1294.

Исследование интернет-сообществ и дневников

М. Агуадо и В. Санз отмечают, что расширение сети Интернет открывает новые возможности в рассмотрении проблемы нарушений пищевого поведения – речь идет о сообществах, интернет-сайтах, посвященных анорексии и булимии. Появление данной тематики в пространстве сети Интернет связано с желанием женщин репрезентировать нарушения пищевого поведения не как болезнь, а как определенный образ жизни[13].

В рамках данного исследования проводился анализ интернет-сообществ и дневников, посвященных нарушениям пищевого поведения, а также следованию диете. Было проанализировано два интернет-пространства: Livejournal[14] («Живой журнал») и LiveInternet[15] («Живой Интернет») – состоящих из огромного количества различных сообществ и дневников. Классификация всех сообществ и дневников по интересам позволила нам отобрать те сообщества и дневники, которые в наибольшей мере соответствуют исследовательской цели. Кроме этого, еще одним критерием отбора сообществ был размер того или иного сообщества[16]. Было отобрано 16 сообществ и 10 дневников.

E-mail-интервью

Н. Иллингвортх отмечает, что различные комьюнити, дискуссионные группы, чаты в Интернете являются удобным пространством для поиска участников исследования, т.к. данные объединения сформированы на основании некоего общего интереса, темы, который отражает ту или иную исследовательскую задачу[17]. Для проведения интервью в рамках данного исследования необходимо было подобрать информанток, имеющих опыт заболевания нарушениями пищевого поведения. С этой целью в дневнике сообщества, посвященного нарушениям пищевого поведения и где большинство участниц отмечали, что болели или болеют данными нарушениями, было размещено объявление,

13 Aguado M.G., Sanz V. Eating disorders and the construction of sex: Analysis of its difusion on the Internet and the biomedical instruments of invisibility. Режим доступа: www.umu.se/kvf/aktuellt/ppf/mgonzalezaguado.pdf. Дата доступа: 25.04.2008.

14 http://www.livejournal.com/community/

15 http://www.liveinternet.ru/

16 Размер сообщества – количество участников сообщества.

17 Illingworth N. Op. cit.

на которое откликнулось несколько человек, в результате было проведено 6 e-mail-интервью. Переписка была установлена по электронной почте. Девушки очень охотно и достаточно быстро отвечали на высылаемые вопросы. Живо интересовались исследованием и его результатами.

Процедура интервью заключалась в том, что заранее был составлен ряд вопросов, которые и высылались информанткам. Однако в процессе интервью возникали новые вопросы, являющиеся результатом анализа ответов информанток. Таким образом, процесс анализа интервью проводился одновременно с его проведением. Вопросы касались внутренних переживаний девушек относительно их заболевания, а также особенностей взаимодействия с окружающими, образа жизни, повседневной активности. Чтобы избежать фальсификации данных со стороны интервьюируемых, использовался способ повтора вопросов через определенные промежутки времени и апелляция к уже сказанному ранее.

Анализ данных

Как в случае анализа интернет-сообществ и дневников, так и в случае анализа интервью использовался метод *категоризации значений*. Как отмечает С. Квале, категоризация значений состоит в том, что данные распределяются по категориям и эти категории кодируются. Таким образом, категоризация сокращает и структурирует большой текст, сводя его к нескольким таблицам и рисункам[18].

Результаты эмпирического исследования особенностей репрезентаций нарушений пищевого поведения в интернет-пространстве

Нарушение пищевого поведения рассматривается нами как часть повседневности человека, и в рамках данного исследования рассматривается то, как эта повседневность репрезентируется в интернет-пространстве. В самом названии и описании данного нарушения в интернет-пространстве и e-mail-интервью используется медицинская терминология и взгляд медицины на данную проблему. Однако этим проникновение медицинского

[18] Kvale S. InterViews: An introduction to qualitative research interviewing. Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. P. 189.

дискурса в интернет-пространство и ограничивается. Данные сообщества легитимируют нарушение пищевого поведения и представляют его как определенный образ жизни, как повседневность, которая имеет право на существование, в отличие от медицинского понимания этого феномена как патологии.

На основании полученных данных были выделены особенности репрезентации нарушений пищевого поведения в интернет-пространстве.

Во-первых, нарушение пищевого поведения репрезентируется как особое отношение к внешности, собственному телу, кроме того, к еде и питанию.

<u>Качество тела и внешности</u> представляется участницами сообществ как основной критерий определения собственной ценности. Тело выступает как объект, который необходимо контролировать, тщательно измерять, сопоставлять с другими телами. Кроме того, тело рассматривается в интернет-пространстве не целостно, а наоборот – фрагментированно, оценивается качество его отдельных частей.

Кроме того, нарушения пищевого поведения репрезентируются в интернет-пространстве через построение особых <u>отношений с едой</u>, что и определяет специфичность диетического и анорексического комьюнити. Так, в сообществе, посвященном анорексии и булимии, еда приобретает крайне негативные коннотации, представляется как некоторое «живое существо», с которым участницы сообщества вступают в сложные отношения. В то же время в диетических сообществах еда репрезентируется более позитивно, через использование огромного количества визуальных образов продуктов питания, что приводит к объективизации еды.

Во-вторых, нарушение пищевого поведения репрезентируется процессуально и в тесной взаимосвязи с самоконтролем. Так, данный процесс включает два отличающихся между собой и сменяющих друг друга <u>процесса</u> – это голодание и переедание. Два этих процесса очень широко представлены в интернет-сообществах и наделены явными конотативными значениями: позитивными в случае голодания и негативными в случае переедания. <u>Самоконтроль</u> репрезентируется как практически ежедневное измерение физических показателей тела и количества еды, потребляемой участницами сообществ, при этом вся эта

информация представлена для всеобщего обозрения в сообществах с целью не только самоконтроля, но и контроля со стороны всего комьюнити за данным процессом.

В-третьих, нарушения пищевого поведения представляются в интернет-пространстве как особые <u>отношения с окружающими</u>. Участницы сообществ репрезентируют себя как одиноких и не понимаемых окружающими в своих устремлениях. Соответственно отношения с окружающими представляются как основанные на полуправде о реальном пищевом поведении представительницы рассматриваемого комьюнити, что является результатом непринятия такого образа жизни со стороны социальной системы.

В-четвертых, нарушение пищевого поведения репрезентируется как <u>часть массовой культуры</u>, что проявляется в представленности огромного количества визуальных образов – фотографий фотомоделей и других знаменитостей, а также в размещении информации о худых знаменитостях и случаях анорексии. Кроме того, в рамках сообществ осуществляется обращение к научно-популярным статьям.

Заключение

На основании эмпирического исследования было установлено, что нарушения пищевого поведения репрезентируются как способы конструирования «образа женского тела», а также как продукт процессов, посредством которых это конструирование осуществляется. К таким процессам относятся:

1. Конструирование нарушений пищевого поведения медицинским дискурсом как болезни, присущей именно женщинам и чаще всего встречающейся у них, тем самым женское тело попадает в пространство медицины, где оно означивается и определяется как патологичное, требующее контроля и направляющего воздействия.

2. Нарушения пищевого поведения тесно связаны с конструированием определенного нормативного тела, эталона, который позволяет осуществлять контроль за повседневностью женщины, процессом формирования ее «образа тела», с помощью варьирования данной нормы, проведения постоянного сравнения с ней. Следует отметить, что создание некоего эталона не носит характера построения целостного образа, а скорее связан

с созданием «процедуры», матрицы по самооцениванию и самоконтролю за своими телесными проявлениями.

3. Наделение тела женщины дополнительным конотативным значением, символизация «нормативного тела» как социально успешного, высокостатусного оказывает влияние на формирование «образа тела» и возникновение противоречий в его формировании при появлении понятия «неуспешного тела» как социально неприемлемого. Нарушение пищевого поведения в данном смысле репрезентируется как попытка достижения «социально одобряемого тела», образа жизни.

Кроме того, результаты эмпирического исследования позволили определить, что процесс питания в социокультурном пространстве не носит характера удовлетворения физиологической потребности, а конструируется как процесс, тесно связанный с вопросами самоконтроля.

Кроме того, нарушение пищевого поведения репрезентируется в интерсубъективном пространстве как феномен, приводящий к внутреннему ощущению изоляции от окружающих: участницы исследования репрезентировали себя как одиноких и непонимаемых со стороны окружающих. В то же время создание тематических интернет-сообществ является стратегией по легитимации данного образа жизни, рассмотрения их как «групп поддержки», в рамках которых нарушения пищевого поведения репрезентируются как образ жизни, который должен быть социально одобрен и легитимирован. В результате социальной изоляции данного феномена, отношения с окружающими людьми приобретают особый характер.

Научное издание

ЕВРОПА:
НОВОЕ СОСЕДСТВО 2008

Материалы международной научной конференции
студентов и аспирантов
17–18 мая 2008 г.
Вильнюс

Сборник научных трудов

В авторской редакции
(ответственность за недостоверность фактов,
приведенных в текстах, несут авторы)

Ответственный редактор *Г.Я. Миненков*
Художник *А.Ф. Киселева*
Корректор *Г.А. Ребенкова*
Технический редактор *О.Э. Малевич*

Взгляды авторов могут не совпадать с мнением редакции

Издательство
«Европейский гуманитарный университет»
г. Вильнюс, Литва
www.ehu.lt
e-mail: publish@ehu.lt

Подписано в печать 26.03.2009.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 12,9. Усл. печ. л. 16,4. Тираж 100 экз.

Отпечатано «Petro Ofsetas»
Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius